

Элиза Б.Шейнмел

[VK.COM/BOOKS_FOR_YOUNG](https://vk.com/books_for_young)

Вторая Звезда

[VK.COM/BOOKS_FOR_YOUNG](https://vk.com/books_for_young)

История о любви, потере и лжи лежит в этом приключенческом романе с прикосновением темного очарования. 17-летняя Венди Дарлинг отправляется на поиски своих пропавших братьев. Это путешествие приводит Венди к загадочной скрытой бухте, населенной мятежными серферами, большинство из них такие же беглецы, как и ее братья. Она сразу привлекает внимание обаятельного лидера Пита и его заклятого врага — наркоторговца Джеса. Загадочный и опасный красавчик Джес очаровывает Венди, несмотря на то, что она по-уши влюблена в Пита. Кардинальное переосмысление классики. «Вторая звезда» — неопровержимый летний роман о двух молодых парнях, которые только становятся взрослыми и попавшей в ловушку между ними красотке.

Элиза Б. Шейнмел

Вторая звезда

Перевод: Иванова Юлия, Юлия Андреева, eLenjtevi, Ari_ana, Ann2014, 79514462776f

Редактирование: Лена Казацкая, Иванова Юлия

Русификация обложки: Арина Лимарь

Я чувствую запах костра, прежде чем выхожу из машины. Уже сумерки, и солнце находится низко над водой. Если верить моим часам, прошло ровно четыре часа с тех пор, как я официально закончила школу. Но я не чувствую себя взрослее, чем утром.

Я оставила свои туфли в машине и шагнула на пляж.

— Поздравляю, — говорю я, никому в частности, потому что одноклассники находятся слишком далеко, чтобы меня слышать. Еще никогда я не слышала одно и то же слово так много раз в течение дня.

— Венди!

Голос Фионы проносится над толпой, когда она бежит ко мне. У нее всегда был самый громкий голос и смех. Даже в детском саду у нас иногда были проблемы из-за этого. Она хватает меня за талию и мы вместе падаем на песок.

Резко сажусь, скрестив ноги, а Фиона кладет свой подбородок мне на плечо. Кончики ее клубнично-белых волос вызывают мурашки на моей голой коже. Мои темные волосы затянуты в тугий хвост на затылке.

— Где Дэкс?

Фиона пожимает плечами: девушка, которая знает, что ее парень недолго будет далеко от нее.

— Где-то рядом.

Я помню, как они выглядели на выпускном. Я сидела на сцене, в отделении для тех, кто закончил школу с красным дипломом, чтобы легко можно было смотреть вниз на толпу и Фиону. Дэкс держал свою руку у нее на плече все время, хотя было очень жарко в колпаках и мантиях.

Фиона тянет меня за руки и со смехом помогает встать.

— У тебя ледяные пальцы!

— Дай взглянуть, — послышался голос сзади. Я чувствую прикосновение Дэкса прежде, чем вижу его. Я стараюсь не дрожать, когда он берет мои руки в свои, подносит их ко рту и дует.

— Эй, — говорит он, — ты холодная как лед, девочка.

Да, это обо мне. Ледяная принцесса, которая живет в стеклянном доме на холме. Девушка, которая пишет эссе для колледжа, пока ее родители разговаривают с полицейским в гостиной.

— Я в порядке, — я вырываю руки и складываю их у себя на груди, — правда.

— Давай, подойди ближе к костру, — говорит он, игнорируя мои протесты.

— Мне правда не холодно.

Я возражаю, пока он пытается оттащить меня, прокладывая путь среди людей, сидящих вокруг костра. Вместо того, чтобы идти за ним, я повернулась лицом к воде, спиной к друзьям. Группа парней гребут по волнам.

— Серферы.

Мои братья начали заниматься серфингом, когда им было по десять лет: два маленьких серфера на пляже. И два самых решительных. Теперь я смотрю на чужой серфинг: мальчики напоминают мне Джона и Майкла, покачиваясь вверх — вниз между волн, крича друг другу,

указывая на те места, где прорывается вода, показывая, как грести и затем плывут обратно.

— Венди, — мягко говорит Фиона, — ты ведь знаешь, что их там нет, верно?

Я стараюсь игнорировать подступающий гнев. Я думаю, они где-то там.

— Ты в порядке?

Фиона обнимает меня, и я пытаюсь побороть в себе желание не обращать на нее внимания. Она просто пытается найти правильные слова. Каждый всегда пытается найти правильные слова. Как будто такие слова существовали!

Мои братья пропали девять месяцев назад, когда начался учебный год. Полиция искала их, но даже я поняла, что это было отчасти следствием. Они не думали, что двое детей побегут к берегу на несколько дней, несколько недель, несколько месяцев.

Сначала родители звонили в полицию каждый день, настаивая на разговоре с детективом, пытаясь объяснить, что их мальчики отличаются от всех других подростков-беглецов. Но они утверждают, что постоянно это слышат. Были подозрения об убийстве, пытались поймать подозреваемых: двое шестнадцатилетних катались на побережье, но это продолжалось не долго.

Я до сих пор помню, когда последний раз видела Майкла и Джона. Они взяли свои любимые доски для серфинга и костюмы для подводного плавания, и пошли прокатиться на ранних волнах, как они и делали каждое утро. У них в волосах еще оставался песок с предыдущего раза. Они никогда не вычищали все это, независимо от того, как много раз они мыли голову. Джон был за главного, и я воображала, что слышала, как Майкл говорил ему поспешить, когда они выходили из дома...

Закрываю глаза, вспоминая, и делаю глубокий вдох. Я чувствую себя ближе к ним, когда нахожусь рядом с водой.

Дэкс стоит между мной и Фионой, держа ее за руку, обнимает меня за плечи. Я пытаюсь выяснить, как Дэкс вдруг стал моим другом минуту назад. Но он встречается с Фионой. Может быть, есть какое-то негласное правило о друзьях лучших друзей, о чем я не знаю, потому что у меня никогда не было парня. Тепло, исходящее от Дэкса, заставляет меня смутиться.

— Я оставила телефон в машине, — лгу я. — Сейчас вернусь.

Но я даже не потрудилась идти к стоянке. Как только я понимаю, что Фиона и Дэкс больше не обращают на меня внимания, подхожу к кромке воды: плеск волн против моих ног, все выше и выше, как будто наступает прилив. Солнце уже полностью скрылось. В дали я могу разглядеть силуэт парня на доске для серфинга. Он плывет между волн, ожидая, чтобы покататься. Сейчас темно, и он единственный серфингист, который все еще в воде.

Он не выглядит испуганным. Воздух вокруг него ясный и звезды плывут следом за ним, словно его светильники.

Он делает это так легко: гребет между волнами и переходит на корточки. Я резко вдыхаю, когда он вскакивает, чтобы устоять. Кажется, что он плавает над водой. Кажется, что он летит.

Недолго думая, я делаю еще один шаг в воду, хотя подол моего платья уже тяжелый от соленой воды. Я двигаюсь все глубже и глубже, все ближе и ближе. Вода поднимается с нежным прикосновением, море успокаивает меня своими прохладными руками. Я закрываю глаза и просто слушаю волны: поднимаются и опускаются, поднимаются и опускаются.

Но вдруг я ощущаю брызги воды и чувствую, как кто-то схватил меня за руку.

— Ты в порядке?

Я моргнула. Серфер находится в воде рядом со мной, его доска покачивается в нескольких футах от него.

— О чем ты думала?! — кричит он. Он обнимает меня и начинает тянуть к берегу. Отпускает только тогда, когда мы достигли поверхности. Вода капает с концов его темных волос на его лицо. Даже в темноте я вижу, что его кожа покрыта веснушками.

Я качаю головой в замешательстве. Я не думала. Я даже не поняла, как глубоко я зашла. Я просто хотела поближе посмотреть. Я удивлена, чувствуя, что кончики моих волос, мои плечи, даже нижняя часть подбородка мокрые.

— Наверное, ты ударилась головой, — говорит он достаточно громко, чтобы перекрыть волны. — Хорошо, что я увидел тебя.

— Извини, — отвечаю я.

— Не извиняйся, — говорит он, качая головой. — Просто будь осторожнее в следующий раз.

Он такой высокий, что вода с его волос капает на меня как капли дождя.

— В следующий раз, — повторяю я, но он уже выпустил мою руку.

А потом он ушел.

— Венди!

Я лежу на пляже, когда слышу, как Дэкс и Фиона зовут меня. Я поворачиваюсь и вижу, как они приближаются ко мне.

— Почему ты так долго? — говорит Фиона запыхавшись. — Я думала, ты просто возьмешь свой телефон, — она тянется ко мне, потом вдруг отступает. — Почему ты мокрая?

— Я в порядке, — говорю я, отряхивая песок с влажной кожи. — Он спас меня.

— Кто? — спрашивает Дэкс, оборачивая пальцы вокруг моего локтя, и тянет к стенду.

— Серфер, который вытащил меня из воды.

— Кто вытащил тебя из воды? — голос Фионы звучит отчаянно. — И что ты там делала?

Я повернулась обратно к океану, но парень с доской для серфинга уже исчез.

— Он ушел, — говорю я пожимая плечами.

Даже не смотря на них, я чувствую, что Фиона и Дэкс переглядываются.

— Не делай этого! — я раздраженно качаю головой. Люди давали мне понять, что беспокоятся, когда видели мое нервное выражение лица, и говорили об этом у меня за спиной и прямо в лицо. Учителя, когда я вернула свои документы не вовремя, но рано. Полицейские, когда я развешивала листовки в их участках. Они думают, я не замечаю этого? Что я не знаю, что это значит?

— Это не имеет ничего общего с Джоном и Майклом, — говорю я.

Они удивлены тем, насколько сурово звучит мой голос. Я обращаюсь к Дэксу.

— Ты можешь меня отпустить. Я никуда не уйду.

— Я думаю, мы должны отвезти тебя домой, — медленно произносит Дэкс. — Ты должна снять мокрую одежду.

— Знаешь, просто потому, что ты парень моей лучшей подруги, не значит, что ты должен мне указывать!

Дэкс, наконец, выпустил мою руку.

— Венди, — говорит Фиона, осторожно положив сухую руку мне на влажную кожу. Я качаю головой.

— Я приду в себя, дома. — Говорю, не обращая внимания на мягкое прикосновение Фионы, и ухожу на стоянку.

— Что с тобой случилось? — спрашивает Фиона.

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Кто ты такая, чтобы говорить мне, что их там нет? — мой голос звучит грубо, как будто песок прилип к языку и застрял в горле.

— Я не хотела... — Фиона сделала паузу. Она посмотрела на Дэкса. Не на меня.

— Конечно, ты хотела! — я удивляюсь уверенности в моем голосе, когда говорю. — Но они там. Я знаю это.

В последний раз полиция посещала наш дом три месяца назад.

— Вам лучше сесть, — сказали офицеры моим родителям. Я не была уверена, но тоже села. Я не собиралась пропускать ни слова. Они говорили, а я стояла на кухне и подслушивала.

Они сказали, что в этот раз там собрались серферы со всего мира. Они были привлечены обещанием рекордных волн вдоль всего побережья Северной Калифорнии, от галечного пляжа в Монтерей до Санта Круз. Но погода была плохой: шел дождь, вода была холодная. Три серфера пропали без вести в ту ночь. Только одно тело было найдено. Очевидцы утверждали, что пропавшие были подростками, кто-то слышал, что они из Ньюпорт Бич.

Один из офицеров кивнул другому и вышел за дверь. Мне очень хотелось пойти следом за ним, но я продолжала сидеть на кухонном столе. Он даже не потрудился закрыть за собой дверь, а когда вернулся, показал две доски для серфинга. Точнее, их останки.

— Они вам знакомы? — спросил он.

Единственный ответ матери был — расплакаться; отец ничего не сказал. Платы были уничтожены. Это больше походило на две трети одной доски. На одной ремни для ног порвались пополам. Все, что должно было держать ноги серфера привязанными, было порвано.

С тех пор мои родители были вне себя, будто были уверены, что Майкл и Джон — два неизвестных, утонувших серфера. Полиция, конечно, верила в это. Поиски прекратились, и я видела на файлах фото моих братьев с пометкой "Дело закрыто". Наша семья оплакивала их так же, как если бы мы похоронили их.

Я никогда не была в этом уверена. И решила сама поискать. Я искала образы из зыби, фотографии и видео серферов в дождь, в туман, кувыркавшихся среди поднимающихся волн. И нигде не видела своих братьев.

Я все еще мокрая, пока открываю дверь своего дома. Автомобиль матери будет весь в песке и плесени утром. По крайней мере, мне не придется беспокоиться, что родители будут дожидаться меня. Они рано ложатся спать, а утром просыпаются позже.

Моя собака утыкается носом мне в бедро, пока я открываю дверь, обнюхивая соленую воду на моей одежде.

— Эй, Нана, нечего возмущаться! — прошептала я. — Просто серфер в воде, — глажу ее по голове. — И это все, что ты узнаешь от меня сегодня вечером.

Она следует за мной по коридору через столовую в спальню. В стеклянном доме холодный кафель, и Нана слизывает воду, которая капает с моего платья.

В спальне я сбросила платье на пол и забралась в кровать. Нана легла рядом со мной. Моя комната не темная, даже когда я включаю свет. В доме со стеклянными стенами, расположенном на вершине холма, с видом на город, никогда не темнеет. Городские огни держат в доме свет; я никогда не сплю в темноте. Когда мы были маленькими, мама сказала братьям и мне, что огни от города — наши собственные ночные огни, специальные, призванные, чтобы следить за нами и охранять. Мы втроем верили в ночные огни нашей матери так же, как другие дети верят в Санта Клауса.

Кончики моих волос еще влажные. Может эта соленая вода сушит мою кожу, но так я чувствую себя ближе к братьям. Я почти слышу смех, исходящий из их спальни, вижу доски для серфинга, только и ждущие, чтобы взять волны в первой половине дня, доски, которые они оставляли у входной двери каждую ночь. Я встаю и подхожу к окну, смотрю на огни города, которые я знаю наизусть, и темный горизонт океана за его пределами. Я представляю, как волны разбиваются, миля за милей, на пустой береговой линии, костры сгорают в пепел. Ничего не осталось, кроме звезд и луны, чтобы освещать пляж.

Есть тайные места, о которых знают только серферы. Места, которые полиция не может

найти и о которых не знают родители. Я слышала, как Джон и Майкл шептались о какой-то скрытой бухте.

— Они не могли уйти далеко, — произношу вслух. — Они бы никогда не оставили океан.

Я делаю глубокий вдох, как будто собираюсь погрузиться под воду, и возвращаюсь обратно в постель. Мое сердце колотится, как будто я только что поняла нечто важное. Мои веки тяжелеют, но мысль совершает свой путь в пространство между сном и бодрствованием: если я продолжу поиски, то обязательно найду их.

Я должна думать о Джоне и Майкле, но вместо этого я думаю о парне, которого я видела на воде, парне, покорявшем волну под звездами. Спящей, я все еще чувствую напуск волн на теле. Утром мои простыни пахнут морем.

Утром я приняла душ; запах соленой воды растворился под мылом, спустился в канализацию. Мои волосы свисают вниз по спине словно сушеные палки. У меня еще есть время одеться. Не уверена, что именно должна носить в течение дня во время хождения по побережью, ища двух пропавших серферов. Наконец, выбираю купальный костюм и длинный сарафан.

Сообщение от Фионы отвлекло меня: "Хочешь пойти на пляж?"

"Конечно", — отвечаю с энтузиазмом.

На кухне родители варят кофе. Отец полуодет; мать все еще в пижаме. Они заметили, что убрали все цвета из своего гардероба? Они решили носить только оттенки серого. Даже халат мамы уже не ярко-желтый, потому что она стирает его слишком часто.

— Доброе утро, — говорю я. Я взяла тарелку с кашей и села за стол. Нана положила голову мне на колени.

Родители кажутся еще более расстроенными, чем обычно. Празднование моего выпуска, встреча с моими одноклассниками вчера, вероятно, взяли над ними верх. У каждого стоит огромная чашка с кофе.

— Доброе утро, дорогая, — говорит мама, поставив кружку на стол и садясь рядом со мной. Ее глаза наполовину закрыты.

Не так, как у того парня прошлой ночью. Его глаза были широко открыты, как будто он видит больше, чем все остальные. Каре — зеленые, с желтым кольцом вокруг зрачков.

— Простой ночью у костра были серферы, — вдруг говорю я.

Я подпрыгнула, когда мой отец, все еще стоя у кофеварки, хлопает рукой по столу.

Нана вскакивает с моих колен, я глажу ее за ушами, чтобы убедить, что все в порядке.

— Они не должны больше допускать что-то подобное, — говорит сердито отец. — Они были там после наступления темноты? Разве они не знают, как это опасно?

Моя мать кивает головой в знак согласия.

— Я думаю, мне нужно еще поспать, — говорит она со слабой улыбкой. Она берет мою ладонь в свою, как будто это одно целое.

Когда она ушла, папа говорит:

— Ты расстраиваешь ее.

— Извини, — говорю я, качая головой.

— Не говори больше о серферах, — добавляет он хриплым голосом, после чего он сделал глоток кофе с молоком. Раньше он пил только черный кофе без молока, но после того, как мальчики пропали, он начал добавлять молоко и сахар. Я не думаю, что он в состоянии переварить все эти горькие дни.

— Не буду, — пообещала я.

* * *

— Готова? — взволнованно спрашивает Фиона, когда я забираю ее в SUV своей матери. На ее лице еще остался солнцезащитный крем.

— Конечно, — говорю я. — Я думаю, может поедем в другое место?.

— В другое место? — она достает из своей сумки вишневым блеск для губ.

— Мы ходим на этот пляж с детского сада, — говорю я, отъезжая от подъезда Фионы.

Я ненавижу водить машину! Думаю, Фиона была удивлена, когда я вызвалась ехать сегодня утром. Я единственная девушка в нашем выпускном классе, кто не просил автомобиль на свое шестнадцатилетие.

Фиона прячет блеск для губ и достает свой телефон.

— Я должна сказать Дэксу, где встретиться.

— Дэксу?

— Да, я сказала ему, что сегодня мы едем на пляж.

Я пыталась скрыть тяжелый вздох, но у меня не получилось

— Разве мы не можем побыть одни?

— Но я уже сказала ему.

— Ну пожалуйста! — я схватила руль со всей силы. Мы проезжаем мимо пляжа. Фиона держит свой телефон в руках.

— Я скажу ему, что мы не сможем встретиться с ним до полудня. Таким образом, мы проведем все утро вместе. Хорошо?

Я киваю, ослабив хватку на руле. Интересно, сколько мы сможем пройти по пляжу к полудню.

Спустя полчаса Фиона спрашивает:

— Что именно мы ищем?

Я не отвечаю сразу, потому что не совсем уверена. Мы едем по прямой до шоссе Тихоокеанского побережья, мимо пляжей, которые я знаю, и мимо еще нескольких, о которых я не знаю. Я не поехала на стоянку. Честно, я не знаю, с чего начать. Мне следовало бы взять с собой ноутбук, чтобы найти список пляжей, которые я должна исследовать и мимо которых должна проехать. Мне нужно отнестись к этому серьезно: сделать достаточно исследований, и тогда я найду ответы на все мои вопросы.

— Мы ищем пляж, — сказала я честно.

— Мы уже проехали девятнадцать пляжей, Венди. Что мы ищем?

Я не решаюсь отвечать. Делаю глубокий вдох и выдох.

— Моих братьев.

— Что?

— Мы ищем моих братьев, — я машу рукой на пляж за окном, и, когда я это делаю, машина поворачивает на встречную полосу.

— Венди, — медленно говорит Фиона. — Ты должна съехать на обочину.

— Зачем? — я не могу оторвать взгляд с дороги.

— Я думаю, нам нужно поговорить.

— Мы можем говорить, пока я за рулем, — я нажимаю на педаль газа.

Глаза Фионы расширяются, и она вжимается в спинку сиденья. Она думает, я собираюсь ехать прямо по пляжу в океан.

— Не смотри на меня так, будто я спятила, — говорю я наконец, подъезжая к ближайшей стоянке. — Сколько раз говорить тебе, Фи?

Фиона выпускает свой ремень безопасности и поворачивается к мне. Я держу руки на руле.

— Венди, мы не собираемся искать твоих братьев. Они ушли.

Я качаю головой и смотрю перед собой на пляж, мимо загорающих и купающихся, в то место, где вода встречается с небом. Я никогда не понимала, насколько большой океан, пока полицейские не сказали, что тела двух серферов не нашли. Я всегда думала, что все можно

найти, даже в океане. Все, что я когда-либо теряла, находилось, стоило только внимательно поискать: ключи, шарфы, книги. Может быть, поэтому я верю, что смогу найти своих братьев. Ничто никогда не потеряно.

Я надеваю темные очки.

— Ты ничего не знаешь.

— Нет, знаю.

— Я знаю, что Джон и Майкл живы.

Даже сейчас, когда я говорю об этом, я сомневаюсь. Я всегда любила своих братьев, но не особо это показывала, какими бы они ни были актерами в этой бесконечно увлекательной игре, в которой у меня было место в первом ряду.

— Венди, ты должна понять, что они не вернуться. — Я пожимаю плечами.

— Может быть, ты должна понять, что они вернуться?

— Серферы рискуют жизнью на этих волнах каждый день.

Я практически слышу то, что Фиона не решается говорить. Что эти серферы уничтожены, они упали, сломали себе кости и не могут плыть, чтобы выбраться на поверхность. Буксирный трос попал на скалы на дне океана, и они не могут выплыть. Акулы могут учуять кровь и найти их. Они могут врезаться в огромную волну, которая собьет их с правильного пути.

Я знаю, Фиона хочет сказать, что существует миллион случаев, при которых серферы умирают. Я качаю головой, выпускаю руль и кладу руки на колени. Фиона не собирается мне помогать. Фиона не может мне помочь. Этим я должна заняться сама.

Мы сидим в тишине, пока я не решила спросить:

— Где вы с Дэксом встречаетесь?

— Хм?

— Я высажу тебя. Просто скажи мне, где? Ты не обязана помогать мне.

— Я не собираюсь оставлять тебя. Эти несколько дней были тяжелыми. Должно быть, выпускной прошел для тебя нелегко без братьев. Вчера вечером... — голос Фионы замолкает.

— Где я должна посадить тебя? — настаиваю я.

Фиона бормочет название пляжа, ближайшего к дому, пляжа, который мы нашли, когда были детьми. Место, где Джон и Майкл научились кататься, а затем эти волны стали слишком малы. Последний пляж, где они могли бы быть. Я мысленно добавила его в свой список пляжей, которые не подходят.

Я завела машину, и мы поехали в том направлении.

Когда мы добрались до пляжа и я съехала на обочину, Фиона колебалась, прежде чем выйти из машины.

— Венди, — мягко говорит она, — я понимаю, почему ты ищешь их. Но даже твои родители понимают, что они ушли.

Ушли, с горечью думаю я. Слово на вкус как уксус. Никто никогда не говорит слова, которые хотят — утонули, мертвы. Вместо этого они говорят что-то вроде: пропали или потерялись.

— Мы ничего не знаем наверняка, — говорю я.

— Это безумие, думать, что ты найдешь их, даже когда полиция не смогла.

— Нет, — говорю я, качая головой. — Безумие — это то, что полиция даже больше их не ищет. — Я снимаю свой ремень безопасности и наклоняюсь к Фионе, чтобы открыть ей

дверь.

— Ты не понимаешь, — говорю с сожалением.

Не думаю, что смогу объяснить ей. Не то, чтобы я была близка со своими братьями. Это звучит ужасно, но как будто я даже не скучаю по ним. Правда в том, что дом более спокойный без них, и никто не издевается над моей бледной кожей и моим статусом учителя питомцев. Но от этого я не чувствую себя лучше. Дома не должно быть тихо и мне не хватает их шуток. Фиона смотрит на меня, она ждет своего рода объяснения, так что я говорю:

— Ты просто не знаешь моих братьев.

Я открываю дверь Фионе и жду, пока она выходит из машины, едва давая ей время, чтобы закрыть дверь.

Я включаю газ и открываю окно. Прошло уже несколько часов с того момента, как я высадила Фиону на пляже, и я уже не раз обошла все побережье. Я видела очень много досок для серфинга, торчащих из песка и на вершинах автомобилей. Я кладу голову на руль, лицо становится ближе к воздуху — мне нужно остыть. Пол автомобиля моей матери уже покрыт песком. Никогда не думала, что на пляже настолько много песка.

Кто-то стучится по крыше. Я мигаю.

— Мисс? — зовет обслуживающий бензоколонки.

— Вот, — я передаю ему свою кредитную карту и прошу неэтилированный. Краем глаза замечаю доски для серфинга.

— Мисс? — забираю свою карту и подписываю чек. Я кладу руку на ключи, чтобы переключить передачу и отогнать машину, не смотря при этом на доску. Мне не стоит смотреть на эту доску.

Но тут я замечаю чью-то голую спину. Взлохмаченные черные волосы и длинные ноги в шортах. Участок песка высох на спине. Он наклоняется над велосипедом, заполняя шины воздухом, всего в нескольких футах от того места, где к дереву прислонена доска. Его ноги босые, а земля, должно быть, очень горячая, хотя, вряд ли он это замечает.

Когда его шины заполнены, он хватается доску и запрыгивает на велосипед. Он оборачивается на секунду, регулируя сиденье, и я задыхаюсь.

Это тот парень с пляжа. Парень, который вытащил меня на берег.

Я еду за ним. Он умело балансирует на правом бедре, затем подъезжает к обочине и сходит. Он шагает вместе с велосипедом и направляется в сторону от дороги, где из песчаной грязи вырастает кустарник.

Я паркуюсь и следую за ним.

На краю участка растут камыши, высокие, на уровне моей головы. Насколько высокие, что даже скрывают голову серфера. Это не похоже на дорогу: под ногами только трава и острые камни. Я смотрю вниз, следуя за следами велосипедных шин парня, вниз по склону. Воздух наполнен запахом соленой воды. Вдалеке слышен крик чаек.

Камыш начинает редеть, и песок под ногами становится сахарно — белым, мягким и слегка влажным, как будто недавно был покрыт водой. Я уже слышу океан, но волны здесь звучат по-другому. Хотя я еще не вижу воду, так или иначе я могу сказать: эти волны безупречны.

Тропа открывает путь на небольшой, но чистый треугольник пляжа, который граничит с камышами на одной стороне, скалами на другой и со сверкающей водой на третьей. Солнце отражается в океане как миллион отпечатков пальцев.

Я осматриваюсь, ища парня с веснушками на лице и с песком на спине.

Сквозь солнцезащитные очки я могу разглядеть тень парня, гребущего за большой волной.

Вдруг он садится и поднимает одну руку в воздух: он машет. Я смотрю вокруг, чтобы убедиться, что он машет мне.

Он кричит:

— Ты сделала это!

Как будто он ждал меня. Его голос проносится через прибой.

Он гребет по волнам обратно к берегу.

— Я сделала это, — повторяю я, но слишком тихо, чтобы быть услышанной.

За парнем, так быстро, что я едва могу ее разглядеть, плывет девушка со светлыми волосами.

Между ними плывет пара на своих досках, мягко поднимаясь и опускаясь по волнам, пока они не принесут их к берегу. Я жду. Под скалами горстка мальчишек сидят около костра; догорающие угли наполняют воздух теплым ароматом.

— Приятно снова с тобой встретиться, — говорит парень, пока вытаскивает свою доску из воды.

Я улыбаюсь:

— Не думала, что ты узнаешь меня.

Он усмехается:

— Тебя трудно забыть.

Я чувствую, что краснею. Конечно, напоминаю себе, трудно забыть девушку, которую ты практически обезглавил.

— Кто это? — спрашивает блондинка, выходя из-за его спины. Она смотрит не на меня, а на парня, который на фут выше ее. У нее загорелая кожа и белоснежные зубы.

Непроизвольно складываю руки на груди, пытаюсь скрыть свою бледную кожу.

— Не знаю, — улыбаясь, говорит он и наклоняется, чтобы волосы девушки не путались. Они могли бы быть братом и сестрой, хотя внешне не похожи.

— Я Венди.

— Венди, — повторяет он, вытирая руку о шорты, затем протягивает ее ко мне.

— Пит, — говорит он, улыбаясь, таким образом приглашая пожать ему руку.

— Пит, — я киваю, пожимая ему руку. Его рука прохладная от океана. Когда я прикасаюсь к нему, по телу прокатывается дрожь.

— Я Белла, — говорит блондинка, прерывая момент. Внезапно Пит бросает мою руку.

Я улыбаюсь ей:

— Это было удивительно.

Белла пожимает плечами, потом поворачивается ко мне спиной, волоча свою доску к воде.

— Ты тоже удивительный, — добавляю я, обращаясь к Питу. — Я много наблюдала за серферами. Наблюдала за братьями.

— Наблюдала за серферами? — повторяет Пит, его губы расплываются в улыбке. Веснушки выделяют зубы так, что они выглядят еще белее. — Твои братья не учили тебя кататься на доске?

Я качаю головой. Майкл и Джон занимались серфингом уже год, когда я попросила Джона, чтобы он научил и меня. Но Майкл засмеялся прежде, чем Джон успел ответить.

— Сочувствую, сказал Майкл, давая понять, что ему не жаль. — Ты же знаешь, что в океане полно воды, правильно? Ты можешь испортить свои красивые волосы.

Теперь, находясь рядом с Питом на пляже, я думаю, что все было бы иначе, если бы я хоть что-то знала о серфинге. Может быть, они бы не убежали. Может, взяли бы меня с собой.

— Серфинг — это не то, чему они могли меня научить, — я говорю, наконец.

— Не волнуйся, — Пит упирает свою доску в песок, и наклоняется ко мне. — Я превосходный учитель.

Я качаю головой. Я могу исследовать и сушу.

— Нет, спасибо. Я лучше буду здесь.

— Жизнь не для того, чтобы смотреть на океан с пляжа, Венди, — он указывает на воду, где Белла, словно ребенок гребет к волне, которая поглощает всю ее. Но она выходит с другой стороны и сразу поворачивается к другой волне.

— Я учил Беллу, — говорит он. — Посмотри на неё.

Я чувствую, как ревность окутывает меня, дергая в направлении воды. Что-то говорит мне: я хочу быть там, на волнах.

— Хорошо. Я попробую.

Стоит ужасная жара, на солнце невыносимо находиться! Раньше я всегда пробовала воду кончиками пальцев ног, хихикая и визжа от холода, потому что мои братья толкали меня в воду. Но сегодня я вошла в воду после Пита.

Итак, я уже забыла, сколько раз я падала с доски за этот час, каждый раз, как только вода заполняла мой рот.

Соль оседает у меня на ресницах и режет глаза. Я и близко не подошла к тому, чтобы устоять на его доске.

— Чтобы научиться поворачивать назад, нужно сначала научиться грести, — говорит Пит.

— Я не поворачивала!

— Ты не двигаешься вперед.

Я качаю головой и кусаю нижнюю губу, изучая волны. Это ведь не трудно, правда? Сотни людей встают на волны каждый день. Тысячи. Может даже десятки тысяч. Пит топчется рядом со мной, когда я встаю на доску и пробую еще раз. И снова падаю.

— Ты думаешь, это слишком трудно? — говорит Пит. — Или ты не думаешь о таких вещах?

— Я думаю о том, как устоять, — раздраженно сплевываю воду, и вздыхаю. — О чем еще я должна думать?

Пит устанавливает доску между нами.

— Знаешь, что серфинг многое говорит о человеке?

Я качаю головой. Конечно не знаю!

Пит плывет на спине и не смотрит на меня, когда говорит:

— Мне кажется, что ты из тех, кто не любит плакать и может превратить любые трудности в вид искусства, — Пит выпрямляется и поворачивается ко мне. — Я прав? — он усмехается.

Я смотрю вниз на воду, она такая чистая и прозрачная, что я вижу свои ноги.

— У меня много причин для беспокойств.

Пит качает головой:

— Ты не должна держать в себе все это, — он стучит по доске. — Заботы тянут тебя вниз. Ты должна быть легкой, чтобы летать.

Летать, говорю я себе, глядя на небо над нами; чайки кричат над головой. Позади бесконечный океан, так красиво, что трудно поверить, что, возможно, он поглотил моих братьев.

Я поднимаю подбородок с доски, и смотрю на пляж. Солнце отражается на скалах в виде радуги, как будто кто-то ее там нарисовал. Свет танцует, как светлячки на воде, которая на удивление теплая, переливается потоком теплых волн в эту бухту, только для них. Здесь вода еще чище, чем внизу побережья. Мои братья назвали бы эти волны стекловидными и полыми, идеально подходящими для катания.

А потом я смотрю на Пита, его лицо осветилось лучами заходящего солнца. Он выглядит так непринужденно, будто он был сделан для этого места.

— Где мы? — спрашиваю я тихо.

— Что?

— Как называется это место?

Он улыбается:

— Кенсингтон, — произносит он, словно это музыка.

— Кенсингтон, — повторяю, слово тяжелое у меня во рту. Я смотрю вокруг нас, на пляж с белым песком. Кажется, тут можно потерять счет времени. Закат отражается на белых скалах: это похоже на дым от пожара. И океан, который всегда существовал вне времени: это все было здесь еще до нас и будет после того, как мы уйдем.

Одно я знаю точно: я не уйду отсюда, пока не приручу волну.

— Вспомни, что делает тебя счастливой, — шепчет Пит.

Еще раз, я подтянулась на доску, чтобы лежать на животе. Вспомни, что делает тебя счастливой. Я закрываю глаза и думаю о Нане. Большие лапы Наны на коленях, мягкое место между ушами. Гигантский язык Наны дарит нежные поцелуи, и ее большие карие глаза всегда ждут, чтобы я пришла домой; она виляет хвостом каждый раз, когда заходишь в двери.

Родители взяли Нану для нас троих, но она сразу полюбила меня. Даже Джон и Майкл стали называть ее "Собака Венди". Когда Нана была еще щенком, она всегда каталась по кафельному полу, как швабра; она должна была научиться ходить на гладкой поверхности без скольжения.

Нана всегда принадлежала мне, как Джон и Майкл всегда принадлежали друг другу.

Я настолько сосредоточилась на Нане, что я не замечаю, как Пит прыгает на доску за мной. Он лежит на мне, его подбородок у меня на поясице, посылает приятную дрожь по спине.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, хотя я не против его близости. Я чувствую тепло.

— Поверь мне, — говорит Пит. — Позволь мне взять на себя инициативу.

Он гребет нас к волне. Его руки двигаются, как плавники через воду, и он направляет доску для серфинга в нужное место под гребнем волны.

Пит расставляет ноги впереди после того, как помог мне подняться. Он прижимается ко мне, так что мои ноги находятся между его, моя спина напротив его груди, как будто вместе мы один серфер на доске, а не два.

И вместе мы оседлаем волну.

Океан протягивается сквозь нас, бесконечно и красиво. Как будто я не на земле, не в стеклянном доме на вершине холма, не за рулем ежжу по горам, чтобы добраться до пляжа. Я чувствую себя так близко к небу и так далеко от земли!

Пит позволяет волнам нести нас до самого пляжа, пока доска не скользит по песку.

— Ну, что думаешь? — спрашивает он.

Моя спина по-прежнему рядом с ним; я делаю шаг с доски и зажимаю в руках мокрый песок. Я пытаюсь представить себе, что бы сказали мои братья, если бы могли видеть меня сейчас. Я почти уверена, они бы потеряли дар речи.

Я оборачиваюсь и говорю:

— Я хочу еще.

Пит смеется и собирает меня в свои медвежьи объятия. Я чувствую его прохладную влажную кожу, но мне все еще тепло. Он поднимает меня и начинает крутить. Я закрываю глаза, так что не могу сказать, в какую сторону он меня кружит, когда он останавливается.

Когда я открываю глаза, вижу черный океан: солнце полностью село. От огня остался только дым. Беллы и других мальчиков нигде не было видно.

Я не верила, что была здесь так долго, что даже не заметила, как стемнело.

— Мне пора идти, — говорю я быстро. — Могу я отвезти тебя домой?

Пит качает головой и смеется.

— Я живу здесь, — говорит он, указывая на скалу, возвышающуюся над нами. — Это мой дом.

Я делаю шаг назад. В темноте я вижу маленькие дома на вершине скалы. Есть дома пониже, в скале, с видом на воду. — Ты здесь живешь?

— Мы все здесь живем.

— Кто?

— Мальчики. Я. Белла. Он указывает на дома в ближайшей скале прямо над нами. — Наш первый.

Отсюда мне видно только края. В одном из окон второго этажа включается свет. Может, это чья-то спальня.

— Кто живет в остальной части дома? — спрашиваю я, и Пит останавливается в нескольких шагах от меня, как будто я сказала что-то не так.

— Большинство из них пусты, — говорит он, пиная песок под ногами. — Они были построены много лет назад. Ты знаешь, роскошные дома на пляже.

Я киваю. Я представляю себе дома, оставленные хозяевами, которые вот-вот развалятся, с полами, еще поблескивающими чистотой, с кристально чистыми окнами.

— Здесь очень красиво.

— Да, но здесь не безопасно, — говорит он, указывая на высокие скалы. — Эти скалы используются, чтобы пройти к океану. Этот пляж был совершенно другой формы. Эти скалы выстроены с домами.

Я смотрю на скалы: кажется, что они будут стоять там тысячу лет. Это кажется невозможным, что они когда-то имели другую форму.

— Что случилось? Пляж смылся или что?

Пит качает головой.

— Волна.

— Как могла волна достать до такой высоты? — скалы, должно быть, на пятьдесят футов выше нас. Или сто.

— В правильных условиях волны могут подниматься на уровне небоскребов.

Я вспомнила, что говорили полицейские о волнах этой зимой: волны были высотой сорок футов в тот день, когда пропали мальчики; они утверждают, что там были и мои братья.

— Так скалы просто исчезли?

Пит кивает.

— Волны утащили их в море. И дома вместе с ними. После этого никто не хотел жить в Кенсингтоне.

— Могу себе представить.

Пит смеется, как будто я сказала что-то ужасно смешное. Я краснею.

— Я лучше пойду, — говорю я.

Пит снова смеется, более спокойно.

— Венди, — говорит он, и мне нравится, как он произносит мое имя. — Прилив. Ты остаешься здесь.

— Что?

— Ты припарковалась на смотровой, не так ли? — говорит он, указывая в направлении,

откуда вышел. — Тогда из-за прилива ты не сможешь вернуться назад. Идти сюда оттуда не проблема, но как только приходит вода, путь обратно закрыт.

Он говорит это вполне серьезно. Не застрянь бы здесь с ним до океанского сдвига. Я хочу сказать ему, что он сумасшедший, но я не могу не вспомнить песок, по которому я шла, чтобы добраться сюда: он был мокрый, как будто он намок недавно.

Я распрямила руки.

— Как долго это будет продолжаться?

— Несколько часов.

Я прикусываю губу. Вода каплями стекает с моих волос. Температура падает.

— Не волнуйся, — говорит Пит, положив руку на спину, именно туда, где покоился его подбородок. Тепло расцветает по всему телу. — Ты в безопасности до тех пор, пока остаешься со мной.

— Оставайся! — говорит Пит. Он берет толстовку с песка и натягивает ее через голову, затем протягивает мне мою кофту.

— Уже темно, — добавляет он, аккуратно дергая меня за рукав.

Здесь много деревянных лестниц, ну почти лестниц, построенных в скалах, ведущих к домам наверху. Я иду за Питом, но когда мы на полпути, он останавливается в нескольких шагах от лестницы на скале.

— Здесь, — говорит Пит, усаживая меня на плоский камень, выделявшийся из скалы. — Присядь.

Я сворачиваюсь в клубок, подгибая ноги под себя. Отсюда я вижу весь океан. Вода отражает лунный свет, поэтому волны светятся.

— Замерзла? — спрашивает Пит, потирая руки.

Я качаю головой, но мои зубы начали стучать. Пит садится рядом со мной, притягивая ближе к себе.

Его рука покоится на моем плече, как будто мы уже не первый раз так сидим. И мне правда так кажется. Я наклоняюсь ближе к нему, ощущая тепло его тела. Пит удивляет меня своим вопросом.

— Так кто же они, твои братья?

Может, он видел их, думаю я вдруг. Это именно то место, куда они могли бы прийти после прибоя. Почему я не подумала об этом раньше?

— Джон и Майкл Дарлинг. Они близнецы. Они потерялись еще в сентябре, но я пытаюсь найти их.

Я достаю свой телефон из кармана и ищу фотографии своих братьев. Знаю, мне, наверное, следует позвонить родителям или хотя бы Фионе, сказать им, где я, но я не могу отделаться от ощущения облегчения, когда не замечаю ни одного пропущенного вызова.

— Вот, — говорю я и с надеждой протягиваю телефон. — Это они.

Пит наклоняется, чтобы рассмотреть картинку. Свет от телефона падает на его лицо, и я замечаю на нем веснушки. Интересно, сколько понадобится времени, чтобы все их пересчитать. Я была уверена, что он сейчас скажет, что знает их. Но вместо этого он говорит:

— Они похожи на тебя.

— Что? — удивляюсь я. — Нет. У нас нет ничего общего, кроме глаз. Они всегда были... — Не знаю, как точно это выразить.

Пит улыбается мне, его зубы такие белые в лунном свете. Его лицо так близко, что я чувствую его дыхание у себя на губах, когда он говорит.

— Что они всегда были?

Пожимаю плечами.

— Я не знаю. Своего рода притягательные качества, с которыми люди просто рождаются. Как знаменитости, ты знаешь, когда просто хочешь наблюдать за ними, чтобы знать, что они будут делать дальше.

— Звучит довольно необычно, — говорит он.

Я киваю.

— Ты их не узнал? Ты никогда не видел их здесь?

Пит возвращает мой телефон.

— Я бы хотел тебе сказать, если бы знал, где они.

— Я тоже, — вздыхаю я.

Пит наклоняется, его лоб касается моего.

— Знаешь, у тебя тоже есть притягательные качества.

— Правда? — мои щеки начинают гореть.

Пит просто улыбнулся. Каждая клетка моего тела хочет остаться рядом с ним, но я отрываюсь от него ровно настолько, чтобы между нами появилось воздушное пространство. Вместо того, чтобы смотреть на Пита, я смотрю на небо. Луна и звезды ярко отражаются в океане. Когда я была маленькая, мы с братьями наблюдали за звездами каждую ночь. Мама говорила, что мы должны загадывать желание на первую звезду, которую мы увидели, но Джон сказал, что звезды похожи на праздничные торты: ты выбираешь одну, и если все трое тоже выбрали ее, значит желание не исполняется. С тех пор, как Джон и Майкл делили один торт на их день рождения, Джон сказал, что они будут загадывать желание на первую звезду, ну а я на вторую. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая, как серьезно Джон это воспринимал.

Вдруг над ревом волн я что-то слышу. Низкий звук, будто вдалеке стучит огромный барабан. Ритм настолько глубокий, что я чувствую вибрацию через скалы над нами.

— Ты слышишь это? — спрашиваю я. Музыка так странно звучит вдоль волны, что мне кажется, это мое воображение.

— Это Джес. Он живет в одном из домов, — говорит Пит, указывая наверх.

Музыка становится все громче, своего рода грубая гармония против волн.

— У него вечеринка или что?

— Или что, — говорит Пит, скривившись. Гнев на его лице выглядит странно, это совсем не сочетается с его образом.

— Кто он? — спрашиваю я.

— Он много кто. Также и торговец наркотиками. Его приняли в новобранцы.

— Марихуана? Или...?

— Ага, "волшебный порошок".

— Я никогда об этом не слышала, — хотя это и не удивительно. Я никогда не пробовала наркотики. Я даже не пила по-настоящему. — Не то, чтобы я эксперт.

— Это хорошо, что ты не хочешь им быть, поверь мне.

Я пожимаю плечами.

— Я ботан.

— Если ты такая зануда, почему ты была на пляже сегодня, а не в школе?

— Сейчас лето. Школа закрыта, — говорю я, глядя на него недоверчиво. Не думала, что встречу кого-то, кто не знает, какой сейчас сезон.

Но я предполагаю, что ему точно не нужно отслеживать дни, недели, месяцы или года здесь.

— На самом деле, я только что закончила школу. Я уеду в колледж в Сентябре.

— Да?

— Да. Стэнфорд. — Я жестом показываю куда-то вверх по побережью, хотя до Стэнфорда часы езды, и находится он не у воды.

— Ты, должно быть, очень умная.

Я качаю головой.

— Только в том, что могу найти в книгах.

Он снова наклоняется близко ко мне, и я не думаю, что я смогу оторваться сейчас, даже если захочу.

Кроме того, я не хочу.

Я чувствую теплое дыхание Пита на моем лице, его рука обернута как шарф на моей шее, блокируя ветер. Я чувствую запах соленой воды на его коже, или может быть, это соленая вода на моей коже. Мы настолько близко, что я не могу ничего сказать. Я действительно никогда не замечала момент прямо перед поцелуем, когда все почти замирает.

Я закрываю глаза. Прибой звучит, как будто в замедленном темпе. Ветер стонет, а не свистит.

Поцелуй Пита мягче пера, как бриз с океана на моих губах. Мне нравится это ощущение, я никогда такого не чувствовала; его прикосновения даже не напоминают прикосновение мальчиков, которые целовали меня раньше. Не то, чтобы это такой длинный список; свидание на выпускном вечере в прошлом месяце, серия двойных свиданий с Фионой, игра в бутылочку в девятом классе.

Это нечто совсем другое. Пит передвигает свой вес: теперь мы лежали рядом, и я не знаю, как долго мы целовались, но я чувствовала себя так, как будто мы делали это всегда. На самом деле, я не помню конец нашего поцелуя вообще, но следующее, что я помню, я пробуждаюсь под звуки голоса Пита. Он говорит мягко:

— Похоже, прилив уже закончился.

Я мигаю, не совсем уверенная, как долго я спала. Подбородок Пита на моем плече, его пальцы находятся на сгибе моего бедра. Я дрожу, когда он встает и протягивает мне руку и тянет за собой.

— Пойдем, я провожу тебя до твоей машины.

Пит не отпустил мою руку, как только мы вернулись вниз на пляж. Он ведет меня дорогой, по которой я шла, чтобы добраться сюда. Между тростников воды по-прежнему много, как когда я впервые попала сюда, она попадает мне в обувь. Но Питу удастся пройти без брызг, и я стараюсь наступать в его следы именно там, где он ставит ногу: мои следы маленькие, а его крупные.

— Так, — говорю я в его спину, — как долго ты здесь живешь?

Я вижу, как напрягаются мышцы его плеч, когда он пожимает плечами.

— Недолго.

— А другие мальчики на пляже, они всегда жили с тобой?

Пит не оборачивается, когда он мне отвечает.

— Не всегда. Обычно люди приходят и уходят. Но некоторые из нас остаются здесь надолго.

— Да, но кто жил здесь раньше, до вас? Я имею в виду, дом был пуст, когда вы туда попали? Я думаю, вы, ребята, переселенцы, не так ли?

Я чувствую укол разочарования в моем животе, когда мои ноги, наконец, на сухой, твердой поверхности автостоянки. Пит наконец оборачивается.

— Венди, — Пит говорит нежно, — люди здесь не такие, как там.

Я качаю головой.

— Я не понимаю.

— Белла, я, другие парни — мы не доверяем чужакам, когда они задают столько вопросов. Ты понимаешь, о чем я?

Я киваю, при упоминании "чужаков". Я должна была знать лучше. Я должна обратить внимание на эту информации, если я собираюсь найти моих братьев. Эти люди, должно быть, переселенцы, и теперь они живут здесь. Большинство из них несовершеннолетние. Ни один из них не должен быть здесь. На самом деле, никто не должен быть здесь.

— Мне очень жаль, — быстро говорю я.

Пит улыбается.

— Нечего извиняться. Ты можешь задать мне любой вопрос. Но ты же знаешь, что я имею в виду, правда? Когда ты вернешься?

— Когда я вернусь?

Пит улыбается. Я обхожу вокруг него, подходя к водительскому сиденью. Поворачиваюсь к нему лицом, спиной к машине. Он стоит так близко, что я вытягиваю шею, чтобы посмотреть ему в лицо.

Небо уже начало светлеть. Солнце встает, и Пит и его друзья должны будут вернуться к воде. Я щурюсь от света; я не ощущаю, что была здесь так долго, что солнце успело подняться.

Я думаю, что, может быть, он собирается поцеловать меня еще раз, но вместо этого он пятится. Я чувствую себя пустой, как холодный воздух, поднимающийся от воды, чтобы заполнить все пространство вокруг.

Когда он поворачивается, чтобы уйти, я кричу ему вслед.

— Пит!

Он поворачивается ко мне лицом. Я делаю глубокий вдох, вспоминая ощущение невесомости на воде, порыв нежных волн. Вес его тела позади меня, когда мы стояли на доске, рядом, когда мы сидели на скале.

— Спасибо за прекрасный урок!

Он снова усмехается, его улыбка уже знакома.

— Не за что, — отвечает он. — Не за что.

Мой телефон звенит в кармане; когда я его достаю, вместе с ним высыпается песок. Три пропущенных звонка от Фионы. Четыре новых сообщения — все от Фионы. Родители даже не заметили, что меня не было все ночь. Я еду домой, не просмотрев сообщения.

Нана — единственная, кто проснулся, когда я открывала дверь. Я бросаю взгляд на телефон: сейчас не больше пяти часов утра.

— Привет, девочка. Не поверишь, но ты мне помогла.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в макушку, спину ломит от напряжения. Хотя у меня ломит все тело.

Пока я наполняю миску Наны завтраком и беру протеиновый батончик для себя, я понимаю, что не ела со вчерашнего обеда. Я просто умираю с голоду и заканчиваю с батончиком, пока иду из кухни в спальню, где я сажусь на кровать и натягиваю на себя одеяло. Простыни помяты: похоже на то, что я спала здесь прошлой ночью. Родители знали, что я проведу весь день с Фионой, наверное, они предположили, что я вернусь, когда они будут спать.

Нана кладет свою голову мне на колени и обнюхивает мои карманы.

Обычно утром в доме пахнет кофе, который папа готовит на кухне. Но сегодня в моей комнате пахнет чем-то другим: здесь пахнет Кенгсингтоном.

Пахнет Питом.

* * *

— Где ты пропадала после того, как оставила меня на пляже? Ты не отвечала на мои звонки и сообщения! Ты просто не можешь себя так вести!

Фиона сидит на кровати в моей комнате после обеда.

— Почему бы и нет? — спрашиваю я, слегка удивленная ее настойчивым голосом. Будто никогда не проходило двадцати четырех часов, чтобы мы не разговаривали или не писали друг другу сообщений. Чего, полагаю, мы и не делали.

— Потому что, — говорит Фиона, затем твердо повторяет. — Потому что.

Она пожимает плечами, глядя на мои простыни. Я по-прежнему в купальнике и вчерашней одежде, сижу в центре кровати, скрестив ноги.

— На твоей одежде песок, — говорит Фиона, оглядывая меня.

— Я же говорю. Вчера я пробыла на пляже, — мне хочется сказать, что я провела там всю ночь, но я молчу, сжимая губы и вспоминая поцелуй Пита.

— Ты могла бы пойти на пляж со мной и Дэксом.

Я качаю головой.

— Я была на другом пляже, — говорю я и улыбаюсь.

— Так где ты была?

Я наклоняю голову набок. Я действительно не помню. Я уверена, что если сяду за руль машины, точно найду дорогу. Но я не имею ни малейшего понятия, как сказать Фионе, где Кенсингтон.

— Не уверена, — говорю я наконец. — Но я могу найти дорогу обратно.

— Я приеду туда, — говорит Фиона. — Просто скажи, где это и мы с Дэксом встретимся с тобой там, когда ты захочешь. Мы могли бы пойти сегодня.

Я сомневаюсь. Вместо ответа на ее вопрос я говорю:

— Это просто рай для серфера. Я даже взяла волну.

Брови Фионы взлетают вверх.

— Ты сделала это?

Я киваю, гордясь этим. Пит действительно проделал хорошую работу. Я смотрю вниз, перебирая песок на моих простынях.

— Я не чувствовала себя так с тех пор, как пропали братья. Это то место, где они занимались серфингом, понимаешь?

Фиона колеблется, прежде чем ответить. Когда она начинает говорить, ее слова кажутся мне знакомыми.

— Венди, я понимаю, что ты надеешься еще увидеть своих братьев. Но я не верю в такие вещи. Твои родители уже смирились с этим, может и тебе пора?

Я ничего не говорю, и в конце концов она приходит к решению. Она копается в сумке, после чего достает оттуда визитку. Она протягивает ее мне.

— Что это?

— Это психиатр. Она специализируется на консультациях убитых горем. Я уже побывала у нее, а теперь я хочу передать ее тебе.

Фиона выглядит такой серьезной, что мне становится смешно, но я подавляю смешок. Она любит решать проблемы, является это ее домашним заданием или нужно просто научиться переключать передачу (Прим.: говоря об автомобиле).

— Ты думаешь, я сошла с ума, потому что я хочу найти своих братьев?

— Конечно нет!

— Тогда что?

— Дэкс говорит, что первый этап горя — это отрицание.

Она наверное репетировала, как сказать это, весь вечер, понимаю. Вероятно, Дэкс притворялся мной, а она говорила все это ему, как актриса выполняющая свою роль.

— Дэкс даже не знает меня. Или моих братьев.

— Это не главное, Венди, — Фиона кажется почти обиженной; она держит визитную карточку, сжимая кулак.

— Ты собираешься порезаться бумагой? — спрашиваю я, осторожно.

Фиона качает головой и говорит, медленно выговаривая каждый слог.

— Венди, ты должна поверить в реальность — твои братья не вернуться.

Я отрицательно качаю головой.

— Это не так. Я знаю.

— Ты не можешь выбирать, где реальность, а где нет.

Я кладу руки в карманы и сжимаю их в кулаки. Мелкий песок, сжатый в руках, забивается под ногти. Это реально для меня. Я разжимаю кулаки и говорю:

— Мы не знаем, что они утонули. Мы не знаем, кто были те пропавшие серферы.

— Ты знаешь, что этих серферов не видели и не узнали по фотографиям, — Фиона перебивает меня, но я буду продолжать.

— Ну а пока я не увижу доказательства, настоящие доказательства, я буду верить, что Майкл и Джон живы. Все еще серферы, и все еще вместе. И я собираюсь их найти.

— Венди... — пытается Фиона, но я встаю.

— Я очень устала, — лгу я. — Думаю, мне нужно немного вздремнуть.

Фиона кивает.

— Ладно. Я позвоню тебе позже.

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Поговорим позже.

Прежде чем выйти, Фиона обнимает меня и гладит спину, будто я маленький ребенок, который разбил колено и подошел к ней за помощью. Позже, я комкаю визитку, и она отправляется в мусорное ведро вместе со штрафом за покрытие песком.

Я собираюсь вернуться на пляж, скоро. Но я не собираюсь говорить Фионе об этом. Она не поймет.

Той ночью я думала о Кенсингтоне, а утром, когда я проснулась, мои простыни пахли соленой водой. Я скучаю по прикосновениям Пита. Мои губы теплые, где он прикасался их; мои ладони горят, когда я думаю о том, как он держал меня за руки. Я все еще могу чувствовать его дыхание на моем лице, оставшемся после поцелуя.

Я хочу снова с ним встретиться. Я хочу это так же сильно, как хочу найти братьев.

Навигатор в машине, кажется, запомнил дорогу к Кенсингтону. Уже сумерки, когда я подъезжаю к пляжу. Я сказала родителям, что вернусь сегодня поздно. И еще, что, может быть, переночую у Фионы, хотя я сбрасывала ее звонки — напишу позже сообщение.

Я снимаю сандалии с ног, чтобы можно было пройти в камышах. Чувствовать песок в ногах — это круто; он немного влажный из-за прилива, который обливает его.

Когда я выхожу на пляж, я ищу на волнах Пита, но его там нет. Пляж пустой. Где горел огонь, не осталось ничего кроме пепла. Но из-за рева прибоя, сверху доносятся крики и возгласы. Я нашла деревянную лестницу и полезла вверх по ней. Все это время, пока я поднималась, я задыхалась.

Лестница ведет к заднему двору дома Пита. Я проскальзываю в свою обувь и иду к пустому бассейну с видом на скалы. Группа парней отдыхает на шезлонгах, и я задерживаю дыхание, когда один из них прыгает прямо в пустой бассейн. Моргая, я замечаю, что он просто катается на скейтборде. Он по — мастерски объезжает стороны бассейна, вокруг лужи и снова выезжает оттуда. Звук колес на бетоне похож на взлет самолета.

Внезапно Белла появляется рядом со мной, стоя на краю бассейна. Она появляется рядом так быстро, что мне даже кажется, что она ждала меня. Белла не здоровается, и я тоже. Вместо этого я спрашиваю:

— Все вы живете здесь? — я не посчитала, сколько всего здесь находится людей, внутри и снаружи.

Белла пожимает плечами.

— Некоторые из нас, — говорит она. — Остальные, как и ты — просто проходили мимо.

— Но откуда они все? — я не могу не думать: их родители тоже здесь или нет?

Белла снова пожимает плечами.

— Многие беглецы. Приемные дети, как Пит.

— Пит приемный ребенок? — я представляю его маленьким мальчиком, переезжающим из дома в дом, но все, что я вижу — это его сейчас.

— Что ты думала? — спрашивает Белла, сужая глаза. — Что он просто появился из воздуха для твоего развлечения?

Она стоит так близко, что я думаю, если она захочет, то легко пихнет меня со скалы.

Я отрицательно качаю головой и смотрю на пустой бассейн, дом, где живут Пит с друзьями. В доме нет света, но даже в темноте видно, что в большей части дома стены деревянные, должно быть, раньше они были белыми. На крыльце деревянные доски; в некоторых местах они отсутствуют, а вокруг бассейна поврежденные.

— Просто я не знала, что он приемный ребенок, — говорю в конце.

— Конечно, ты не знала, — Белла поднимает одну ногу и балансирует на ней как гимнастка на бревне. Стараясь не обращать внимания на ее акробатику, я спрашиваю:

— Пит здесь?

— Пит всегда где-то здесь, — говорит она, склонив голову набок. — Почему ты ищешь моего парня?

Я сутулюсь и чувствую, как из тела выходит весь воздух. Парень. Пит — парень Беллы. Но он же просил меня вернуться. Он был так близко. Он целовал меня. Он не мог целовать

меня, если у него есть девушка, верно?

— Прости, — говорю я, стараясь произнести это как можно быстрее. Я помню Пит и Белла стояли друг с другом на пляже; я думала, они были тесно связаны, как брат и сестра, но на самом деле это была тесная связь пары. Я не могу сказать, что за тепло появляется у меня на лице — гнев или стыд.

Белла улыбается, ее зубы сверкают на оливковой коже.

— До свидания, Венди Дарлинг, — говорит она, а потом уходит.

Не помню, что говорила ей свою фамилию, может быть Пит сказал. Что еще он ей рассказал? Она знает, что мы целовались? Дотрагиваюсь до своих губ. Она должна ненавидеть меня. Она имеет на это полное право.

Когда Белла ушла, я стараюсь не обращать внимания на взгляды других присутствующих и бегу обратно к лестнице, спускаюсь, держась за перила, но лестница настолько крутая, что я боюсь, как бы не упасть вниз лицом. Не могу поверить, что Пит целовал меня, когда его девушка находилась всего в нескольких ярдах в его доме, на вершине скалы.

Она волновалась, когда он не пришел домой прошлой ночью? Знала ли, что он был со мной? Может она кричала на него, когда он вернулся утром; не могу этого представить. Белла похожа на тот тип людей, которые молчаливы и сильны, но не на тех, кто будет постоянно кричать.

Я спустилась с лестницы и прошла в камыши. Начинается прилив, вода уже намочила мне джинсы, но на этот раз я не позволю ей меня остановить. Я хочу уйти, прежде, чем Пит меня увидит. Никогда больше не хочу видеть это место.

Этой ночью я сплю очень плохо, я чувствую, как будто поднимаюсь и опускаюсь на волнах. Мне снится серфинг с Питом, его руки вокруг меня, он помогает мне балансировать на ногах. Я просыпаюсь и мысленно ругаю себя за то, что думаю о нем.

Еще рано. Нана крепко спит в ногах моей кровати, ее лапы дергаются во сне.

Я пытаюсь снова уснуть, но я не устала. На самом деле, я такая бодрая, как будто выпила дюжину чашек кофе или меня сильно ударило током. Я спускаюсь со своей кровати и выхожу в коридор. Нана двигает головой и издает странный звук, жалуясь, что я ее потревожила.

— Шшш, — говорю ей, когда она спрыгивает с кровати вслед за мной. — Хорошо, девочка.

Комната моих братьев находится прямо напротив моей. Я на секунду задерживаю взгляд на двери и прежде, чем уйти в зал, я дергаю за дверную ручку. Я еще не входила в их комнату с того дня, когда они пропали.

В комнате на удивление светло. Никогда не замечала, что их окна выходят на восток. Другие подростки жаловались бы, что свет разбудил их рано; другие подростки хотели бы спать допоздна. Но они любили просыпаться на час раньше всех, всегда полны решимости поймать большую волну до школы. Я глубоко вдыхаю, ожидая запах Джона и Майкла, но воздух чист. Я думаю, время может стереть все, что угодно.

Нана стоит в дверях, будто понимает, что я игнорирую негласные правила родителей: мы не должны даже заглядывать в эту комнату. Здесь все также, как и в тот день, когда пропали мальчики. Полицейские обыскивали ее месяц назад, пытаясь найти ключ к разгадке; почему мои братья ушли? Но они ничего не нашли.

Я вошла внутрь. Две кровати, те, в которых они спали с пяти лет. Они не должны были жить в одной комнате, но они так захотели. Два письменных стола и огромная доска завалены фотографиями их любимых серферов на огромных волнах. Провожу рукой вдоль стола, оставляя следы пальцев на пыли, собравшейся здесь за последний месяц.

Открываю и закрываю ящики. Останавливаю взгляд на доске с фотографиями и изучаю коллажи и картинки.

Одна картинка стоит, как маяк: высокие волны совершенно прозрачные и полые. Фотография, должно быть, была сделана в океане, так как за волнами виднеется песчаный пляж в тени огромной скалы, с шаткой деревянной лестницей в ней. Я наклоняюсь, чтобы рассмотреть лучше.

Вода необычно голубая, а песок белый как сахар.

Вешаю картинку обратно на доску, аккуратно, чтобы не испортить, переворачиваю. На обратной стороне узнаю корявый почерк Майкла: "Идеальные волны".

Я знаю только одно место, где вода такая голубая, а песок сахарно-белый и идеальные волны. Я знаю эту лестницу; я бежала по ней несколько часов назад. Древесина может и выглядеть грубой и обветренной, но она гладкая, как стеклышко. Я не подцепила занозу, когда рука скользила по крутой части.

Нана тихо скулит в двери, я оборачиваюсь к ней и сталкиваюсь лицом к лицу с отцом. Он с каменным лицом стоит за собакой.

Папа делает несколько медленных шагов в сторону открытой двери комнаты его

сыновей, будто он боится взглянуть сюда.

— Венди, — говорит он, выдыхая. — Что ты здесь делаешь? — он смотрит через дверь.

— Ничего, — качаю головой.

Отец отходит назад в коридор. Я еще раз осматриваю комнату, задерживаясь на картине за спиной.

Отец не смотрит на меня.

— Когда я увидел открытую дверь, на секунду я подумал, что... — он не заканчивает фразу, и надежда исчезает с его лица, как волна отступает от берега.

— Прости, пап. Я больше не буду.

Он слабо улыбается и отворачивается, направляясь на кухню. Через несколько минут я слышу звук кофеварки и запах кофе, дрейфующий во всем доме.

Вернувшись в свою комнату, кладу картинку на стол и осматриваю ее несколько минут. Братья были в Кенгсингтоне. Конечно, они были там. Конечно, это и было то самое тайное убежище, о котором я слышала от них.

Они всегда могли найти хорошие волны, когда тайком уходили к новым пляжам в поисках очередного хорошего заплыва. Это сводило родителей с ума; мы просыпаемся в будний день, а мальчиков уже нет дома, они ходят где-то по побережью, на новом пляже, о котором мы не слышали.

Когда они сбежали впервые, мы подумали, что они вернутся домой после того, как утихнут волны, как и обычно.

Сейчас я думаю, они должны были бежать в Кенсингтон, по крайней мере в начале, чтобы жить на пляже с идеальными волнами.

Может быть, кто-то из тех серферов были с ними. Может, кто-то знает, где они. Когда братья были меньше, я устраивала для них игры с картой сокровищ и кодированными ключами, которые они должны были разгадать. Каждый разгаданный ключ приводил к следующему, потом еще к одному, а потом к маленькому глупому кладу, как печенье или к торту из воска для их досок.

Иногда поиски продолжались в течение нескольких дней или недель. Один, особо интересный, который они искали целый месяц, я приготовила на их одиннадцатый день рождения — подарочный сертификат в их любимый магазин для серферов.

Фотография на их доске — это ключ.

Может, они сделали его для меня. Они, должно быть, знали, что я буду искать их.

Настала моя очередь искать клад, и я буду более внимательным детективом, чем раньше. Я не видела очевидного, например, что Пит и Белла были парой. После нашего поцелуя я пошла в Кенси, чтобы найти его, когда должна была искать братьев. Когда я вернусь туда, я буду лучше. Я буду более внимательна. И, если скваттеры и беглецы в Кенсингтоне не устроят теплый прием гостям, которые задают вопросы, я должна убедиться, что останусь незнакомкой не на долго. Скоро я буду готова.

Когда я принимаю душ, смываю песок с поясицы, там, где Пит удерживал меня в моем сне. Я собираю рюкзак, наполненный теплой одеждой для холодных ночей на пляже, немного денег, полученных от родственников, как подарок выпускнику, ноутбук и блок воска для доски, который я стащила в комнате братьев. Мне кажется, нужно взять еще увеличительное стекло и комплект "воки-токи"*. Призом для меня в конце этой увлекательной игры станут Джон и Майкл.

Нана провожает меня, когда я загружаю сумку в машину.

— Ты не можешь пойти со мной. Не сейчас, девочка.

Голос отца заставляет меня подпрыгнуть:

— Пойти тобой куда? — Он держит чашку кофе, на нем его халат свободно привязанный вокруг талии.

Ложь выходит из меня так легко, что это шокирует.

— Мое дорожное путешествие, — говорю я. — С Фионой. Помнишь? — мы с Фионой планировали дорожное путешествие после окончания школы уже много лет, еще до того, как получили водительские права. И получили согласие родителей на это еще в десятом классе.

Мы хотели ездить по побережьям, побыть вдвоем до отъезда в колледж. Но, после того, как Фиона стала встречаться с Дэксом, она больше не говорила о нашей поездке, а я не напоминала.

Но мои родители не знают об этом.

— Я просто уеду на несколько недель, помнишь? Мама сказала, что я могу взять ее машину.

— О, — говорит он, — конечно. Должно быть, я еще не проснулся.

Пожимаю плечами.

— Хорошо, пап.

— Тебе что-нибудь нужно? — он лезет в карманы халата, как будто он рассчитывал там что-то найти для меня.

Я качаю головой.

— Нет. Ничего не нужно, — это последняя ложь, которую я ему скажу сегодня. — Попрощайся с мамой от меня, когда она проснется.

Он кивает и возвращается обратно в дом. Я жду, пока он исчезнет из виду, и грузу две доски для серфинга моих братьев в машину. Они такие длинные, упираются в окна, и поэтому концы досок торчат в стороны.

Перед тем, как сесть в машину, я приседаю, чтобы поцеловать Нану на прощанье.

— Присмотри за ними для меня, девочка. Мне нужно, чтобы ты позаботилась о них.

Я медленно отъезжаю, наблюдая в зеркало заднего вида за отдаляющимся стеклянным домом. Я поворачиваю на восток, а не на север. Прежде чем отправиться в Кенси, мне нужно поговорить с Фионой.

— Пожалуйста, Фи, — умоляю я. — Мне, правда, нужно это время.

Мы сидим на террасе за домом Фионы, который держится на сваях глубоко под землей. Ее дом расположен на холме, как и мой. Но отсюда не видно океан. Мы окружены лесом и воздух здесь тяжелый от эвкалиптовых деревьев.

— Ты была права, — говорю я. — Мне нужно немного времени. Я собираюсь поехать на побережье, остановиться в маленьком отеле и... — я останавливаюсь, придумывая что-то, с чем Фиона согласится, — хочу остаться наедине со своими мыслями.

— Хорошо, почему не скажешь родителям об этом? Зачем говоришь, что я поехала туда с тобой?

— Фи, ты знаешь, что они скажут. Они никогда не отпустят меня одну, не после Джона и Майкла... — я умолкаю.

— Я не люблю им лгать, — говорит Фиона, сидя так прямо, что мне кажется, у нее за спиной стоит линейка.

Я вспоминаю, когда в шестом классе мы увидели на учительском столе наш тест, и тогда Фиона подсмотрела вопросы. Она была так взволнована — "А гарантирована!" "Это же не обман", сказала я, так как мы случайно его заметили, и нам еще придется изучать ответы на эти вопросы. Я играла с ней какое-то время, но утром в день тестирования я стояла около учительского стола и умоляла дать мне другие вопросы. Сейчас я улыбаюсь — перестановка ролей.

— Я знаю, — говорю я. — Я все объясню, когда вернусь, обещаю. Я не могу допустить, чтобы они сейчас волновались.

Фиона согласно кивает.

— Я сделаю это, — говорит она. — Если они позвонят мне, я скажу, что ты в душе или сушишь волосы, или еще что-нибудь.

Я улыбаюсь и подаюсь вперед, беру ее за руки.

— Спасибо!

Она притягивает меня в свои объятия, и я крепко сжимаю ее, жалея, что лгу, и еще больше о том, что не могу сказать ей правду.

* * *

Запах эвкалипта сменяется запахом соленой воды, когда я еду от Фионы вниз к океану. На этот раз, я еду прямо, мимо стоянки, вверх по извилистой дороге к скалам, где стоят дома.

Дорога расположена вокруг камней, как будто тот, кто ее строил, пытался взять как можно больше от природы. Когда я, наконец, добралась на вершину скалы, я вижу только один дом, и это не дом Пита. Я нажимаю на тормоза и заглушаю двигатель. Должно быть, я свернула не туда. Но как я могла свернуть не туда? Здесь только одна дорога. Дом напротив очень похож на дом Пита. Такой же дом, такой же дизайн, за исключением одного — этот выглядит отремонтированным. Кто-то, должно быть, перекрашивал его; он близко к океану, доступный к соленому воздуху — такие дома обычно не выглядят яркими и гладкими. На подъездной дорожке стоит машина, темно-синий грузовик, нижняя часть которого покрыта песком. Глядя на этот дом, уверена, во дворе есть бассейн, наполненный прозрачно —

голубой водой. Я уже чувствую запах хлора. Вдруг, гаражная дверь начала открываться. Я остановилась на подъездной дорожке рядом с пассажирской дверью грузовика. Мне просто нужно добраться до пляжа отсюда. Я открываю дверь своей машины, осторожно, чтобы не задеть грузовик. Очевидно, его владелец хорошо заботится о нем.

Я слышу свист с другой стороны грузовика. Шлангом кто-то смывает с него песок.

Сначала я вижу его ноги — голые и загорелые. Он захватывает водой бетонную подъездную дорожку и доску для серфинга.

— Простите? — парень перестает свистеть и выходит из-за грузовика. Он молодой и поразительно красивый: у него ярко-голубые глаза и черные волосы, еще влажные от воды.

Он только в шортах для серфинга с разбрызгивателем в руке.

— Ты отправляешься на пляж? — спрашивает он.

Я киваю.

— Да. Мне казалось, что я еду правильно, но потом я оказалась здесь.

— Ты занимаешься серфингом? — спрашивает он, посмотрев на доски, торчащие из моей машины. Он улыбается, его глаза стали ясными, как у сибирских хаски.

Качаю головой. Я всегда думала, что просто глядя на меня можно сказать — я не серфер.

— Не совсем, — отвечаю я. — Не как ты, — добавляю я, указывая на коллекцию в его гараже.

Он достаточно большой, чтобы там поместились две машины, но вместо этого он до отказа забит досками для серфинга. Никогда в жизни не видела столько досок для серфинга: стоящие, кажется, выше моего роста, маленькие, которые похожи на лыжи или сноуборды, с ремешками для ног и акульими плавниками, которые, как я узнала позже, нужны для буксировки огромных волн. Здесь даже есть доски с подводными крыльями, которые я видела только на картинках моих братьев, и еще выдавший виды потрепанный зеленый камуфляж Джет-Ски. И еще десятки классических досок разных размеров, от шести до десяти футов.

Он перестает смотреть на меня и поворачивается к своей коллекции.

— Это, — говорит он, пожимая плечами. — Многими из них не пользовались долгое время, — он наклоняется, чтобы снова включить разбрызгиватель, повернувшись спиной к своему грузовику. Он поливает из шланга в одно место. — Ты можешь спуститься по лестнице к пляжу.

Я оглядываюсь через плечо в направлении, которое он показывает. Вы никогда не узнаете, что там есть дорога, если вам не покажут.

— Не похоже на дорогу, — говорю я.

Он пожимает плечами.

— Да. Сейчас не многие ездят в этом направлении, все охватил камыш. Ты можешь пройти только так, — говорит он, указывая на мой внедорожник.

— Верно, — говорю я, открывая дверь своей машины. Прежде чем уйти, нужно закрыть окна.

— Спасибо, — выкрикиваю ему.

— За что?

— За то, что указал нужное направление.

Он пожимает плечами и слегка улыбается.

— Ты должна дать мне знать, правильно я указал тебе дорогу или нет.

Дорога ведет к подъездной дорожке Пита. Технически, она ведет к лестнице, но лестница ведет назад за дом Пита, поэтому я оказываюсь за его домом. Находящаяся рядом с гаражом дверь широко открыта, и оттуда видно пустую комнату. Полная противоположность того дома, у которого я остановилась. Я думаю постучать в дверь Пита. Может он мне поможет. Отрицательно качаю головой, выхожу из машины и направляюсь к пляжу по лестнице; несусь с собой записную книжку с фото нас с братьями.

Однако на пляже я понимаю, что нет смысла отрицать это — фото точно совпадает. Стою на берегу перед деревянной лестницей, фотография у меня в руках. Я сравниваю изображения с лестницей, по которой спускалась. Они похожи. Братья были здесь.

— Куда смотришь? — произносит голос, который мне знаком. Я поворачиваюсь и вижу Пита: он, мокрый, выходит из океана и держит свою доску для серфинга над головой. Он с улыбкой смотрит на меня, кажется, он действительно рад меня видеть. Наверное, Белла не сказала ему о моем вчерашнем приходе и о том, что я все о них знаю.

Я кладу картинку обратно в записную книжку.

— Ничего особенного, — говорю осторожно.

— Хочешь поплавать? — спрашивает Пит, указывая на воду. — Сегодня отличные волны.

Я смотрю на океан. Волны и правда отличные, идеальные, так бы сказали мои братья. Сердце начинает быстро биться, внутри бушует адреналин. Я хочу прокатиться. Плохо. Но я не могу. Не сейчас. Не с Питом. Не после того, как он врал мне. И не тогда, когда я знаю, где нужно искать Джона и Майкла.

— Я вернулась не для того, чтобы встретиться с тобой, Пит, — улыбка исчезла с его лица. — Я знаю, ты лгал мне, — добавляю я.

Шок расплзается по его лицу, как сыпь. Так странно видеть его напуганным; парень, который всегда чувствовал себя уверенным в себе.

— Венди, я могу объяснить.

— Объяснить что? Белла уже все рассказала.

— Белла рассказала? — похоже, он действительно запаниковал.

— Зачем ты поцеловал меня той ночью, у тебя же есть девушка?

Лицо Пита опало. Он медлит секунду, прежде чем говорит:

— Я не...

— Не пытайся это отрицать.

— Я не пытаюсь.

— Ты — лжец, Пит, — я выбрасываю слова, словно кислоту.

— Я не лгал.

— Серьезно? — он все еще пытается отрицать это?

— Я имею в виду — мне жаль. Я не рассказал о Белле, — он делает шаг ко мне, тень от солнца падает ему на лицо. Он протягивает руку и берет мою. Я стараюсь игнорировать электрический ток, который прошелся по моему телу от его прикосновения. — Пожалуйста, дай мне все объяснить.

Я вырываю руку из его хватки.

— Не думаю, что услышу сейчас извинения.

— Я не извиняюсь, — говорит Пит.

— Что?

— Я не жалею, что сделал это. Отношения между мной и Беллой — они запутанные, но, честно говоря, мы были вместе по неправильным причинам.

Я сжимаю руки вместе, пытаюсь забыть о его прикосновении.

— Были вместе?

Пит кивает.

— Да. Я порвал с ней.

Я сглатываю.

— Послушай, я не хочу быть разрушительницей пар... — Пит улыбается, и это меня разозлило. — Это для тебя какая-то шутка? Я шучу?

— Конечно, нет, — быстро говорит Пит. — Просто забавно думать о тебе как о "разрушительнице пар". Скорее всего, ты милее, чем любой из нас здесь.

Ничего не могу сказать. Пит трясет головой.

— Послушай, ты ничего не разрушала. Все шло не так у нас с Беллой уже очень давно. Но, возможно, после встречи с тобой, мне пришлось взглянуть правде в глаза.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь не обращать внимания на тепло, разлившееся по всему телу от его слов.

— Это не важно, — говорю я тихо. — Я здесь не из-за тебя.

— Тогда зачем ты здесь?

— Из-за братьев.

Пит качает головой.

— Венди, я говорил тебе...

— Знаю, знаю. Ты не знаешь их. Но они были здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Я нашла фотографию Кенсингтона в их комнате, — говорю с гордостью. — Идеальные волны. Они занимались серфингом на этом пляже.

— Даже если они и были здесь однажды, это не значит...

Я обрываю его:

— Кто-то может их помнить, — я думаю, он собирается возразить мне, но вместо этого он говорит:

— Хорошо. Я помогу тебе.

Я удивлена его предложением, но не могу от него отказаться. К тому же, он единственный, кого я знаю на этом пляже, нужно с чего-то начать.

— Как ты можешь помочь?

— Ладно, для начала, я могу найти тебе место, чтобы ты могла остаться здесь, в Кенсингтоне.

— Что, это твой дом?

— Ты планируешь ночевать прямо здесь, на пляже?

Отрицательно качаю головой, по правде говоря, я еще ничего не планировала. Пит улыбается, когда видит, что я в замешательстве.

— Там достаточно места, — говорит он, направляясь в сторону лестницы. У меня нет идей получше, поэтому мне ничего не остается, как последовать за ним.

— Всего одна вещь, Венди, — говорит Пит.

— Что это?

— Мы должны убедиться, что будет весело со всеми.

— Что это значит?

— Увидишь.

Наверху я сажусь в машину и на этот раз подъезжаю к дорожке Пита. Он достает мою сумку с заднего сиденья, где ему приходится вклиниться рядом с досками Джона и Майкла. В гостиной Пита на потрепанном диване сидят три парня, я узнаю их с первого моего вечера здесь — это парни, которые были у костра, с мокрыми волосами от моря; доски для серфинга разбросаны на полу вокруг них. Расположенная над кухней табличка гласит: "Обходите стороной комнату Беллы", ее доска лежит рядом. Она в два раза выше ее самой. Пит и я едва заходим в переднюю дверь, когда Белла говорит:

— Что она здесь делает?

Остальные парни смотрят то на Беллу, то на Пита, то на меня, ждущие объяснений.

Прежде чем Пит что-нибудь скажет, я говорю:

— Я Венди, — говорю я, избегая сердитого взгляда серых глаз Беллы. — Я... Я ищу место, чтобы переночевать, — я помню, что говорил мне Пит в первый день нашей встречи: его друзья не окажут мне теплый прием, если я начну задавать вопросы. Может, если они сначала узнают меня, поймут, что я здесь по собственным причинам — тогда они смогут мне доверять.

— Зачем? — спрашивает Белла. — Ты не похожа на того, кому негде жить.

Я киваю.

— Нет. Дом моих родителей на побережье. Но я не могу принять то, что сейчас нас окружает. Это был ужасный год. Родители... они в плохом положении, и я... — я останавливаюсь, — думаю, я тоже. Мне просто нужно было уйти куда-нибудь не надолго... — прикусываю губу и смотрю в окно на заходящее солнце. — Выйти из положения, я думаю, — делаю глубокий вдох, прежде чем добавить. — И я хочу изучать серфинг.

Три мальчика смотрят друг на друга, затем на Беллу. В конце, один из них спрашивает:

— Почему ты хочешь изучить серфинг?

Я улыбаюсь.

— Потому что я смогла взять волну на днях, и теперь это все, о чем я могу думать. Я даже не мечтала об этом.

Мальчик широко улыбается.

— Я Хьюго, — говорит он.

— Приятно познакомиться, Хьюго, — отвечаю я.

Рядом со мной Пит говорит:

— Слушайте, ребята, я думаю, мы должны позволить ей остаться.

— Конечно, ты так думаешь, — бормочет Белла.

— Не сейчас, — говорит Пит, и, к моему удивлению, Белла замолкает. — Мы все пришли в Кенси, потому что убегали от чего-то. Или что-то искали.

Мальчики встают с дивана, чтобы поприветствовать меня. Я смотрю на Пита, улыбаясь.

— Что угодно, парни, — говорит мальчик, которого, как я узнала позже, звали Мэт, — пока она может занять мою комнату.

— Я буду спать на полу, — говорю я быстро.

Пит качает головой.

— Не нужно, — говорит он, улыбаясь. — Как я уже говорил, у нас есть свободная

КОМНАТА.

Я просыпаюсь вся в поту, и меня бьет слабый озноб. Мне снились Джон и Майкл: они не хотели, чтобы я оставалась в этом доме, они стояли рядом со своими досками и уговаривали меня уйти отсюда. Джон и Майкл настаивали на том, что я не принадлежу этому месту. И ничего о том, что Пит позволил мне остаться.

Я встаю и смотрю в окно. Пит поселил меня в комнату с видом на океан. Кровать — обычный матрас на полу, а на подушке он оставил стопку пляжных полотенец, на всякий случай. Океан еще покрыт туманом, ожидая утреннее солнце, которое его разгонит. Беру телефон, чтобы проверить время, но аккумулятор сел. Достая зарядное устройство из своей сумки и подключаю в розетку в стене, но ничего не происходит. О чем я думаю? Что кто-то здесь будет оплачивать электрические счета?

Если бы я была дома, Нана спала бы на краю моей кровати. Она бы услышала, что я проснулась, и свернулась бы рядом со мной калачиком, точно также, как когда мне было десять лет и мне приснился страшный сон.

Но здесь нет никого, чтобы утешить меня. На самом деле, мне кажется, что проснулась не я одна, но здесь я чувствую себя совершенно одинокой. Единственный звук — шум океана вдалеке.

Начинаю считать волны, чтобы понять, сколько времени, по их устойчивому ритму. Достая свою записную книжку, чтобы записать каждую деталь, произошедшую со мной с момента прибытия в Кенсингтон. Имя каждого мальчика из компании Пита; глаза Беллы, когда ребята согласились, чтобы я осталась; даже количество досок того парня, с другой стороны скалы. (Ну, примерное количество. Точно я не могла все сосчитать.) Я хочу все записать, чтобы не забыть. Никогда не знаешь, когда бесполезная вещь может оказаться значимой. Заполняю страницу за страницей, пока рука не начинает болеть. Молочный утренний свет тревожит меня, поэтому запикиваю свою тетрадь обратно в сумку и выхожу в зал. Не знаю, почему я беспокоюсь, когда иду на цыпочках. Белые кафельные полы такие холодные и поблескивают в темноте, как будто их недавно кто-то отполировал, хотя шансы на это так же малы, как и на оплату электрических счетов.

Все спальные двери открыты; заглядываю туда и вижу матрасы и пляжные полотенца, использованные как подушки, но никаких признаков Пита или других ребят. Не могу не заметить, что в каждой комнате по несколько матрасов, когда у меня всего один. Интересно, где комната Беллы. Спускаюсь вниз по лестнице, шаги по кафелю звучат как пощечины. Звук моих шагов заменяет девичий смех: громкий, но хриплый, как будто она простужена. Или проглотила очень много воды. Я смотрю, как Белла открывает стеклянные двери, ведущие на веранду, и заходит в дом. В нескольких шагах позади нее идет Пит, держа два предмета над головой.

— Привет, — говорю я. — Доброе утро.

Белла поворачивается, фиксируя свой пристальный взгляд на мне. Я представляю, как она смотрит на волны: сначала решает, по какой будет плыть, а потом начинает грести к ней, чтобы победить. Оглядываюсь.

— Доброе утро, Венди, — говорит Пит весело; он либо игнорирует, либо просто не замечает взгляд своей бывшей девушки. — Хорошо спала?

— Конечно, — вяло отвечаю я, не желая вспоминать свой сон. — На самом деле, я

очень голодна, — добавляю, чтобы сменить тему.

Белла закатывает глаза и, наконец, отрывает взгляд от меня:

— Тебе не повезло, Новичок. В доме ничего нет.

Пит пожимает плечами.

— Не волнуйся, — говорит он. — Мы уходим, чтобы принести запасов.

— Дом на Брендвэй? — тихо спрашивает Белла, когда несколько ребят заходят в дом.

Пит игнорирует ее и возвращается к разговору со мной:

— Мы вернемся с едой позже. Надеюсь, ты подождешь, пока мы придем?

— Порядок, — говорю я. — Я подожду, пока мы пойдем туда.

— Ты не идешь, — говорит Белла. — Ты же не хочешь рисковать, чтобы испортить свою идеальную репутацию, да?

Понимание накатывает на меня волной: они собираются ограбить дом.

— У меня есть наличные, — говорю слабо, вспоминая о сбережениях у меня в рюкзаке. — Я куплю нам немного еды.

Пит качает головой:

— Прибереги свои деньги. Тот дом огромен. Поверь, эти люди могут позволить себе потерять то, что мы возьмем.

— Это не опасно?

— Не с надежной командой, — говорит Пит, указывая на Хью, который отряхивает песок с головы. Он добавляет: — И Белла может взламывать замки, как профессиональный грабитель.

Конечно, она может, думаю я.

— Я с вами, — говорю я вдруг.

Пит качает головой:

— Венди, ты не можешь пойти с нами. Правда. Мы ненадолго, а тебе лучше остаться дома.

Я качаю головой:

— Я иду, — повторяю, на этот раз громче.

— Это действительно не для тебя, — протестует Пит.

— Я здесь в поисках новых ощущений, помнишь? — говорю я твердо.

Пит открывает рот, чтобы возразить мне, но я отрицательно качаю головой. Не важно, что он скажет, так что нечего в пустую тратить дыхание.

* * *

На закате я еду на велосипеде Хью, Белла и Пит едут рядом с нами, и Мэт — третий, на своем байке. Они улыбаются. Для них это, наверное, в порядке вещей.

Я благодарна за шум прибоя, он достаточно громкий, чтобы заглушить звук моего сердцебиения, оно так сильно бьется, что, кажется, я одна здесь проезжаю мимо этих домов с ухоженными газонами и яркими заборами.

На краю Брендвэй мы сходим с велосипедов. Пит ведет нас за дома. Мы ползем через дворы с бассейнами, с досками для ныряния, через качели, прячась за деревьями и кустами. Интересно, что бы сделали мои родители, если бы увидели у себя во дворе группу людей, проходящих на цыпочках. Когда мы, наконец, добираемся до двери дома, Белла ловко и умело взламывает замок; я сделала вид, что не замечаю, с какой гордостью на нее смотрит Пит, когда дверь распаивается, словно мы здесь званые гости.

— Куда она идет? — спрашиваю я Пита. — Я думала мы возьмем только немного еды и вещей.

Пит пожимает плечами.

— Белла любит осматривать спальни.

Я не спрашиваю, почему. Может, она любит осматривать шкафы и мерить одежду. Может быть, любит понежиться в шелковых простынях на мягких матрасах. А может, она принимает горячий душ, так как в доме у Пита нет горячей воды.

Пит и Мэт передвигаются по дому, как кошки, которые видят в темноте; я стою рядом с Хью, который пытается разобраться с панелью сигнализации. Я сразу поняла, что делать — родители установили точно такую же. У вас есть всего шестьдесят секунд, чтобы его обезвредить, прежде чем он вызовет полицию.

— Поторопись, — шепчу я.

Он качает головой:

— Я знаю эту модель, — говорит он. — У нас достаточно времени.

— Нет, — шиплю я. — Шестьдесят секунд с момента, когда мы попали внутрь.

— Шестьдесят? — спрашивает Хью. — Ты уверена?

Киваю:

— Я думаю, это 1-80.

Он поворачивается к Питу и Мэтту на кухню.

— Выключите его, ребята! — панически говорит он, стараясь сохранить тишину.

Отталкиваю его в сторону. Моя мама постоянно забывала код. Несколько дней она его забывала, а у нас появился будильник; когда полиция приезжала спустя двадцать минут, она всегда была искренне удивлена. После того, как один из них наконец объяснил ей, как снимать сигнализацию: дело в том, что вся эта информация есть и у полицейских, объяснил он. Потом мама опять забыла, как снять код, но здесь нам помог мой ноготь.

Теперь я дергаю панель "выкл." и засовываю туда руку. Думаю, у меня есть двадцать секунд.

— Венди, что ты делаешь? — Пит шипит на меня из кухни. — Ребята, давайте сюда.

— Подожди! — отвечаю я. — Хью, посвети мне фонариком сюда.

— Я позову Беллу, — шепчет Мэтт, а потом я слышу, как он бежит по лестнице. Но мне не видно панели.

— Хью, фонарик. Сейчас. — говорю сердито. У меня ломается ноготь; стараюсь переместить другой палец. — Почти попала.

Мэт тащит Беллу вниз.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Уходим отсюда, — говорит Пит, но я качаю головой. Еще один поворот и я сделаю это.

— Получилось! — триумфально кричу, забывая о том, что нужно быть тихой.

— Получилось что? — говорит Белла, пока Пит шикает на меня.

— Сигнализация. Она отключена, — говорю я с ухмылкой. Только сейчас замечаю, что сердце бешено бьется, а кожа обливается потом. Я объясняю им об убийственном выключателе.

— Молодец, Венди! — говорит Хью, хлопая меня по спине. — Ты реально спасла мою задницу.

Я ухмыляюсь:

— Нет проблем.

— Подумаешь, — насмехается Белла. — Бедняжка богатая девочка знает об этом только из-за того, что в ее доме стоит такая же панель сигнализации.

— Ну, зато сегодня вечером у нас есть богатая чика, — говорит Мэтт смеясь.

— Хорошо ребята, бросьте это, — говорит Пит. — Давайте уже закончим это дело.

Он пошел обратно в кухню, а Белла наверх по лестнице. Уголкем глаза замечаю золотые кольца у нее на пальцах, которых я прежде не видела.

Теперь мое сердцебиение успокаивается, а дыхание становится ровным. Чувствую себя так, как будто победила огромную волну на доске. Я иду следом за Хью вверх по лестнице. Еще никогда не была в таком большом доме. На стенах висят картины, какие можно увидеть в музеях. Огромная хрустальная люстра свисает в центре лестницы, мерцая в лунном свете. Уверена, с огнями она намного красивей, но мы не хотим привлечь лишнее внимание.

— Сколько у нас времени? — шепчу я Хью.

Он пожимает плечами:

— Все время мира, благодаря тебе, — он бежит вверх вприпрыжку, перепрыгивая через две ступеньки и наступая на кремовый ковер. — Давай!

На верху лестницы длинный коридор. Слышу смех Беллы в одной из спален:

— Джекпот! — кричит она, и мне становится интересно, что она нашла.

Хью открывает дверь в комнату, в которой стоит огромная кровать с балдахином, покрытая бархатным одеялом, и с самыми мягкими подушками, которые я когда-либо видела. Вдруг, я ничего так сильно не хочу, как запрыгнуть в эту великолепную кровать. Я захожу после Хью и запрыгиваю на кровать, начинаю на ней прыгать вверх-вниз. Я сняла свои сандалии — все таки простыни атласные, и после нескольких прыжков падаю на подушки.

— Ты в порядке? — спрашивает Хью с порога.

Я снова поднимаюсь. Кровать пахнет дорогим парфюмом.

— Ты должен это попробовать, — говорю я, и Хьюго присоединяется ко мне, подпрыгивая на кровати. Я чувствую себя восьмилетним ребенком. Не помню, когда в последний раз так веселилась. Белла приходит сюда со стопкой дорогой одежды, накинутой на футболку и шорты, в которых она приехала сюда. Она выглядит как маленький ребенок, любящий примерять платья.

— Что вы, ребята, здесь делаете?

Пит просовывает голову в дверной проем, чтобы услышать от нас ответ.

— Работаем для баланса, — говорю я, готовясь к следующему прыжку. — Хорошая тренировка перед завтрашними волнами.

По какой-то причине это вызывает у Хью дикий смех, и он падает на кровать хихикающим комком.

— Мы готовы уходить, — говорит Белла в конце. Она старается выглядеть так, будто выше всей этой нашей глупости, но видно же, она так рада своей новой одежде, что похожа на нас. Я пытаюсь сделать пируэт с кровати, но спотыкаюсь и падаю у ее ног, смеясь. Замечаю, что Белла еле сдерживает смех.

Оглядываюсь на кровать прежде, чем уйти — страшный беспорядок. Красивые простыни в песке, подушки лежат на полу как попало. Когда я еще была маленькой, я застилала свою постель каждое утро. Родители просили и подкупали братьев, чтобы они убирали свои кровати после школы, но они никогда не напоминали об этом мне. Неловко

оставлять тут такой беспорядок. Я слежу за Питом, Беллой и Хью, которые спускаются вниз по лестнице и выходят через главный вход, где Мэтт ждет с нашими велосипедами в темноте. Он собрал последние мальчишеские рюкзаки. К моему удивлению, Белла садится за руль к Мэтту со своей одеждой, а Пит приглашает сесть за ним. Молча едем в темноте на большой скорости, но не на такой, как когда ехали сюда, из-за наших трофеев. Прежде чем повернуть на Брендвэй, осматриваю дом, в котором мы только что были. Там столько красивых вещей, что мне становится интересно, владельцы заметят пропажу?

Пока велосипед катится по прохладному ночному воздуху, я забываю обо всем: как ужасно скучаю по своим братьям, как сереет одежда моих родителей, о лжи Фионе, как было больно, когда Белла сказала, что они с Питом были парой, как переворачивался мой желудок, когда она прислонялась к нему, пока он ехал на велосипеде.

Вместо этого я просто закрываю глаза и позволяю ветру раскачивать мои волосы.

Этой ночью с океана дует ветер, лижущий костер на пляже; мне кажется, огонь поднимется вплоть до скал и подожжет дома, начиная с дома Пита, а потом пламя разгорится вдоль камышей до гаража. Я чуть не смеюсь, подумав о том, что будет в конце: чтобы разжечь огонь, мы должны были получить специальное разрешение от местных парков департамента.

Хью и Мэтт явились с ящиком пива; в том доме на Брэндвэй наверняка было немного наличных денег или, может быть, всеми забытая кредитка. С другой стороны костра Белла ссутулилась, разговаривая с какими-то парнями, которых я еще не знаю. У нее на шее сияет ожерелье, которое она украла. Могу сказать, это не самое дорогое ювелирное изделие, думаю, не будет стоить много денег, когда они попытаются заложить его вместе со всеми украденными вещами. Но ожерелье действительно выглядит на ней красиво, оно ей подходит, даже если она его носит с толстовкой и шлепанцами. Она настолько маленькая, что толстовка смотрится на ней как мини-платье. Это, наверное, рубашка Пита, или была ею когда-то.

Дрожа от холода, подхожу ближе к костру. За мной Мэтт протягивает мне пиво.

— Тост за преступника на час! — говорит он, стучаясь своей бутылкой об мою.

— Ха-ха, — говорю я, немножко отхлебывая. — Очень смешно.

— Что смешного? — отвечает Мэтт. — Ты спасла наши задницы там. Мы теперь у тебя в долгу, Новичок.

— Хорошо, тогда как плату я возьму бесплатное пиво и уроки серфинга, спасибо вам большое.

Мэтт усмехается. У него есть загар на лице, и когда он щурится на солнце, у него вокруг глаз появляются морщинки как у Пита. Мне кажется, он моего возраста; интересно, он когда-нибудь задумывался, что при других обстоятельствах закончил бы школу этой весной?

— Тебе не холодно? — спрашиваю я. Он только в шортах и футболке. Я надела джинсы и свитер и все еще покрыта гусиной кожей.

— Неее, меня не беспокоит холод. В январе я не ношу ничего, кроме шорт, — говорит он, указывая на волны. — Если ты замерзла, я могу сходить за одеялом или еще чем-нибудь, — предлагает Мэтт, но я качаю головой.

Я опускаюсь на песок, и он присаживается рядом со мной. Появилась возможность разузнать у него о Джоне и Майкле, но знаю, мне нужно действовать очень осторожно.

— И как серфинг здесь в январе? Волны большие а?

Мэтт кивает.

— О да, это реально что-то! Ты просто ждешь. Если сюда придет одна из северо-западных волн, ты просто наслаждаешься.

Киваю, улыбаясь тому, каким способом Мэтт предполагает, что в январе я еще буду здесь.

— Этой зимой были большие волны? — спрашиваю я.

— Довольно большие. Они сильно омыли побережье на севере, прежде чем достичь нас. Я знаю.

— У нас были еще огромные волны, — продолжает Мэтт. — Я проделал там адскую работу.

— Звучит опасно.

— Может быть. Но Пит всегда предупреждает нас, когда надвигаются огромные волны.

— Правда?

Мэтт пожимает плечами.

— Знаешь, я здесь не лучший серфер. Пит знает об этом. Он держит меня на стороне.

— Приятно слышать, как он обо всех вас заботится.

Мэтт кивает.

— В январе здесь было много людей? Я имею в виду, когда волны нарастали, люди иногда наблюдали за этим, верно?

Мэтт пожимает плечами:

— Ну, это место довольно таки далеко в глуши. Но да, мы видели людей, которые проходили время от времени. Белла сказала, что это туристы.

Я уверена, она это сделала, думаю, она хотя бы относится ко мне намного мягче. Я вижу ее сквозь пламя с другой стороны костра, ее белокурые волосы обрамляют лицо.

— Где обычно туристы останавливаются? — спрашиваю я. — Что-то мне подсказывает, что в Кенсингтоне нет отелей.

— Некоторые останавливаются здесь в пустых домах, — говорит он, указывая на скалы. — Многие устраивают здесь лагеря. Или на стоянке, ожидая приливы и отливы, знаешь?

— Точно, — отвечаю я, кивая.

— Конечно, некоторые из них остаются в доме Джеса, хотя, довольно часто они останавливаются на другой стороне пляжа. Пит делает это, чтобы сохранить его. Опылители на одной стороне, мы на другой.

— Опылители, — повторяю я. Я хотела спросить, что это значит, когда что-то щелкает, и я вспоминаю о "волшебном порошке", о котором рассказывал Пит. Представляю Пита у огромного здания, срезающего спуск на пляж и к океану, Пита с компанией на одной стороне и одурманенных наркотиками клиентов Джеса на другой.

— И иногда некоторые малыши остаются на полу нашей гостиной, но только тогда, когда Пит им позволит.

— Я должна считать себя привилегированной, что не осталась на полу в гостиной?

Я смеюсь и Мэтт тоже.

— Да, хорошо. У нас были кое-какие проблемы с незнакомцами, которые останавливались раньше в отеле. Ты не можешь винить нас за то, что мы всегда начеку. Иногда они не просто компания, понимаешь? С нами жили несколько детей прошлой зимой, черт — я думал, они были классными, но закончилось тем, что Пит просто выгнал их на улицу, понимаешь?

— Правда? — спрашиваю я. Пытаюсь представить, как Пит выгоняет кого-то из дома.

— Да, они просто делали ненужные вещи на стороне, знаешь?

Киваю. Я уже привыкаю к особенности болтовни Мэтта, когда он заканчивает каждое предложение вопросом. Но он не отвечает на мои вопросы, поэтому я продолжаю.

— Полагаю, это неизбежно, — соглашаюсь я. — Но что говорят о детях, которые были туристами? Ты был с ними знаком? — просто потому, что Пит не был знаком с моими братьями, не значит, что Мэтт тоже. Может, он был здесь утром, пока Пит спал допоздна. Но прежде, чем Мэтт отвечает, я чувствую тепло чьего-то тела, сидящего сзади.

— О чем вы двое, здесь болтаете? — спрашивает Пит, и я поворачиваюсь к нему лицом.

Мурашки по коже исчезли.

— Ничего важного, — отвечает Мэтт, прежде чем я что-то скажу, встает, отряхивая песок с шорт. Он коротко кивает Питу и, ухмыльнувшись, уступает свое место ему.

— Он не должен был уходить, — возражаю я.

— Он просто был вежливым, — говорит Пит. Его карие глаза пристально изучают мое лицо, в их углах играет кривая улыбка. Качаю головой, пытаюсь избежать этого взгляда. Не хочу, чтобы Пит неправильно меня понял, даже если сидя так близко к нему, напоминает ту ночь у скалы и его объятья. Это последняя вещь, о которой я хочу сейчас думать.

— Итак, — говорит Пит. — Хорошо проводишь время?

— Ты имеешь в виду, хорошо ли я провела время, ограбляя дом невинных незнакомцев? — говорю я, стараюсь, чтобы мой голос звучал твердо и неодобрительно. Пытаюсь скрыть тот факт, что, на самом деле, это было весело.

— Ладно, — говорит Пит. — Ты, конечно, завоевала парней, это точно. Хью там не может прекратить петь тебе похвалу.

— Это не было большим делом, — говорю я, но улыбаюсь. Странная вещь, чтобы гордиться. — Как бы там ни было, — добавляю я. — Не думаю, что это помогло мне заработать дополнительные очки от Беллы.

— Дай ей немного времени, — говорит Пит, пожимая плечами. — Довольно скоро она полюбит тебя так же, как и все мы.

Я улыбаюсь:

— Думаю, еще немного рано говорить, что кто-то меня любит, — говорю я.

Пит наклонил голову в сторону:

— Хорошо, возможно, — согласился он. — А также рано так давить на тебя.

— О, правда? — говорю я, указывая на людей вокруг нас. — Вся банда в меня влюблена?

— Ладно, — говорит Пит, останавливаясь, как будто над чем-то размышляет. — Может быть, не вся банда.

Смотрю на свои колени. Не хочу, чтобы Пит видел улыбку на моем лице, не важно, как сильно я стараюсь выпрямить рот в линию. Ты здесь не для этого, напоминаю себе. Но прежде, чем смотрю вверх, губы Пита аккуратно касаются моей щеки, теплые и мягкие, как утреннее солнце сквозь туман. Не говоря ни слова, он встает и направляется к кулеру с пивом, хотя таи и нет льда, чтобы его охладить.

Я встаю и подхожу ближе к огню, протянув руки над ним так, чтобы не было сильно жарко. Всего несколько миллиметров и я обожгусь, но не убираю руки. С другой стороны костра Белла делает то же самое. Вдруг, она снимает с себя ожерелье и бросает его в огонь, посылая искры повсюду. Инстинктивно делаю несколько шагов назад, но Белла остается на месте. Она смеется, но я больше не улыбаюсь.

Было еще темно, когда я проснулась, даже слишком рано для Пита и Беллы, чтобы быть на воде. Я спустилась вниз на цыпочках, дрожа от холода в бикини и, выходя в переднюю дверь, взяла одну из досок моих братьев из машины.

Я хватаю доску Джона: она самая маленькая из двух, темно-голубая с ярко-желтыми полосами, идущими вверх по сторонам. Я несу ее вниз к пляжу, держась за перила вдоль лестницы; думаю, она может сломаться, поэтому несу осторожно, чтобы не ударить обо что-то.

К тому времени, как я добираюсь до пляжа, солнце уже появилось на горизонте и окрасило небо в розовый цвет. Я глубоко дышу, глядя, как волны ударяются о песок одна за другой. Каждый раз, когда одна волна отступает, а следующая набирает обороты, это выглядит, как будто океан делает глубокий вдох, а затем сильно выдыхает.

Я стою у кромки воды, мои пальцы промокли от волн, доска упирается рядом в песок, когда я слышу чей-то голос:

— Мне казалось, ты сказала, что ты не серфер.

Пораженная, поворачиваюсь, чтобы увидеть парня, который подсказал мне дорогу до Кенси.

— Ты напугал меня.

— Извини, — говорит он. — Ты в порядке?

— Просто не ожидала, что кто-то не спит в это время, — говорю я, но это правда, я даже не знаю, как долго стою здесь. Солнце взошло выше, и цвет поменялся с розового на желтый.

— Я рано встаю, — ответил он. Он уткнул свою доску в песок рядом с моей: она в два раза выше его самого и выглядит старомодной. Вид доски, которая называется "пистолетом", думаю я. На нем те же шорты, в которых я видела его первый раз, из-под пояса виднеется маленькая бледная полоска кожи. Я краснею от стыда под его взглядом.

— Не знала, что кто-то еще плавает с этой части пляжа, — добавляю я, возвращаясь взглядом к воде. Он кивает:

— Нет, как правило. Обычно я придерживаюсь другой стороны пляжа. Здесь просто... — он замолкает, на его лице мелькает тень. В конце он говорит. — Здесь проще.

Снова поворачиваюсь к нему лицом, и мне кажется, что я вижу его впервые. Мэтт говорил, что Джес и его "распылители" перешли на другую сторону пляжа. Как я сразу не поняла, что этот парень — Джес — торговец наркотиков, который живет на другой стороне Кенси?

— Ладно, тогда почему этим утром ты здесь? — спрашиваю я, делая шаг назад. От него. Вода уже на уровне моих лодыжек.

Он не отвечает сразу. Он смотрит на океан, потом снова на меня. Мне кажется, он смущен. Наконец, он говорит:

— Нужно идти туда, куда ведут волны, ты знаешь?

Я киваю, но это не правда, на самом деле, я не знала.

Он улыбается и жестикулирует, показывая на воду, на волны, которые поднимаются все выше и выше.

— Не возражаешь? — спрашивает он вежливо, будто ему нужно мое разрешение, чтобы

покататься здесь.

Я быстро встряхиваю головой:

— Вперед! — отвечаю я, отходя от воды. Волочу доску за собой, пока подхожу ближе к лестнице, чтобы быстро взбежать к дому Пита, если будет нужно. Я действительно должна вернуться. Я не должна оставаться здесь, одна, на пляже с кем-то вроде него. Но я не чувствую опасности, оставаясь здесь с Джесом. Может быть, должна, но нет.

Он поднимает доску над головой в воде. Наблюдать за его серфингом волнующе: он берет волну за волной — изящно, как дельфин в воде. На более маленьких волнах он перемещается так, что доска поднимается и парит над пенным гребнем.

Он такой же высокий, как Пит, поэтому ему нужно приседать, чтобы кататься на маленьких гребнях волны. Он передвигается на доске, балансируя: иногда стоя впереди, а иногда сзади.

Вдруг, он раскручивает доску в полный круг, как балерина делает пируэт. Я еще никогда не видела такого серфинга, как этот, даже у Пита. Когда он, наконец, возвращается обратно на пляж, то улыбается мне, как маленький ребенок, стряхивая воду с волос. Он делает несколько глубоких вдохов, мышцы на его груди расширяются и сжимаются.

— Ты и правда знаешь, что делать, а? — ненавижу себя за очевидное, но откуда мне знать, что говорить наркоторговцу/последнему серфингисту? Он улыбается мне:

— Твоя очередь, — говорит он. — Волны стали спокойнее. Идеальный вариант для начинающего.

Я качаю головой:

— Я пока не готова. Думаю, мне нужно несколько уроков прежде, чем я смогу сделать это сама.

— Тогда что ты делаешь одна на пляже этим утром?

Прикусываю губу. Я не совсем уверена. Может, я думала, что если буду стоять здесь достаточно долго, то мои братья, как по-волшебству, появятся из самого океана.

— Учусь, — говорю я наконец. — Знаешь, пытаюсь познакомиться с волнами. — О, Боже, — добавляю, сильно краснея. — Это нелепо, да?

Он качает головой:

— Ничуть. Все хорошие серфингисты смотрят на океан, прежде чем плыть. Ты, должно быть, стратег — особенно по большим дням, — его улыбка заразительна. — Похоже, Кенсингтон с тобой согласен, — говорит он.

— Что ты имеешь в виду?

Он качает головой:

— Просто ты выглядишь немного по-другому с тех пор, как я видел тебя в прошлый раз.

— По-другому? Как по-другому?

Вместо ответа на мой вопрос, он говорит:

— Я мог бы взять тебя туда, если хочешь, — он указывает на воду. — Было бы грустно упустить такую волну.

— Правда? — он лучший серфер, которого я когда-либо видела. Интересно, на что это будет похоже, быть на волне с ним? — Я имею в виду, разве у тебя нет важных дел?

Вдруг, его взгляд изменился; он посмотрел мне за спину, и улыбка исчезла с его лица. Я обернулась. Пит, Хью и Белла спускались на пляж, проходя мимо остатков вчерашнего костра.

— Лучше я пойду, — сказал Джес, но Хью сразу припустился в бег — мне пришлось

отшагнуть в сторону, чтобы он не врезался в меня, когда бросился на Джеса, который изящно сделал шаг в сторону.

— Что ты тут делаешь? — спросил Хью, его голос жесткий как наждачная бумага. — Ты не должен появляться на этой стороне пляжа.

Голос Джеса был сверхъестественно спокоен, когда он отвечал:

— Нужно следить за волной, знаешь? Вы и ваша компания, это не ваш пляж, Хью.

— На другой стороне пляжа волны тоже прекрасные, — говорит Пит ледяным голосом, обходя нас сзади и крепко схватившись за мое плечо. — Я видел их из дома сегодня утром.

Я в замешательстве смотрю на Пита, потом на Джеса. Что Джес делает на этой стороне пляжа, если не гоняется за волнами?

— Девушка была здесь одна, — говорит Джес медленно, осторожно. Руки Хью сжались в кулаки. Он ниже Джеса на четыре дюйма, но мышцы были натянуты, как пружины, готовые дать о себе знать в любую минуту. Не думала, что видела кого-то, кто выглядел бы таким яростным, как Хью. Трудно сравнить этого Хью с тем парнем, который хлопал меня по спине.

— Ее зовут Венди, — вдруг говорит Белла. Она стоит позади меня, поэтому могу только представить, как ее лицо соответствует сарказму в ее голосе. Она произносит мое имя, как будто это оскорбление. Пит сильнее сжимает мое плечо.

— Уходи, — рычит Хью. — Никто не хочет тебя здесь видеть.

Джес, наконец, делает несколько шагов назад, находясь вне досягаемости Хью.

— Уже уйду, — говорит он, бросая взгляд на меня. Он поднимает доску над головой и бежит вдоль пляжа. Мы все смотрим на него, пока он не сворачивает за кривую скалу и скрывается из виду.

Белла нарушает тишину:

— Великолепно! Итак, теперь она приводит Джеса на нашу сторону пляжа?

— Это не ее вина, — говорит Пит, его рука все еще на моем плече. — И зачем ты сказала ему ее имя?

Она пожимает плечами:

— Какая разница? Он знает все наши имена.

— Почему? — спрашиваю я вдруг. — Так вы ребята, кажется, хорошо друг друга знаете?

Белла качает головой:

— Притормози, — говорит она, поднимая доску с песка и направляясь к воде. Хью следует ее примеру.

— Пит? — напоминаю я.

Наконец, он убирает руку с моего плеча и тянет меня сесть рядом с ним на песок.

— Это сложно, — говорит он. Рев океана становится все громче, когда волны вновь поднимаются вверх. Белла умело ориентируется в воде, ее волосы развиваются за спиной в солнечном свете, как какой-то мистический ореол.

— Я попытаюсь, — Пит кивает.

— Джес и я были друзьями когда-то. Я привёл его на пляж Кенсингтон много лет назад. Мы занимались сёрфингом вместе прямо здесь.

— Что произошло?

Пит пожимает плечами.

— А что ты думаешь? Он начал продавать порошок, а я не хотел участвовать в э том. Поэтому я его выгнал.

— Это сильные наркотики, Венди, — продолжает он.

— Как только пробуешь, они цепляют тебя, и действительно трудно остановиться. Это отвратительный вид зависимости. Я видел это вблизи.

— Ты имеешь в виду Джеса?

Пит качает головой.

— Нет, на самом деле, он никогда не принимал их сам. Лучшие наркодилеры никогда не употребляют дерьмо, которое продают, — Он смотрит на Хью.

— Но несколько парней ввязались в это. Мне пришлось вытаскивать их до тех пор, пока они, наконец, не решили остановиться.

— Хью? — говорю я тихо, наблюдая, как парень берет волну. Трудно представить его пристрастие к чему-то еще, кроме серфинга. Прямо сейчас он представляет собой воплощение здоровья. Но это объясняет, почему он накинулся на Джеса утром, и то, как отчаянно он выгонял его с пляжа и с глаз долой.

— И Белла, — добавляет Пит тихо, с печалью в голосе.

Вдруг он поднимается, и я делаю то же самое. Я знаю, что только что узнала что-то важное об этом парне, о том, почему он живет и занимается серфингом здесь, почему он держит свою компанию так близко, почему он чувствует ответственность за них.

— Эй, — говорю я, хватая его руку прежде, чем он мог взять свою доску и погрузиться в воду. Впервые я сама взяла его руку, а не наоборот. Я тяну его ближе к себе, обхватываю руками и крепко обнимаю. Его обнаженная грудь теплая напротив моей щеки; я закрываю глаза и слушаю его сердцебиение; так близко, что этот звук даже громче волн.

— Ты хороший друг.

— Я? — спрашивает он, его голос такой искренний, что это заставляет мое сердце болеть.

— Да, ты, — отвечаю я, несмотря на то, что он лгал мне. Потому что я знаю, что он пытается делать то, что правильно, а это что-то значит. Это много значит.

— Спасибо, — произносит он, прижимаясь к моей макушке. Я чувствую его дыхание сквозь мои волосы — теплое и ровное.

Улыбаясь, я ослабляю объятие.

— Могу я спросить тебя кое о чем?

— Все, что угодно.

— Что ты делал в Ньюпорте в ночь моего выпускного? Почему ты занимался серфингом так далеко от Кенси?

Пит пожимает плечами.

— Одна вещь, которую сказал Джес этим утром, была верна: тебе нужно следовать за волной. В ту неделю на Кенси не было волн. Поэтому мне пришлось уйти.

— Тебе пришлось? — говорю я, посматривая на океан: идеальные волны, идущие одна за другой.

— Почему, когда ты знал, что волны в конце концов вернутся сюда?

— Ты не можешь ждать, что они вернутся к тебе, — отвечает он. — Ты должен гнаться за ними. Иначе...

— Иначе что? — спрашиваю я. Я думаю о моих братьях, об утре, когда они вышли за погоней волн, в то время как остальной мир все еще спал.

— Иначе, кто знает, какие возможности ты бы могла упустить?

Волны этим утром поднимаются все выше и выше, пока не становятся слишком большими для меня, поэтому я возвращаюсь в дом.

Я одна в своей комнате — странно, что я уже считаю ее своей. Достāju свой ежедневник, готовая написать больше о том, что узнала о Кенсингтоне, но вместо этого я пишу в нем, как будто это мой дневник: о моем отчаянии, о том, что не нашла ничего нового, о том, что не могу произнести вслух — "Джон и Майкл Дарлинг", о том, как Джес брал волны сегодня утром, как Хью набросился на Джеса. И, в конце концов, я пишу о том, что не могу перестать думать о Пите. О том, как у меня словно бабочки в животе каждый раз, когда он приближается.

Должно быть, я задремала, потому что у меня чуть душа в пятки не уходит, когда раздается стук в дверь. Это Хью.

— Прости, я боялся, что разбужу тебя, — говорит он.

Я отрицательно качаю головой:

— Не переживай. Что-то случилось?

— Ты ушла утром, не взяв ни одной волны, — отвечает он.

Я киваю.

— Я знаю. Те волны казались слишком сложными для меня.

— Волны успокоились, — говорит он.

— Идем, вернемся на пляж. Все там.

Я не решаюсь. Я очень хочу вернуться обратно к воде, чтобы хоть ненадолго вернуть то чувство возможности, надежды, неуязвимости, которое пришло, когда я взяла волну с Питом. Но делать это самой и на глазах у всех, это что-то совершенно другое.

Читая мои мысли, Хью говорит:

— Я пойду с тобой. Все остальные более или менее уже закончили. Они просто тусуются на песке.

Я улыбаюсь и киваю

— Ладно.

Хью гребет рядом со мной и, когда мы оказываемся за пределами волн, он садится на свою доску, я делаю то же самое.

— Давай просто посмотрим на этих малышей минуту, — говорит он. — Тебе нужно почувствовать их прежде, чем грести в ту самую.

Я киваю, вспоминая, как Джес сказал этим утром, что лучшие серферы в мире наблюдают перед тем, как взять волну. Я оглядываюсь назад, на пляж. Мэтт и несколько других ребят лежат на солнце. Белла сидит и смотрит на нас. По крайней мере, Пита нет поблизости, чтобы увидеть мое несомненное унижение. Хью сказал мне, что утром он направился в город за дополнительными припасами.

Рев прибоя громкий, но не всепоглощающий, и я вдруг испытываю соблазн крикнуть имена своих братьев: как будто они там, на воде прямо сейчас, и даже расстояние в несколько километров до берега не мешает им услышать меня, и они начнут грести обратно в Кенсингтон, обратно ко мне.

— Извини за это утро, — говорит Хью.

— Что?

— Я накинулся на Джеса. Я немного... Я не должен был этого делать. Не тогда, когда парень не мог схватить меня, если бы он пытался.

Я улыбаюсь, вспоминая о том, как Джес возвышался над Хью этим утром.

— Не знаю, — говорю я. — Ты казался довольно рассерженным. Что всегда добавляет 20 фунтов и 6 дюймов сил, верно?

Хью смеётся.

— Верно, — соглашается он.

— Каково это было? — тихо спрашиваю я. Ритм волн, разбивающихся о скалы, убаюкивает, как мама, качающая своего ребенка, чтобы он уснул.

Хью не смотрит на меня, когда отвечает.

— Раньше я был тряпкой, — негромко говорит он.

Мне пришлось сконцентрироваться, чтобы расслышать его за прибоем.

— Я разбился на территории Джеса несколько месяцев назад, а когда у меня кончились деньги, он предложил мне работу.

— Работу?

Хью кивает, касаясь пальцами поверхности воды:

— Да. Я начал торговать для него и посадил других ребят на это дерьмо. Я привозил его для каждого нового клиента и получал свою свежую дозу.

Не думаю, что слышала, чтобы чей-то голос звучал так стыдливо

— Как тебе удалось уйти от него?

— Пит помог мне, — говорит он, указывая на пляж, на дом на скалах.

— Он увидел, как однажды я занимался серфингом, не настоящим серфингом — просто пытался взять самую маленькую волну и упал плоским на лицо. Волны, которые я мог брать в моем сне. Наркотики стерли всего меня. Я больше даже не мог грести.

— И Пит предложил помощь?

Хью кивает.

— Он сказал, что я могу остаться с ним, и он научит меня серфингу. С одним условием.

— Что за условие?

— Что я никогда не прикаснусь к этой вещи снова.

— И ты выполнил его?

Хью медлит, его глаза мутнеют.

— Однажды я сделал это. Я думал, что смогу сам отвыкнуть от этого — избежать ломки, понимаешь? Думал, что буду принимать половину таблетки в день, четверть на следующий. Это будет легко. Вот что я думал.

— Но это не было легко?

Хью кивнул.

— Конечно, нет. Потому что я должен был привести Джесу нового клиента, прежде чем он даст мне еще одну таблетку.

И было настолько трудно заставить себя сделать это теперь, когда я пытался выйти из этого дерьма сам, теперь, когда я знал, как это портит меня. Но я сделал это, и я получил свою таблетку. И, конечно, я взял не только половину. Я взял ее всю, желая заглушить все остальное — вину, боль, все. Пит нашел меня на пляже, танцующего, как придурок. Он потащил меня наверх и запер в одной из спален.

Хью перевернулся на своей доске так, что теперь он лежал на спине, глядя вверх, в небо.

— Я не знаю, сколько времени потребовалось — несколько дней, несколько недель, но,

наконец, тот хлам вышел из моего организма. Навсегда. Я поклялся, что никогда к этому не вернусь.

Я улыбнулась.

— Ну, это объясняет, почему ты так завелся, увидев Джеса на этой стороне пляжа.

Хью кивнул, глядя на воду.

— Теперь мы просто должны выяснить, какое из этих направлений имеет твоя следующая волна.

— "Следующая" подразумевает, что я уже взяла одну.

Хью усмехнулся.

— Каждое направление имеет свою собственную индивидуальность. Свой собственный ритм. Волны забавны. Целый мир состоит из волн, ты знаешь. Не только океан.

Я киваю, вспоминая, что в 11 классе учила по физике что-то под названием "теория волн".

— Мне следовало бы уделять больше внимание физике, но я всегда ненавидела ее.

Хью качает головой.

— Я любил ее.

— Ты изучал физику?

— Я не всегда жил на пляже, понимаешь.

Я краснею от стыда.

— Извини. Я не это имела в виду.

Хью смеётся.

— Я шучу, Венди. Потребуется что-то намного большее, чем это, чтобы обидеть меня.

Я киваю.

— Так что же случилось?

— Около шести месяцев я жил с одной приемной семьей, тогда один из моих приемных братьев привез меня в Кенси и представил Джесу. — Он замолкает, глядя на воду.

— А остальное, как они говорят, история.

— Но почему ты не хотел вернуться? Понимаешь, теперь, когда ты слез с таблеток?

Хью пожимает плечами.

— Теперь это мой дом, — отвечает он, указывая на пляж, скалы. — Пит, Белла и парни моя семья даже больше, чем любая из моих приемных, которые у меня когда-либо были. До сих пор, — добавляет он после паузы.

— Я вроде как хочу иметь шанс закончить среднюю школу. У меня были неплохие оценки, ты знаешь? Я имею в виду не такие, как у тебя, но...

— Я не получила пятерку по физике, — перебиваю я. — Чёрт, да я чуть ее не завалила. Пришлось нанимать репетитора, чтобы поддержать мой средний уровень.

— Я мог бы помочь тебе.

— Если бы я только знала тебя тогда, — говорю я, смеясь.

— Но если ты действительно хочешь закончить среднюю школу, может я могу помочь тебе. Получить твой GED (прим. пер. — диплом об общем (среднем) образовании; выдаётся сдавшим тесты по программе средней школы) или еще что-то.

— Правда? — спрашивает он. Когда он улыбается, он выглядит как маленький ребёнок. Не как кто-то, кто прошел через все те вещи, через которые ему пришлось пройти.

Я киваю, улыбаясь.

— Там, — вдруг говорит Хью, указывая. — Прямо там.

— Что?

— Это твой сет (набор волн), Венди.

Я смотрю на волны, сет нарастает прямо перед нами, волны растут из кусочков воды. Я отрицательно качаю головой.

— Я не уверена.

— А я уверен, — говорит Хью, толкая мою доску.

Я лежу на своей доске, погружая руки в воду. Позади меня я слышу, как Хью кричит.

— Греби! Греби! Греби!

И я так и делаю. Я гребу изо всех сил, пока мои руки не начинают весить тысячу фунтов; пока я не чувствую, как моя доска расположилась под гребнем волны, как будто здесь есть какая — нибудь встроенная щель, в которой могут закрепиться серферы. И я толкаю себя вверх, чтобы встать, чувствуя, как мышцы живота заныли, желая, чтобы я легла обратно.

Я поднимаюсь, дрожа, соленая вода стекает по моим волосам в глаза. Я размахиваю руками, пытаюсь балансировать именно так, как Пит держит свои руки, когда он занимается серфингом, так, что похоже, будто он летит.

А теперь и я тоже. Я лечу. За исключением того, что летаю я не так много, как падаю. В воду. В маленькую трехфутовую волну (примерно 1 метр).

Тогда ещё одна маленькая трёхфутовая волна обрушивается на меня сверху. А потом ещё и ещё.

Каждый раз, когда я пытаюсь вынырнуть и добраться до своей доски, привязанной к моей ноге нейлоновым шнуром, волна падает на мою голову. Я стараюсь вытащить себя на поверхность, но волны продолжают обрушиваться на меня до тех пор, пока мои глаза не начинает щипать от соленой воды, ослепляя меня.

Тогда Хью хватает мою руку и тянет меня наверх. Я кашляю, удивляясь тому, как много воды проглотила. Он тащит меня к берегу, где я сопротивляюсь сильному желанию наклониться и поцеловать твёрдый и сухой песок под моими ногами.

Он хлопает меня по спине до тех пор, пока мой кашель не прекращается.

— Молодец, Венди, — говорит он.

Я моргаю из-за соленой воды в глазах и смотрю на него, ожидая увидеть насмешливое выражение на его лице.

Но вместо этого он засиял.

— Чертовски хорошая работа.

— Серьезно? — спрашиваю я хриплым голосом, горло яростно дерёт. Мэтт вырастает позади нас.

— Классная волна, Венди, — говорит он.

Белла лежит в нескольких метрах от нас, ее голова направлена вверх к солнцу, а глаза намеренно закрыты. Я уверена, она видела мое падение, но она ведет себя так, будто не может слышать, что мы говорим.

Мэтт смеется.

— Не волнуйся, твой голос придет в норму через пару часов, — говорит он, усмехаясь.

— Я упала, — говорю я. Интересно может они как — то пропустили такое захватывающее зрелище в океане. — Я рухнула.

— Да, — говорит Хью, — но сначала ты встала, — он улыбается, обнимая меня.

— Сначала ты встала — повторяет он.

Я киваю, чувствуя тепло в лучах солнца и глядя на океан позади нас. Отсюда волны не похожи на крошечные трехфутовые волны. Они выглядят намного больше — по крайней мере, футов шесть (около двух метров). Хью говорит мне, что это потому, что прежде, чем брать волну, я видела, что позади одной волны другие волны, поэтому они кажутся наполовину ниже, чем есть, когда ты прямо перед ними.

— Твоя волна, — говорит Пит, и я чувствую внезапный прилив согревающей гордости, когда он называет ее моей, — была около шести футов, по крайней мере.

— Вау, — говорю я тихо, смотря с океана на пляж, и с удивлением вижу Пита, стоящего у подножия лестницы, его руки скрещены на груди. Он улыбается мне, поднимая руки над головой, как бы говоря "Победа"! И даже если это выглядит глупо после падения, я делаю также.

Мое сердце все еще стучит, совершая миллион ударов в минуту. Может быть, мои братья чувствовали тоже, что чувствую и я сейчас: гордость и веселье, даже после падения. И я улыбаюсь, потому что я только что обнаружила, что непобедима. К счастью, чувство, которое я испытала в воде в первый раз с Питом не было неповторимым в этот день — я чувствую это снова, сейчас, на суше, хотя в моем рту горечь со вкусом океана и мои глаза жжет от соленой воды.

Мои щеки начинают болеть от такой широкой улыбки, я закапываю пальцы ног в песок под моими ногами, горячий от лучей полуденного солнца.

Вдруг, загадочное, волшебное чувство нахлынуло на меня: я совершенно уверена, что мои братья чувствовали то же самое, что и я, стоя в этом же самом месте.

Каждое утро я просыпаюсь с восходом солнца. Я хватаю доску Джона и спускаюсь к воде. Иногда Пит и компания стучат в мою дверь, но чаще всего я просыпаюсь первая.

С каждым днем я становилась все смелее: гребла, пока никого не было видно; заходила глубже в океан, взяв несколько больших волн. Ночью я одна в своей комнате и больше ничего, кроме лунного света, освещающего страницы; я царапала каждую деталь каждого дня в свой ежедневник, но не чувствовала ничего, что могло бы привести меня к моим братьям, пока еще нет.

Вместо этого я расположена писать об улыбке Хью и глупом юморе Мэтта, об угрожающих взглядах Беллы и о дрожи, которая расплзается по всему телу, когда Пит рядом. Когда я, наконец, натягиваю на себя одеяло, то все еще чувствую, как волны раскачивают меня вперед и назад, словно какая-то колыбельная. Я еще никогда в жизни так хорошо не спала.

На ногах и руках растут новые мышцы. У меня болит живот — так развиваются брюшные мышцы. Но, правда, он болит еще и из-за голода. Пит с друзьями добыли еду вместе с наличными, когда ограбили дом на Брендвэй, но она явно не самая питательная. Так как у нас нет электричества, они покупают только ту еду, которую не нужно готовить, которая идет неплохо, если не заморожена. Это очень холодная каша и питательные батончики.

Здесь, на заднем дворе, есть огромный старый гриль, оставленный теми, кто жил здесь до Пита и ребят. Пит находит меня днем, когда я учусь на воде, мои волосы все еще влажные после утреннего прибоа и купальник еще мокрый.

— Что делаешь? — спрашивает он, возвышаясь надо мной.

— Проверяю гриль, — отвечаю я. Он не отличается от того, что стоит во дворе моих родителей. Прежде, чем братья сбежали, отец готовил ужин на гриле каждый воскресный вечер. Стейки, курицу, гамбургеры, хот-доги, кукурузу в початках — у меня текут слюнки от этих мыслей. Я стояла рядом с ним, пока он готовил, каждое воскресенье с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Он называл меня своим "СУ-шефом".

— Зачем? — спрашивает Пит. Я поворачиваюсь лицом к нему. Капли соленой воды сверкают в солнечном свете на его плечах.

Я качаю головой, ухмыляясь:

— Давай, — говорю я, схватив его за руку. — Мы выполним несколько заданий.

Тридцать минут спустя я поворачиваю машину на стоянку огромного супермаркета. Папа не стал бы возражать.

Он любил ходить в специальные магазины и "овощные рынки" ранним утром в воскресенье: купить самые свежие продукты и натуральное мясо. Но бедным не приходится выбирать. Я хотела остановиться в комбинированном магазине, где я могла бы купить все для приготовления мяса, а также бумажные тарелки, пластиковые ножи и вилки.

Это неприятное, удручающее здание в торговом центре, наполненное одним квадратным магазином за другим. Я нахожусь здесь всего несколько минут в окружении машин, фонарей, матерей с колясками, бизнесменов в костюмах и галстуках, и уже скучаю по Кенсингтону.

— Знаешь, — говорит Пит, пока я отстегиваю ремень безопасности и выхожу из

машины, доска Майкла все еще выглядывает из заднего окна. — На самом деле, раньше я никогда не был на задании.

— Тогда как вы это называете — когда ты и мальчики идете в город за едой?

Пит пожимает плечами, улыбаясь.

— Мы не называем это "заданием", — говорит он, положив руку мне на плечо, пока мы идем через парковку в сторону магазина.

— Ты не носишь обувь, — говорю я, толкая тележку по проходу. Если подумать, то я никогда не видела, чтобы Пит носил обувь. Даже не уверена, что у него есть хотя бы пара обуви. Интересно, а если это тот магазин, откуда его выгонят за то, что он босиком? Без обуви, без футболки, без работы. Но Пит так уверенно идет вниз и вверх по проходам, что я не могу представить, чтобы его кто-то заметил.

Я выбираю кукурузу и цуккини, стейки и курицу. Огромную бутылку соуса для барбекю. Я приказываю Питу положить в тележку полный мешок угля.

— Ты уверена, что ты знаешь, что делаешь, Венди?

Вместо ответа я ухмыляюсь. Я точно знаю, что я делаю. Даже после того, как мы загрузили все, что я хотела, в тележку, я продолжаю лениво блуждать по проходам.

Пит кладет руки мне на плечи, и я прислоняюсь к нему, наслаждаясь звучанием плохой песни, доносящейся из колонок магазина. Ветерок искусственно охлажденного воздуха проходит по моей голой ноге, все люди, которые мельком смотрят на нас, когда мы проходим мимо них, наверняка предполагают, что мы обычная пара подростков, загружающая свою тележку для вечеринки, люди, которые понятия не имеют, что это будет наша первая горячая еда за последние несколько недель. Я не спрашиваю Пита, как долго он, Белла и другие ребята не ели настоящую еду. Когда мы, наконец, становимся в очередь, Пит встает за мной, и я прижимаюсь к нему спиной. Кто бы знал, что поход в продуктовый магазин может быть таким романтичным.

Я расплачиваюсь горсткой наличных, которую я взяла из своего рюкзака перед тем, как мы покинули Кенси. Пит держит мою руку по пути к машине. Так как мы припарковались далеко, Пит говорит:

— Итак, Хью рассказал мне, что ты собираешься помочь ему получить его GED.

Я киваю, когда выезжаю на скоростное шоссе, включая поворотник, чтобы сменить полосу. Я всегда предпочитала оставаться в правой полосе, быть готовой в любое время съехать с дороги. Но сейчас я перестраиваюсь в середину, а затем левее, нажимая на газ.

— Он был в восторге от этого, — говорю я.

— Для чего ему нужен GED?

Я пожимаю плечами, смотря на дорогу.

— Ты никогда не узнаешь.

— Тебе не нужен диплом об окончании средней школы, чтобы жить, как мы. Это же не колледж.

— Конечно, нет, — говорю я. — Но если это то, чего он хочет, почему бы ему не получить это?

Пит не отвечает, и я перевожу взгляд на него. Ответ написан на его лице: с дипломом о среднем образовании Хью может получить настоящую работу и оставить Кенсингтон позади.

— Эй, — говорю я, снимая одну руку с руля и поместив ее на руку Пита. — Он не хочет уезжать, ты же знаешь. Он говорит, что вы его семья.

Пит кивает.

— Мы семья, — говорит он, беря мою руку в свою. — Ты теперь тоже часть нашей семьи.

Я киваю, вытаскивая руку и возвращая ее обратно на руль. Я никогда не была частью чего-то такого, как это.

После того, как мы с Питом заносим продукты в дом на скалах, я вываливаю угли в мангал и по отцовскому методу укладываю и поджигаю брикеты. Пока огонь разгорается, я готовлю еду. Пит наблюдает за мной, и я комментирую каждый шаг, чтобы с первого раза научить его этому. В этот раз я учу его, а не наоборот.

Вскоре, все смотрят, как я переворачиваю кукурузу и поливаю мясо соусом для барбекю. Можно подумать, они никогда раньше не видели, как кто-то готовит, а может, для некоторых из них так и есть, или, по крайней мере, они давно не видели этого.

Когда Мэтт и я, наконец, заносим еду в дом, я удивлена, увидев, что Пит расстелил на полу покрывало, разложил бумажные тарелки и пластиковые столовые приборы. Он даже положил салфетки для каждого. Я смотрю на него и улыбаюсь, занимая свое место на покрывале, а он садится напротив меня, на другом конце.

Так как все начинают жадно есть, я смотрю на Пита. Он ест аккуратно, почти деликатно, смакуя каждый кусочек. Моя собственная еда остывает, пока я смотрю на Пита и ребят, которые едят, но я не возражаю. Это слишком забавно — смотреть на них.

Даже Белла ест с энтузиазмом, соус для барбекю остался вокруг ее губ. Однако, в отличие от остальных, она не говорит мне, насколько вкусно и не благодарит за приготовленную еду.

Пит прав — мы семья, и на несколько минут, мне кажется, что мы с Питом на двадцать лет старше, чем есть на самом деле, что мы родители, а это — наши дети, сидящие вокруг покрывала. Это — наш дом, а эти ребята и Белла — наша семья. И сегодня вечером я чувствую, что сделала хорошую работу, заботясь о них.

Темнеет, когда Пит выводит меня через заднюю дверь к лестнице на пляж; полпути вниз и налево, на камни. Солнце давно село, но луна и звезды ярко отражаются в поверхности океана. Я точно знаю, куда Пит ведет меня — к той самой расщелине на скалах, где мы провели нашу первую ночь вместе. Я осторожно иду на цыпочках по камням, чтобы галька и песок не попали в мои сандалии. Пит резко останавливается и садится на плоский камень, который выглядит для всего мира так, словно кто-то построил его там только для его использования.

— Иди сюда, — говорит он, протягивая руку, чтобы вытащить меня на камень рядом с ним. Его рука холодная и сухая, и моя рука прекрасно вписывается в его, как будто мы были созданы, чтобы держаться за руки.

Фиона однажды сказала мне, что, когда она и Дэкс начали встречаться, им потребовалось время, чтобы привыкнуть к ходьбе рука об руку; потребовалось время, чтобы синхронизировать их ходьбу, чтобы руки с легкостью подходили друг другу.

— Сегодня вечером было здорово, — говорит Пит, его улыбка освещает темноту.

Я пожимаю плечами.

— Это был просто ужин. Ничего особенного.

Пит качает головой.

— Почему ты всегда недооцениваешь себя?

Я открываю рот, чтобы возразить, но не могу сказать и слова. Потому что правда в том, что это было большое дело, и я это знаю. Это заставило меня скучать по своим братьям, напомнило мне о семейных обедах, которые мы раньше устраивали, прежде чем они убежали.

— Венди, — тихо говорит Пит, — это удивительно, что ты знаешь, как делать что-то такое, как заботиться о себе.

— О чем ты говоришь? Ты заботился о себе... — Я останавливаюсь на полуслове. На самом деле, я не знаю, как долго Пит заботился о себе.

— Ты заботишься о себе, Белле и парнях.

— Да, но это другое. Ты действительно знаешь, как позаботиться о себе. А я просто пытаюсь понять, как мне двигаться дальше.

Для меня это звучит как большое достижение, но я не спорю.

— А еще ты — хороший человек. Я имею в виду, что ты трудилась всю свою жизнь, чтобы пойти в колледж, а теперь ты здесь, бросаешь все, чтобы найти своих братьев. Приезжаешь жить в незнакомое место с кучкой жалких людей, как мы.

— Вы не жалкие, — говорю я быстро.

Пит кивает.

— Может и нет. Может быть теперь, когда ты здесь...

— Я?

— Я не могу объяснить это. Ты приносишь... я не знаю... другую энергию в это место. Кенси как будто другой, когда ты здесь.

— Как это — другой?

Пит качает головой и не смотрит на меня, когда говорит.

— Другой — значит лучше, — мы молчим в течении нескольких секунд, а затем он

добавляет: — Я не знаю, Венди, мне просто очень нравится, что ты здесь.

— И мне нравится быть здесь, — говорю я, слова застревают в моем горле. — Я имею в виду здесь, с вами.

Мне кажется, что я знаю Пита всю свою жизнь, и все же я чувствую, что все то, что произошло со мной в последние несколько дней и недель — напоминания о том, что до сих пор было в моей жизни.

Пит улыбается.

— Ты довольно неплохо смотрелась там, — говорит он, указывая на воду.

— Я больше падаю, чем стою, — говорю я машинально. Я все еще провожу большинство дней, падая с доски, вместо того, чтобы стоять на ней. Но я продолжаю. Обычно, к концу дня, когда солнце начинает садиться, мне удается встать и взять, по крайней мере, одну волну на пути обратно к пляжу. Я не думаю, что я когда — либо чем — то так гордилась: ни поступлением в Стэнфорд, ни моими баллами SAT (прим. ред. — стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США), ни даже тем, что я, наконец, обучила Нану приказам сидеть и стоять.

Пит качает головой.

— Ну вот, — говорит он, двигаясь ближе ко мне: так грациозно и быстро по твердой земле, как будто он находится на воде. — Ты снова недооцениваешь себя.

Я могу почувствовать его дыхание на моем голом плече и дрожу от желания, заставляя себя не прислоняться к нему, или хотя бы потянуться, чтобы быть ближе к нему. Чувствую, что невозможно устоять, у меня нет сил — это как сила притяжения. Нет — говорю я себе твердо.

— Мне очень жаль, Венди, — говорит он, и это не похоже на те сожаления, что я слышала много месяцев назад.

Сначала они сожалели, что мои братья убежали, затем им было жаль, что они умерли. "Я сожалею о вашей потере", это то, что они говорили, и я думаю, что это был такой странный оборот речи. Как будто мои братья были просто потеряны, и я не знаю, где их найти. Теперь я думаю, что это намного ближе к правде, чем любой из тех доброжелателей мог предположить. Но сожаление Пита звучит по-другому. Оно утяжелено чем-то глубоким и тяжелым; я помню, как он сказал мне, что доска для серфинга должна быть моим светом, что я должна оставить неприятности позади, на пляже, прежде чем подойти к воде. Если бы Пит попытался взять волну сейчас, трудно себе представить, что было бы. Я не могла бы ему помочь, думая, что он упадет головой вперед, переворачиваясь в волнах.

— За что? — спрашиваю я.

Он молчит, прежде чем ответить, как будто пытается понять, что он имеет в виду. Наконец, он говорит:

— Мне не следовало целовать тебя в ту ночь, — он наклоняется так близко, что я чувствую тепло его кожи на своей.

— Белла и я... — он опять качает головой, глядя вниз, поэтому его кудри падают ему на лоб и на мое плечо. — Я люблю эту девушку. Действительно люблю. Я не могу выдержать мысли, что кто-либо навредит ей. Даже если этот кто-то я. Особенно, если это я.

Я киваю, как будто понимаю, но я смущена больше, чем когда-либо. Он говорит мне, что любит ее, сидя так близко ко мне?

— Но я не... я не был... может быть, я никогда не... ты знаешь, что я имею в виду?

— Нет, — говорю я честно. — Правда не знаю.

— Я люблю ее не так. Я не чувствую к ней этого. Знаешь, того, что я чувствую... чувствую к тебе.

Я выдыхаю — я и не знала, что все это время задерживала дыхание. А губы Пита нависают над моими прежде, чем моя грудь имеет возможность опустеть. Его руки обвиваются вокруг моей талии и притягивают меня ближе. Я позволяю себе лечь рядом с ним: камень теплый и мягкий, как роскошная кровать с атласными простынями. Звук океана заглушает дыхание Пита, тепло его прикосновения, тепло его кожи. Он медлит, прежде чем его губы приближаются к моим, как бы спрашивая моего разрешения. Я немного двигаю головой — это бесконечно мельчайший кивок.

И тогда он целует меня.

Музыка с одной из вечеринок Джеса дрейфует вниз от его дома, проносясь над нами. Низкий удар, как будто кто-то вдалеке стучит по огромному барабану. Ритм настолько глубокий, что я чувствую, как он вибрирует через скалы под нами. Вместе — Пит и я, смотрим на волны в лунном свете, как будто мы собираемся спать; ритм басов через скалы гудит так, что похоже, будто волны танцуют под музыку.

— Тебе когда-нибудь страшно там, на воде?

Пит качает головой.

— Нет.

— Но как же...

— Волны, которые удерживают меня? Скалы, которые могут вспороть меня? Акулы, которые съедят меня живьем?

— Да, — говорю я, закрывая глаза, и стараясь не думать о разбитых досках для серфинга, которые полиция оставила на нашем обеденном столе несколько месяцев назад.

Пит пожимает плечами.

— Это сложно объяснить. Не то, чтобы я не знал об этих вещах, не думал о них, но... я не знаю. Они просто не могут удержать меня вдали от океана. Я уважаю волны, скалы, акул. Ты знала, что акулы были на этой планете дольше, чем деревья?

Это кажется невозможным.

— Правда?

— Да. И океан, и скалы — они еще старше.

— Разве это не заставляет тебя чувствовать себя маленьким? В окружении всех этих древних опасностей?

Пит качает головой.

— Нет, — говорит он. — Это заставляет меня чувствовать...

Он делает паузу, как будто ищет слова.

— Некоторые из нас находят дом только тогда, когда находятся на воде. Некоторые из нас всегда ждут только того, чтобы взять следующую волну.

Я поворачиваюсь так, что Пит оказывается за моей спиной, положив руку на мою шею. Я не думаю, что когда-нибудь чувствовала себя так комфортно. Я закрываю глаза и позволяю прибору заполнять мои уши, словно это колыбельная. Мои глаза все еще закрыты, когда губы Пита находят мои еще раз.

Позже, когда Пит ведет меня обратно к дому на скалах, я смотрю на небо и загадываю желание на второй звезде, которую вижу.

Пит проскользнул в открытую заднюю дверь, не выпуская моей руки. Когда мы вошли внутрь, он притянул меня ближе для другого поцелуя и не отпускал, пока пятился к ступеням. Мое тело рядом с его, я встаю на цыпочки, чтобы прижаться ртом к его. Не думаю, что когда-то раньше стояла так близко к другому человеку. Вдруг, голос Беллы заполняет комнату:

— Вы ребята, конечно, вернулись поздно, — она сидит на диване в центре комнаты, ее глаза светятся в лунном свете.

Я почти падаю, но Пит надежно удерживает меня. Я еще не совсем осознаю, что лежит на ее коленях, когда вижу там свой блокнот.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, отодвигаясь от Пита, чтобы выхватить у нее тетрадь. Но Белла подпрыгивает с дивана и прыгает дальше от меня.

— Оу, мальчики! — кричит она, ее голос отражается эхом от пустых стен и голых полов. — Мне нужно вам что-то рассказать.

— Белла, что ты делаешь? — говорит тихо Пит, но Белла игнорирует его и продолжает кричать ребятам, чтобы они спустились.

Хью, Мэтт, и остальная компания Пита сонно спускаются вниз по лестнице.

— Что такое Белла? — говорит Хью. — Я спал как убитый.

— Думаю, вам нужно знать, что ваша девочка Венди, в самом деле, делает здесь.

— Белла, — резко говорит Пит. Его ореховые глаза стали зелеными от злости. Я в отчаянии перевожу взгляд с Пита на Беллу.

— Белла, пожалуйста, не надо, — прошу я, ненавижу свой голос за то, что он звучит так слабо.

Белла держит мой блокнот над головой, как своего рода трофеем.

— Она здесь не потому, что у нее проблемы с возвращением домой, и она пытается научиться серфингу. Она ищет своих братьев. Они сбежали несколько месяцев назад.

Я в отчаянии качаю головой, у меня в горле растет комок.

— Она делала заметки обо всех нас, — говорит Белла, открывая блокнот на странице, где я перечисляла все их имена и предполагала их возраст. Она начала читать страницу вслух, выплевывая одно имя за другим.

Хью взглянул на меня.

— Это правда?

Медленно, как будто моя голова весит тысячу фунтов, я киваю.

— Я приехала сюда, чтобы найти своих братьев. Джона и Майкла Дарлингов.

Выражение лица Хью меняется в одно мгновение: я сразу его узнаю. Он так же смотрел на Джеса, когда увидел его на пляже тем утром — как будто он смотрел на врага.

— К сожалению, Венди, — продолжила Белла, бросая мой блокнот на пол, — шутка вот в чем: Джон и Майкл уехали месяцы назад.

Мое сердце остановилось.

— Ты знаешь их?

Белла пожимает плечами, как будто это было не большим делом.

— Конечно, знаю. Мы все знаем. Пит выгнал их однажды, когда они начали наркоманить. Так что, тебе больше нет причин слоняться вокруг Кенси, Венди Дарлинг. Ты

можешь вернуться домой в Ньюпорт, к своей мягкой пушистой кровати, с твоими мягкими пушистыми подушками и возобновить свою мягкую пушистую жизнь.

Я потрясла головой, изо всех сил пытаюсь понять. Мои братья были наркоманами? Это о моих братьях говорил Мэтт той ночью, о двух парнях, выброшенных Питом в январе, которые отказались бросить наркоту?

Даже упрекая себя за пропущенный "ключ", я знала, почему не увидела этого. Мои братья были атлетами, сёрферами. Я никогда не могла предположить, что они могут интересоваться наркотиками. Им нужно было быть достаточно сильными, чтобы покорить следующую волну в любое время. О чем они думали, принимая что-то вроде этого?

В моем мозгу плавают слова, которые я выкрикну, когда найду их: сумасшедшие, дурные, глупые, нерадивые. Я думала о наших бедных родителях, оставшихся дома, оплакивавших моих братьев так, как будто они были мертвы. Что они скажут, когда узнают, что их сыновья сбежали не только ради серфинга, но и чтобы "ловить кайф"? Было как-то легче, когда я верила, что они покинули нас в поисках следующей большой волны, чтобы жить где-то, где никто не будет кричать им положить их доски и идти в школу, учиться до своих выпускных, смирно сидеть на выпускном их старшей сестры. Но оставить нас из-за наркотиков? Не думаю, что я когда — нибудь была так зла на них. Не тогда, когда мне было девять, и они решили подстричь меня, пока я спала. Не тогда, когда мне было пятнадцать, и они сломали мой компьютер, уничтожив работу по истории, над которой я работала месяцы, которую нужно было сдавать на следующий день. Даже не тогда, когда они отказались учить меня серфингу. Но вдруг мой гнев сдвигается, направляя себя на кого-то еще.

— Пит? — я медленно развернулась. Я все еще чувствовала тепло его прикосновений на моей коже.

— Я не лгал, — сказал он, опускаясь на диван. Даже при том, что мы все еще были окружены Беллой и мальчиками, ощущалось, что мы вдвоем единственные люди в комнате. — Не совсем.

— Не совсем? Так же как ты не совсем лгал о том, что у тебя есть девушка? Так же, как ты не совсем лгал о том, что вы крадете?

— Я сказал это, потому что не мог сказать тебе, где они. И это правда. Они ушли месяцы назад, и с тех пор я не видел и не слышал о них, клянусь.

Не смотря на то, что здесь было холодно, моя кожа была покрыта горячим, липким потом. Я даже не знала, что способна быть настолько сердитой.

— Я почти сказал тебе, вечером, на скалах...

— Ты почти сказал, но затем ты понял, что тогда будет меньше шансов, что я позволю тебе совать твой язык глубже в мое горло, как только обнаружу, что ты лгал мне о моих братьях, так зачем рисковать, так?

Белла и мальчики захихикали над этим, но я проигнорировала их. Внезапно, все места на моем теле, которых касался Пит всего несколько минут назад, показались мерзкими. Во рту был кислый привкус.

— Я говорила тебе, что ты хороший человек. Хороший друг, — сказала я горько. — Это не так.

Я протопала вверх по ступенькам, чтобы взять сумку, роясь внутри в поисках ключей от машины. Прежде чем выйти через парадную дверь, я схватила мой блокнот с пола, куда Белла бросила его, после того, как добилась своего.

Я приостановилась, глядя отчаянно на Беллу и мальчиков.

— Никто из вас не знает, куда они могли направиться, когда ушли? — спросила я. — Если они сказали что-то любому из вас, пожалуйста, пожалуйста, скажите мне. Жалею, что лгала вам, но все чего я хочу, это привести моих братьев домой, — я могла быть зла на Джона и Майкла, но я все еще хотела привести их домой. Я никогда не переставала хотеть найти их. Не важно, что они сделали или почему они ушли. — У них есть семья, которая любит их, — умоляла я. — Пожалуйста.

Хью даже не взглянул на меня. Мэтт только покачал головой и пошел к лестнице. Я устала на Беллу. Злоба в ее глазах была не больше, чем в моих.

— Они собирались направиться к Ведьминому дереву, — сказала она наконец, бросив взгляд на меня.

— Что за Ведьмино дерево?

Когда она снова взглянула на меня, она больше не выглядела злой. Если бы я не знала лучше, я могла бы подумать, что она смотрит на меня с сочувствием.

— Это волна выше по побережью, — говорит она мягко. Я думаю, что она собирается сказать больше, но вместо этого, она разворачивается на пятках и бежит вверх по ступеням, ее длинные светлые волосы скрывают ее лицо. Я сопротивлялась желанию поблагодарить ее, прежде чем услышала, что она захлопнула дверь своей спальни. В конце концов, она единственная, кто сказал что-то, что может помочь.

— Венди! — выкрикнул Пит, следуя за мной, когда я покидала дом и открывала дверь машины. — Пожалуйста, просто подожди. Дай мне время объяснить.

— Какие объяснения могут у тебя быть, Пит?

Я сунула сумку на пассажирское сиденье и забралась в машину. Доска для серфинга Майкла все еще была внутри; я ненавидела то, что бросаю доску Джона, но я не хотела возвращаться в этот дом.

— Я запаниковал, Венди, — говорил Пит. — Я просто хотел, чтобы ты осталась. И я думал, если ты узнаешь правду, что это я вышвырнул их, что это я был причиной того, что их нет здесь — я думал, ты возненавидишь меня.

— Так поэтому ты лгал мне, Пит? Потому что хотел нравиться мне? — я возилась с ключами, сжимая их так крепко, что было больно. — Думаю, это, может быть, самое жалкое оправдание, которое я когда либо слышала, — я потрясла головой, сложив наконец все кусочки пазлов вместе. — В тот день на пляже, в день, когда я вернулась сюда в поисках братьев. Я назвала тебя лжецом, и ты испугался. Ты думал, что я узнала, что ты лгал мне о моих братьях, так? Не о Белле.

Молчание Пита было ответом на мой вопрос. Кожа на его шее выглядела ярко — красной, как будто он покрылся сыпью — аллергия на свою собственную ложь.

Мои руки тряслись так сильно, что я вставила ключ в замок зажигания только с третьего раза.

— Ты была права насчет них, Венди, — сказал Пит. — Они были особенными. То, что они вытворяли на пляже...

— Не смей говорить со мной о них, — говорю я, нажимая на педаль газа. Я разворачиваю машину кругом на огромной круговой подъездной дорожке. Я выкрикиваю в окно: — Не смей никогда снова говорить со мной!

Я трюгаюсь с места, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида. Не хочу видеть выражение лица Пита. И не хочу, чтобы он видел выражение моего лица. Я не хочу, чтобы он видел, как я плачу не только потому, что он лжец, но и потому, что даже сейчас, в такой

злости, все еще есть часть меня — часть, которую я ненавижу, часть, которую я не понимаю, которая хочет остановить машину, выпрыгнуть и бежать в его объятия.

Я смахиваю слезы, выезжая по покрытой камышом дороге, которая ведет меня из Кенсингтона. Растения сгибаются под машиной, как будто я не раздавила их буквально несколько часов назад, когда ехала в противоположном направлении. Я должна была знать с того самого мгновения, когда Белла сказала мне, что они пара, о том, что ему нельзя доверять. Я должна была быть в состоянии видеть сквозь его ложь. Я отличница, хорошая дочь, я никогда не прогуляла ни одного занятия, даже в выпускном классе с сокращенным днем. Я никогда раньше в жизни не теряла цели.

Мне нужно было сдать экзамены по вождению, и я сделала это. Я хотела стать редактором школьного ежегодника, и я стала. Я хотела поступить в Стенфорд, и я поступила. Я хотела найти моих братьев, и я провалилась. Что за название для волны — «Ведмино дерево»? Кто знал, что даже волны имеют названия? Может, подразумевалось нажиться на этом, как на имени собственном. Своим внутренним взором я видела голое белое дерево, растущее на гребне волны — его ветви захватывают серферов как жадные руки и тянут их вниз. Где бы, черт возьми, не было это Ведмино дерево, туда я и должна была сейчас отправиться.

Но, как только дорога свернула с грязи к бетону, я нажала на тормоза. Прямо передо мной был дом Джеса; так близко, музыка была такой громкой, что я могла слышать только собственные мысли. Мои братья жили с Питом, но они были наркоманами. Они все еще занимались сёрфингом, или наркотики полностью завладели их жизнями? Я попыталась представить их тощими — мускулы, которые они качали годами сёрфинга, атрофировались, их кожа побледнела от постоянного времяпрепровождения за закрытой дверью.

Это единственное место в Кенсингтоне, где они могли взять наркотики. Единственный человек, который мог ответить на мои вопросы.

Вместо того, чтобы повернуть направо и покинуть Кенсингтон, я переносу свою ногу с тормоза на газ и направляюсь прямо к подъездной дорожке Джеса, чуть не ударившись об одну из машин, которые уже здесь.

— И куда это, думаешь, ты собираешься, маленькая леди?

Я в удивлении поднимаю брови на тщедушного вида парнишку, стоящего у двери Джеса.

— Не думаешь, что ты слишком молод, чтобы использовать термины вроде "маленькая леди"? — спрашиваю я, подстегиваемая гневом.

Он медленно улыбается, как будто у него есть все время мира.

— Возраст не что иное, как число, сестренка, — говорит он, и я содрагаюсь от слова "сестренка".

— Мне нужно поговорить с Джесом, — говорю я наконец. — Мне нужно всего несколько минут, — добавила я, когда он начал трясти головой.

— Ты можешь получить все время, которое тебе нужно, — говорит он, и я потянулась к дверной ручке, но он заблокировал мне путь.

— Только сначала ты должна внести плату за вход.

— Послушай, мне просто нужно поговорить с Джесом. Я здесь не для вечеринки.

— Все здесь для вечеринки, — ответил парнишка и, как волшебник, вытянул маленькую белую таблетку из воздуха, держа ее на ладони, прямо под моим подбородком. — Либо ты на вечеринку, либо ты не попадешь внутрь.

— Что это?

— Если ты не знаешь, что это, малышка, тогда ты в неправильном месте.

— Нет, — трясую головой. — Мне нужно увидеть Джеса.

— Ну, тогда ты знаешь, что нужно делать, — усмехнулся он.

Я глянула вниз, на землю, заметив, что его ноги босые. Я заинтересовалась, был ли он серфером, прежде чем попал в мир Джеса; интересно, были ли его ноги грубыми и мозолистыми от бега босиком по горячему песку.

Я смотрю на таблетку в его руке. Она вообще ни на что не похожа. Это могло быть что угодно: ибупрофен или противоотёчное средство. Нет ничего, что бы делало ее на вид опаснее, чем что-либо в нашей аптечке дома. Это всего лишь одна таблетка, только на одну ночь. Я никогда не слышала о препарате, к которому ты можешь пристраститься с одного приема. Не то, чтобы я вообще много слышала о наркотиках. Конечно, я была на одной или двух вечеринках, где кое-кто покуривал травку, и я научилась распознавать запах по смешкам Фионы и глупым шуточкам Дэкса насчет запаха скунса в воздухе. Я никогда в жизни не была пьяна по-настоящему. Я потягивала пиво, которое мальчики вручали мне годами, но мне просто недостаточно нравился вкус, чтобы много пить. Я всегда думала, что еще успею с этим.

Я никогда не собиралась превращаться в паиньку. Точно не уверена, когда это произошло. Сейчас это казалось неактуальным, потому что эта маленькая таблетка — цена за вход, и я собираюсь попасть внутрь. Я не уеду из Кенсингтона, не поговорив с Джесом, в этом я уверена.

— Прекрасно, — говорю я, хватая таблетку у него с руки, которая, я не могла не заметить, была горячей и липкой.

— Порядок, — сказал парнишка, ухмыляясь. Он в самом деле казался горд тем, что сделал свою работу. — Давай "подсадим" тебя.

— У тебя есть вода? — спрашиваю я, поднося таблетку ко рту.

— Нет. В любом случае, "вставит" быстрее, если ты разжуешь ее.

Я кусаю ее, и меня почти тошнит.

— Вкус как у дерьма, — говорю я, в то время как горький вкус наполняет мой рот; таблетка меловая и плотная, застревающая между зубами. Может быть, поэтому она зовется пылью, так как буквально покрывает твой рот.

— Запомни этот вкус до следующего раза. Так ты поймешь, что получила настоящий продукт.

Я качаю головой:

— Следующего раза не будет.

Мальчишка смеется.

— Я слышал это раньше, — говорит он, его голос переходит в пение, когда парень, наконец-то, открывает передо мной дверь. — Только помни, — добавляет он, когда я вхожу внутрь дома. — Лишь первый раз бесплатно.

Несмотря на то, что дом Джеса был зеркальным отражением дома Пита, это место не было похоже ни на одно из тех, где я была прежде. Начиная с запаха. Это как физическая атака: соленая вода и песок, дым и ликер, пот и кожа, все застарелое, смешанное вместе во что-то совсем другое, что-то горячее, темное и подавляющее. Попытка сделать глубокий вдох только делает все это хуже.

Раздвижные двери, ведущие на задний двор, широко открыты; двор залит светом, как

будто он в огне. Проектора, понимаю я. Там, позади бассейна, Ди-Джей крутит запись; у него машины для световых эффектов и пуска дыма. Он, должно быть, использует генератор. У Джеса, скорее всего, все это место работает на генераторах, как будто мы выжившие в каком-то стихийном бедствии.

Отсюда мне видно бассейн, наполненный водой небесно — голубого цвета — ярче и голубее, чем вода, обрушивающаяся на пляж внизу. Люди плавают в бассейне полностью одетые, в купальниках, кое — кто даже голышом. Они танцуют, занимаются любовью, смеются. Запах, мерцающие огни, пульсирующая музыка — они переполняют меня так, что все, чего я хочу, это сбежать — обратно к скалам, обратно к Питу, где я была только с океаном и нашим дыханием. Это место — сумасшедший дом. Не удивительно, что цена за вход — наркотики. Что-нибудь, чтобы заставить стихнуть звуки, чтобы принести немного мира в это биение, такое устойчивое и безжалостное, как пульс.

Я пытаюсь представить себе моих братьев, прогуливающихся на одной из этих вечеринок. Может быть, как и я, они пришли сюда не в поисках кайфа. Может быть, как и я, они были вынуждены принять таблетки, чтобы проникнуть внутрь. Может быть, как и я, они не собирались принимать наркотики во второй раз. Может быть, они хотели только узнать, из-за чего вся эта суета.

Я иду сквозь толпу в самый конец двора, протискиваясь между горячими телами и холодным потом, наступая на сигареты, которые все еще тлеют в сухой траве — ждущие, чтобы случился пожар, обходя лужи липкого алкоголя из стаканов, которые были брошены и забыты на земле. Может, я смогу выбраться отсюда прежде, чем наркотики "вставят". Я держусь края, делая огромный круг вокруг вечеринки, пока не замечаю его. Методика, вроде этой, усвоена от учителей. Найти Джеса и получить "Пять". А я всегда получаю "Пятерки".

Я держу руки в карманах. Никогда не была хороша в вечеринках. Никогда не хотела идти на танцпол или вливать в себя пару рюмок дешевой водки. Однажды, на вечеринке на пляже прошлой осенью, я вылила пиво из моей банки, когда мой приятель (с которым у меня было свидание) не смотрел, только для того, чтобы попросить его взять мне еще банку, а затем еще и еще. К концу вечера он думал, что я выпила больше него, и не мог перестать говорить о том, как высока должна быть моя толерантность. Когда я рассказала Фióне, она подумала, что это было весело. Дэкс думал, что было стыдно впустую потратить все это пиво.

Трудно разглядеть лица между вспышками цветомузыки. Я ахаю, когда кто-то спотыкается, падая в бассейн, но он всплывает, смеясь, даже несмотря на то, что его губы кровоточат. Это именно то, что делает "пыль"? Я трясусь головой, и когда я это делаю, огни прожекторов, кажется, ускользают из поля моего зрения. Я полагаю, что вскоре разберусь со всем этим.

Мой круг наполовину завершен, я останавливаюсь рядом с пультом Ди-Джея, не смотря на то, что здесь музыка настолько громкая, что мне не слышно даже собственных мыслей. Я становлюсь на цыпочки, вытягиваю шею, чтобы видеть поверх тел, подпрыгивающих вверх и вниз вместе с музыкой. Мальчик без рубашки, переносящий скейтборд, выглядит как Майкл сзади, но затем он поворачивается, и я вижу его глаза — темные, грязно-коричневые — не такие, как у моих братьев. Я слышу смех, звучащий как смех Джона, но я никогда в жизни не смогу найти человека, от которого он исходит. Внезапно, музыка останавливается — перерыв между песнями, которого даже худшие Ди-Джеи знают, как избежать.

Но я благодарна за тишину; за то, что тела прекратили танцевать; за неподвижность,

позволившую мне оглядеться вокруг. Там, прямо напротив меня, в стороне от вечеринки — Джес, прислонившийся к стене дома. Он удивленно поднимает брови, когда видит меня, глазающую на него, и я немедленно опускаю взгляд, глядя на его обувь — ботинки, выглядывающие из-под темных облегающих джинсов, выделяются на фоне моря шлепанцев, сандалий и босых ног. Музыка начинается снова — громче, чем прежде. Когда я поднимаю взгляд, Джес уже исчез. Дерьмо.

— Вау, — говорю я, и слово чувствуется липким во рту, как будто я только что проглотила полную ложку сиропа. — Вау, — говорю я снова, медленнее на этот раз, припоминая, что мальчишка у дверей сказал мне: возьми все время, которое тебе нужно.

Все время, которое мне нужно для чего?

Чтобы найти Джеса, точно. Я улыбаюсь. Подождите, я все время улыбаюсь. Я улыбаюсь так широко, что у меня болит челюсть, но потом это перестает быть болью. Это сладкая боль. Я прижимаю руки к щекам — мягким, как шелк. Мягким, как поцелуй.

Даже мои зубы ощущаются, как атлас.

Я трясу головой.

Я ищу Джеса. Я ищу Джеса. Я ищу Джеса.

— Не нужно кричать, сладкая, — говорит кто-то. Я смотрю вверх и вижу мальчика, одетого в футболку и пляжные шорты, как почти каждый здесь. У него бутылка пива в одной руке, второй рукой он обвивает талию одетой в бикини девушки. Я даже не осознавала, что кричала. Я даже не осознавала, что говорила вслух.

— Он прямо вон там.

— Где? — спрашиваю я, глядя в указанном им направлении.

Там снова те же голубые глаза, такие яркие даже в темноте. Мне интересно, на что это будет похоже — стать ближе к этим голубым глазам. Будет ли это также тепло, как стоять рядом с огнем, или также холодно, как стоять рядом с огромной глыбой льда?

Джес прямо там, где я видела его, прислонившийся к стене. Может быть, он и вовсе не уходил. Медленно, стараюсь не моргать — не хочу снова потерять его из вида — я начала пробираться через двор к Джесу.

Ногами чувствую неровности на верху деревянного крыльца — подождите, когда это я успела снять обувь? — а затем я чувствую, будто невесома, будто гравитация совсем перестала существовать, и нет ничего — нет вещей, привязывающих меня к земле; и я плыву к прекрасному мальчику в темных джинсах и черных ботинках.

Но если здесь нет притяжения, то не должно быть и никаких волн, но даже с музыкой, стучащей в моих ушах, я все еще могу слышать волны, разбивающиеся о пляж внизу.

— Где мои братья? — выкрикиваю я, и голубые глаза Джеса сужаются в замешательстве. Я говорю это снова. Я произношу их имена. Я говорю — «Ведьминское дерево». Или, может быть, я не говорю ничего. Не чувствуется, чтобы мой рот шевелился. Я пытаюсь снова: братья, Джон и Майкл, «Ведьино дерево». Но выражение лица Джеса не меняется, не двигается даже в малейшем намеке на узнавание. Вместо этого он добирается до меня.

— Венди, как много ты приняла, милая? — он притягивает меня ближе, и его руки, такие холодные рядом с моей кожей, освежающие, как дождь.

Я позволяю себе прислониться к нему — моя спина рядом с его грудью. Я закрываю глаза; кажется, будто Джес собирается позаботиться обо мне, обернувшись вокруг меня, как одеяло. Он вкусно пахнет — как прилив, соль и пиво.

— Не волнуйся, скоро это пройдет, — шепчет он слова в волосы на моем затылке. Его дыхание мягкое, прохладное и успокаивающее, а его голос глубокий.

Откуда он знает мое имя? Я никогда не говорила ему этого. Подождите, точно, Белла сказала ему мое имя. Белла, которая знала моих братьев; знала, что они были наркоманами. И Джес снабжает наркоманов.

— Нет, — говорю я, качая головой и отстраняюсь от него, несмотря на то, что в мгновение, когда мое тело отделяется от его, я скучаю по его прикосновениям. Что за хрень в этих наркотиках, что они заставляют меня хотеть быть ближе к человеку, который продавал "пыль" моим братьям?

— Нет, — повторяю я, более уверенно на этот раз. Я снова говорю слова: братья, Джон и Майкл, «Ведьино дерево». Но в этот раз, когда Джес достигает меня, я умудряюсь увернуться от него. Я могу чувствовать, как мое лицо падает, крошась — как будто оно сделано из бумаги, и кто-то льет воду на него.

Не вода. Слезы. Я плачу. Но слезы ощущаются такими прекрасными на моей коже, что скоро я рыдаю как дитя.

— Ты не можешь поймать меня! — кричу я, ликуя, как маленький ребенок, играющий в салки. Но затем я спотыкаюсь, сильно ударяясь о землю.

Джес подходит ближе, озабоченно хмуря брови, но я хочу сказать ему, что все в порядке. Падение не причинило боли. Даже гравий под моей щекой ощущается приятным. Я ощущаю что-то, что сначала не могу распознать.

Кровь. Я, должно быть, укусила себя. На вкус это ощущается так же хорошо, как шоколадный торт. Я встаю; это ощущается, словно я отскакиваю от земли. Джес приближается ко мне снова; я думаю, что, может быть, он хочет поймать меня, но уже мчусь прочь. Он снова догоняет меня, хватая за руки. Мышцы на руках восхитительно болят от всей той гребли, что я проделала сегодня после обеда. Разве это было сегодня после обеда? Кажется, как будто миллион лет назад.

Для меня больше нет причин оставаться здесь с Джесом. Он даже не понимает, о чем я говорю; даже не знает имен моих братьев. Но я больше не хочу уходить. Не тогда, когда все здесь ощущается таким классным.

Я уже не во дворе. Меня нет нигде. Или, может быть, я везде. Моя кожа всегда была такая мягкая? Я сижу на ступенях. Но плитка здесь не прохладная, как пол в доме Пита или в стеклянном доме на холме. Эти плиты мягкие, удобные и такие горячие, что мне кажется, будто они в огне.

Огонь такой красивый. Действительно, он делает такие же волны, как и океан. Я не одна. Кто-то удерживает меня за талию и тянет вверх, вверх, вверх по ступеням.

Ковер. Эти ступени покрыты ковром.

— Все будет в порядке, Венди, — говорит Джес, его голос глубокий и мягкий. Он так близко, что я все еще чувствую его запах.

Подождите, здесь тихо. Очень тихо. Здесь нет музыки, нет вечеринки. В доме, наполненном светом, через окно ярко светит солнце. Сейчас день. Должно быть, вечеринка закончилась несколько часов назад. Но не для меня. Я чувствую спиной танцующий солнечный свет, под ногами — мягкий и теплый ковер. Забавно, что в доме Джеса ковровое покрытие. В домах у пляжа обычно пустые полы. Ковры могут испортиться от песка или, еще проще, от соли.

Джес смеется:

— Эти новые таблетки останутся с тобой надолго.

Я отрицательно качаю головой. Что он имеет в виду, под "этими новыми таблетками"? О, точно, пыль. По какой-то причине это кажется безумно смешным, и я начинаю смеяться так сильно, что думаю о том, что никогда не остановлюсь; так сильно, что чувствую, как мышцы живота содрогаются от усилий, пытаюсь сделать следующий вдох, но я не могу остановиться.

Венди Дарлинг не из тех девушек, кто принимает наркотики. Венди Дарлинг даже не нарушает комендантский час. Но нет больше никакого комендантского часа, не там, где я живу сейчас, не с Питом в доме на скалах. В доме Пита они могут остаться на пляже на всю ночь, просто чтобы утром, прежде всего, убедиться в том, что они здесь, когда волны достигнут пика.

Я отрицательно качаю головой. Я больше не живу в доме на скалах. Мне жить здесь, с Джесом? Нет. Джес плохой. Мне не нравится Джес.

— Ты мне не нравишься, — в моем голосе все еще слышен смех. — Это все твоя вина.

Мои слова, должно быть, удивили его, потому что он выпускает мою руку, и следующее, что я знаю — я бегу, убегаю от него. Из его дома вниз к старой, деревянной, грязной и покрытой песком лестнице. Затем я чувствую песок под ногами. Я на пляже. Солнце светит желтым, красным и розовым мне в спину — подождите, это закат, а не рассвет. Когда это произошло? Весь пляж для меня, и я кружусь, кружусь, танцуя под музыку, которую слышу только я.

Но потом он снова рядом, танцует вместе со мной.

Почему он пошел за мной? Почему не выпускает из поля своего зрения?

— Пожалуйста, Венди, возвращайся в дом, — он говорит это так вежливо, так мягко, с такой улыбкой, играющей по краям его губ, что я соглашаюсь и позволяю ему вести меня обратно наверх, через скалы. От океана поднимается прохладный ветерок, следуя за нами к дому Джеса и заставляя меня дрожать. Интересно, как долго мы танцевали на пляже и

сколько времени провели вместе.

Стоп, я ведь и раньше была с Джесом на пляже.

— Что ты имел в виду, когда сказал, что я выглядела по-другому?

— О чем ты говоришь, милая?

— На пляже. Ты говорил о жителях Кенсингтона и соглашался со мной.

Зубы Джеса такие белые, когда он улыбается — я уверена, что он отпугивает акул.

— Я имел в виду, что ты выглядела красивой, Венди.

Я смеюсь. Какое забавное слово.

— Краа-сиии-ваая! — кричу я, каждый слог заставляет меня смеяться сильнее.

Я в кровати. Это самая мягкая кровать во всем мире, она даже мягче, чем кровать в доме на Брэнтвэй. Я снова начинаю смеяться: я действительно помогала грабить дом? Простыни в этой кровати из хлопка, но они шелковистые, как атлас, и подушки такие пушистые под моей головой. В комнате темно, но мои глаза широко открыты.

Внезапно у меня появилась жажда, такая, какой еще не было никогда в жизни. Я открываю рот, чтобы попросить воды, но в горле слишком пересохло, и я не могу сказать ни слова. Но потом я поворачиваюсь; большой стакан воды стоит на полу возле кровати, ожидая меня.

Сажусь рядом со стаканом — он все еще здесь. Пополнив мой стакан, предлагая мне кофе и чай, печенье и фруктовое мороженое. О Боже, сейчас мороженое такое вкусное. Откуда он это знает?

Ну, конечно, он знает. Он точно знает, что нужно человеку после пыли. Что напоминает мне, почему, в первую очередь, я приехала к нему.

Почему, в первую очередь, я взяла этот наркотик. Открываю рот, чтобы задать вопрос, но вместо того, чтобы говорить, я кашляю. Он протягивает мне еще один стакан воды, такой холодной, такой вкусной, что я удивляюсь: почему я, в первую очередь, трачу время впустую, вместо того, чтобы пить ничего, кроме воды.

Я сижу. Я стою. Я кричу, вопрос за вопросом, и клянусь, что могу видеть, как мои слова поражают Джеса, словно пули, скользящие по его телу, как чернила.

Я роняю пустой бокал на пол и падаю на кровать. Его рука тянется ко мне, убирая волосы с лица. Я воркую, как ребенок. Его прикосновения такие приятные. Он роняет руку и скатывается на пол, пятясь от кровати, оставляя расстояние между нами. Но он остается там, где я могу его видеть, исчезая лишь для того, чтобы принести мне воды, мороженого на палочке со вкусом апельсина или тарелку, заваленную крекерами и печеньем.

Почему он до сих пор со мной? Почему заботится?

Я проснулась на земле.

Я не должна быть здесь. Я должна проводить это лето дома, с родителями, покупая полотенца и подушки, чтобы взять с собой в Стэнфорд осенью. Я должна быть на пляже с Фионой, намазываться толстым слоем солнцезащитного крема, пока она брызгается маслом для загара, наблюдать с расстояния пока она и Дэкс брызгаются друг с другом в волнах.

— Все это неправильно, — говорю я вслух, и мое горло как будто горит. Я глотаю и съеживаюсь от кислого вкуса во рту.

Кто-то хватает меня. Я поворачиваюсь в сторону шума, ожидая увидеть Джеса, но вместо него я вижу лицо Фионы и слышу, как голос Фионы произносит:

— Боже мой, Венди, что с тобой случилось?

Даже если она стоит прямо рядом со мной, это звучит так, как будто она в милях от меня. Она повторяет свой вопрос, на этот раз громче. Она в пижаме, ее глаза по-прежнему мутные от сна. Я, должно быть, разбудила ее. Аромат эвкалипта подсказывает мне, о том, где я нахожусь. Я сижу на крыльце Фионы; мои пальцы по-прежнему нажимают на ее дверной звонок. Я роняю руку на колени. Меня колотит. Как я сюда попала?

Закрываю глаза, готовая вспомнить все, что произошло со мной за последние несколько дней. Помню поцелуй Пита на скале. Я думала, что никогда себя не чувствовала так хорошо, как во время этого поцелуя — я не о чем не думала. Но мгновенно я вспоминаю вечеринку Джеса. Даже поцелуй Пита не чувствовался таким хорошим, как падение вниз, когда я была под пылью.

Я пошла на вечеринку, чтобы найти ответы о моих братьев. Я даже не помню, спрашивала ли Джеса о них? Не знаю. Интересно, что с ними случилось: что, если они просто забыли вернуться домой, после того как приняли наркотики, что, если забыли о том, что я с родителями ждали, пока они вернуться в наш стеклянный дом?

Я помню спуск вниз на пляж, волны, разбивающиеся в идеальном ритме: одна против другой — рай для серфера. Помню еще чью-то тень рядом со мной. Помню обращение Пита и обнаружение Джеса.

Я позволяю Фионе поднять меня с земли и отвести в ее дом. Мой автомобиль припаркован на подъездной дорожке рядом с нами, но я не понимаю, как могла приехать сюда в таком состоянии.

Я, наверное, никогда не перестану плакать. Иногда это переходит в удушающие, губительные рыдания, а иногда это безмолвные слезы, текущие по моему лицу и наполняющие горло вкусом соленой воды. Я плачу до тех пор, пока не думаю, что почти не осталось никакой воды во мне для слез, и тогда плачу еще сильнее.

Мама Фионы стоит на пороге. На ней халат.

— Венди? — спрашивает она, как если она не уверена, что это правда я. — Что ты здесь делаешь? — она смотрит на меня и Фиону, десяток вопросов только и ждут, чтобы быть заданными.

Но, прежде чем она задаст хотя бы один, я спрашиваю:

— Сколько времени?

— Шесть часов утра, — ответила она.

— Точно?

Она едва взглянула на часы позади нее.

— Шесть — ноль семь, — говорит она.

На самом деле, я на секунду перестаю плакать. Это такое хорошее чувство, знать точно, сколько сейчас время. Фиона шепчет, что мне следует идти к ней в комнату. Даже в своем ужасном состоянии, я точно знаю, как пройти от парадной двери к комнате Фионы; помню бесчисленные годы ночевки, как сильно Фиона ненавидит, когда просыпаются рано утром.

Я лезу в ее кровать, ее розовые простыни знакомы мне как собственные. Я морщу нос, потому что я не узнаю того запаха здесь. Что-то новое, смешанное с шампунем Фионы и причудливым моющим средством, которым пользуется ее домработница.

Это Дэкс, начинаю понимать я. Запах Дэкса повсюду.

Я устраиваюсь поудобнее и забираюсь глубже под покрывало, позволяя себе впитать ее запах и Дэкса тоже, оставляя запахи Кенсингтона, пляжа, Пита и Джеса.

— Венди, — говорит Фиона медленно, — я звоню твоим родителям.

— Нет, — удается мне выдавить между рыданиями. — Подожди.

Я действительно не знаю, почему так плачу. Я никогда не была большой скандалисткой. Может эти слезы просто химическая реакция, погружение в мой нейротрансмиттер (*прим. пер. — химический передатчик импульсов между нервными клетками*) от этого наркотика. Он все еще проходит свой путь через мою систему как змей.

— Я солгала тебе, — говорю я осторожно, стараясь сохранить свой голос ровным. — Я не была все это время в гостинице, тоскуя.

Фиона, кажется, разочаровалась во мне.

— Где ты была? — спрашивает она осторожно.

— Я искала братьев, — говорю я, и тогда меня прорывает.

Я рассказываю ей все: про пляж Кенсингтон, про волны, которые льются с точностью часового механизма, и про песок такой мягкий как мука. Я рассказываю ей о Джесе и о том, как уснула, о братьях, которых выгнали и которые остались для серфинга у Ведьминого дерева, о скалах и кафеле в доме, который никогда не пачкался. Я даже рассказываю ей о вечеринке и наркотиках настолько мощных, что они вызвали легкое кровотечение и удовольствие от боли. Я рассказываю все.

Все, кроме Пита. Я не решаюсь оставлять его, не совсем так. Но, когда я рассказываю историю, я просто не упоминаю о нем. Может быть, я все еще сбита с толку, потому что влюбилась в него, когда мне только нужны были ответы.

Пока я говорю, Фиона держит меня за руку, а иногда останавливается, чтобы обнять меня. Она кивает, и ее глаза расширяются, когда нужно, в них даже появляются слезы, когда я говорю, что мои братья подсели на наркотики.

В конце я говорю:

— Я знаю, это звучит безумно. Знаю, что должна выглядеть сумасшедшей.

Фиона дружественно качает головой.

— Нет, — говорит она. — Все это имеет смысл.

Я так благодарна за ее понимание, что снова начинаю плакать, и Фиона притягивает меня в свои объятия.

— Тебе нужно немножко отдохнуть, — говорит она успокаивающе. — Приляг. Поспи.

— Мне нужно немного отдохнуть, — эхом повторяю я, вспоминая, что вытворяла всю ночь. Фиона укрывает меня одеялом, как маленького ребенка, и осторожно закрывает за собой дверь.

Прежде чем она закрывается, она произносит:

— Все будет хорошо.

Я закрываю глаза и охотно засыпаю.

Я просыпаюсь от чьего-то шепота.

Я не знаю с кем Фиона горворит, но кто бы это ни был, она рассказывает мою историю: рассказывает им о пляже Кенсингтон, о "пыли" и о моих братьях. Я встаю и открываю дверь.

Фиона и мои родители стоят в коридоре.

— Мама, папа, — говорю я, и они резко смотрят на меня, с сожалением, почти виновато, как будто они делали что-то за моей спиной. Я стараюсь игнорировать пульсирующую головную боль.

— Мне жаль, что я не рассказала вам сразу. Я думала, что смогу справиться сама. Я была не права. Вы позвоните в полицию? Скажите им, чтобы они возобновили дело? Чтобы они направились к "Ведьминому дереву", и где это находится? — я стараюсь улыбаться, но мои родители выглядят настолько опустошёнными, что это невозможно.

— Венди, — говорит отец мягко. — Твои братья...

— Я знаю, я знаю. Они наркоманы. Это плохо. Но...

— Нет, — говорит он твердо. — Нет.

— Я не хочу верить в это, снова.

— Венди. Твои братья мертвы.

Я качаю головой, они не понимают.

— Венди. Твои братья умерли несколько месяцев назад. Они нашли их доски на побережье, уничтоженными.

Я смотрю на Фиону, отчаянно запутавшись.

— Я думала, ты рассказала им...

— Я рассказала, Венди, я рассказала.

— Но тогда...

— Венди...

Я качаю головой:

— Ты не веришь мне?

— Венди, как я и сказала, это имеет смысл. Мы даже звонили горе — консультанту и она согласилась. Ты так помешана на потере своих братьев, что твой мозг построил эти, эти...

Она ищет слова. Где-то в этом доме, я знаю, есть лист бумаги с нацарапанными примечаниями, которые они сделали во время беседы с консультантом.

Наконец, она говорит:

— Это альтернативная реальность, чтобы защитить себя от того, что произошло на самом деле.

— Я знаю, что на самом деле произошло, — говорю я. Моя голова пульсирует так сильно, что, я могла бы танцевать в такт этого ритма.

— Ты говорила, что принимала наркотики, — говорит моя мама тонкими губами. — Это все вид какой-то психической болезни.

— Это то, что ты им сказала? — спрашиваю я, поворачиваясь к Фионе. — Просто потому, что я уехала на несколько недель?

Фиона отрицательно качает головой.

— Это началось до того, как ты уехала. У костра, в ночь, когда мы выпустились. Даже

Дэкс думал, что ты ведешь себя странно...

— Ну, уж если Декс так думал, это должно быть правдой. Он ведь так хорошо знает меня.

Фиона кусает губу и смотрит на свои ноги. Я поворачиваюсь лицом к маме.

— Мама ты должна выслушать меня...

Она качает головой.

— Мы едем домой.

Я открываю рот, чтобы протестовать, настаивать, умолять. Но моя мама выглядит такой беспомощной, такой разбитой, такой опустошенной, что вместо этого я просто киваю и иду с родителями за дверь. Я даже позволяю Фионе обнять меня на прощание, в то время как то, что я действительно хочу сделать, так это накричать на нее, может быть, даже ударить ее за то, что она не верит мне, за то, что предает меня.

Нана ждет у двери, но она не бежит ко мне, как она обычно делает, когда я прихожу домой.

Вместо этого, она пятится от меня, настороженно, словно она не признает меня. Как будто я — незнакомка. Я начинаю плакать заново.

— Я знаю, милая, — говорит отец, подойдя сзади и положив руку мне на плечо. — Я знаю.

Мама вытаскивает мою сумку из машины — я даже не помню, брала ли ее из дома Пита, очевидно, да — расстегивает ее на кухонном столе и начинает осматривать ее, как будто ищет предмет контрабанды. Это занимает секунду, чтобы понять, что она ищет наркотики.

— Мам, там нет ничего плохого. Только одежда и немного наличных денег.

Она даже не смотрит на меня, только обыскивает мою сумку.

— Почему бы тебе не пойти в свою комнату, милая? — говорит отец в конце.

— Я наказана?

— Конечно, нет.

— Тогда почему ты отправляешь меня в свою комнату?

Он вздыхает:

— Потому что они сказали нам, что делать. Что-то о восстановлении влияния.

Я качаю головой. Интересно, что если бы родители не узнали о том, что я ушла, если бы не вернулась бы в таком состоянии как сейчас. Если бы я не сделала вывод, я думаю, крошечная часть меня была бы рада, что они внимательно слушают. Даже если они не правы — обо мне, о братьях, о Кенсингтоне — они, кажется, начали выходить из тумана, в котором жили последние девять месяцев.

— Кто вам сказал это делать?

— Люди в центре.

— Что за люди?

— Это для людей с проблемами как у тебя.

Ни у кого нет такой проблемы, как у меня — думаю я, но молчу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он продолжает:

— Предположительно, лучшие в стране. Они признают тебя, как только ты откроешься. Как только откроешься.

Он не дает мне никакого объяснения — будут это дни, недели, месяцы? Мне по-

прежнему разрешено начать учебу в колледже в сентябре? Я хочу спросить, но чувствую, как пульс стучит в висках и уверена, что если открою рот, ничего кроме рыданий оттуда не выйдет.

Я прошу Нану идти со мной в комнату, но, даже оказавшись внутри, она держится на расстоянии от меня. Не могу сказать, что виню ее. Я мельком увидела свое отражение в зеркале: я не похожа на себя. Не могу точно сказать, что во мне изменилось; мои волосы того же цвета, глаза той же формы. Кожа загорела, я полагаю. Есть кое-что еще, нечто более глубокое, что изменилось. Я по-прежнему похожа на себя, но не как раньше. Как в возрасте десяти лет на несколько дней.

Или, может быть, это просто потому, что я так много плакала, мое лицо стало пустым, сухим и соленым, как пустыня.

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем боль пришла. Что-то помимо головной боли и пролитых слёз, боль где-то глубоко в груди, которая исходит из центра к моим суставам так, что я не могу повернуть шею или сжать карандаш. Я хочу закричать, но мне не хочется заставлять Нану бояться меня больше, чем она уже боится. И мне также не хочется, чтобы родители прибежали. Как может быть так больно? Я приняла наркотики только один раз. Неудивительно, что мои братья вернулись к Джесу и попросили еще. Неудивительно, что Пит не смог убедить моих братьев остановиться.

Вдруг, я чувствую умопомрачительный холод, зубы начали стучать. Это то, что люди имеют в виду, когда говорят, что у них течет холодная кровь. Это холод, который исходит изнутри, словно мои кости превращаются в лед. Я ныряю под одеяло; животное в спячке на всю холодную зиму. Но мой сон прерывистый и, когда я вижу сны, это всегда Кенсингтон. Я вижу Беллу в воде, летящую над волной как будто у нее есть крылья — иногда у нее действительно появляются крылья — и вскоре я не помню, видела ли ее серфинг или это просто приснилось. Она такая крошечная, в конце концов; конечно, если бы она занималась серфингом, океан бы полностью ее поглотил. Как они говорят о моих братьях. Мне это снится или я просто вспоминаю? Как сидя на руле велосипеда, еду вниз по склону холма, проскальзывая в дверь особняка. Должно быть, это был сон. Я бы никогда так не поступила в реальной жизни.

Мне снится дом с белой плиткой, что, кажется, она светится в свете луны, как мальчишки возвращаются с пляжа, но не следят песком по всему дому. Мне снятся волны, которые приходят в совершенное множество, с симметрией и изяществом, что ошарашило ученых, которые настаивают на том, что в природе не существует совершенства. Мне снится такой мягкий песок и такой теплый солнечный свет!

Мне снится высокая фигура с красивыми глазами, чья кожа была сухой, чье дыхание было холодным как зима, и чей голос звучал как дождь. Мне снится, что он полетел по волнам на доске для серфинга, как будто доска была каким-то дополнением его ног, частью его тела. Или, может быть, мне не снится. Может, я просто волнуюсь и ворочаюсь всю ночь. Или день. Так трудно говорить об этом здесь, в стеклянном доме, где никогда не темнеет.

И мне снится мальчик по имени Пит: высокий и худой, и покрытый веснушками. Мальчик, который выглядит так, будто смеется, потому что от уголков его глаз протягиваются линии загара. Мальчик, чьим рукам мои подходили идеально, мальчик, чей смех звучал как зов ворона-вестника утром. Мальчик, который прижал меня к своей груди и обещал помочь. Мальчик, который привел меня к океану и помог взлететь. Я никогда не могу сказать с уверенностью, память он или сон.

Родители постоянно твердят мне, что это было галлюцинацией. Когда она обыскивала мою сумку, мама забрала мой блокнот, тот, куда я записывала все свои исследования.

Я ищу песок в простынях, но его нет. Не знаю, почему рассчитываю найти песок в кровати — я не была на пляже уже неделю, не выходила даже из дома с тех пор, как вернулась. Но каждое утро я просыпаюсь разочарованной. Моя мама думает, что помогает мне, когда каждый день сбрасывает с постели простыни и стирает их. Ни один из нас не понимает, почему я плачу каждый раз, когда проскальзываю в свежевystиранные простыни, простыни без следа моря в них, нет даже шепота океана — только запах моющего средства и

намек на мамины духи.

— Это прошло, — шепчу я.

— Что прошло, милая?

Смотрю на нее: ее глаза такие печальные и далекие, суженные от беспокойства.

Я качаю головой:

— Может быть, этого никогда и не было, начнем сначала.

— Это верно, милая, — говорит она, и я пытаюсь не думать о морщинах вокруг ее глаз, которые углубились от большого количества слез. Как раз наоборот, глаза мальчика с морщинками вокруг них, как будто он всегда улыбается. Даже когда я кричу на него. Что, вероятно, я и делала до того, как бросила его.

Почему этих людей нет, и я скучаю по этому месту, будто оно мое. Каждую ночь в моих снах Джес и Пит. Образы такие яркие и сильные, что, я думаю, они, по крайней мере, должны быть в памяти. Потому что, если они не настоящие, тогда почему мне их так не хватает?

А потом, внезапно, однажды утром боль ушла. Я проснулась голодной. Мой желудок сжимает еду в тиски, и я думаю, что никогда снова не заболēju. Я почти не пропускала душ и мыла волосы три раза, втираю мыло в кожу, пока оно не выглядит как пена.

Пит как-то сказал мне, что серферы дышат кислородом из пены, которую оставляет гребля на краю волны, когда они взбивают воду и не могут вывести на поверхность. Он сказал, что они называют это мылом. Это всплывает в памяти, как вспышка молнии и, так же быстро, исчезает. Я качаю головой и мою голову четвертый раз. Мне надоело пахнуть, как моя кровать: холодным потом, кислотой и болезнью. Я хочу выглядеть и пахнуть как раньше, чтобы Нана больше не смотрела на меня с опаской, словно я самозванка в теле ее лучшего друга. Когда выхожу из душа, начинаю загружать белье. Включаю компьютер и открываю e-mail из Стэнфорда, извещающее о направлении, в котором говорится о моем общежитии "Брэннер Холл" и что мою соседку по комнате зовут Сэди. Здесь список рекомендаций, что нужно взять с собой: от дополнительных полотенец до фонариков, и я распечатываю его. Мама и я можем поехать позже в магазин, приобрести все из этого списка и кое-что еще. Я чувствую себя как маленький ребенок, который вот-вот пойдет в первый класс, жаждущий быстрее собрать свой рюкзак со школьными принадлежностями.

Ближайшие несколько дней проходят нормально; поездка в торговый центр с мамой, смех во время визита к Фионе. Однажды, я спрашиваю: что, если Фиона и я съездим вниз на пляж, и мои родители выглядят немного паникующими до тех пор, пока Фиона не влезает и говорит, что ей не хочется. Она избегает солнца этим летом, — говорит она, хотя ее загар говорит о другом. У одной ее тети был диагностирован рак кожи, — утверждает она. Вместо этого мы смотри фильмы и папа покупает китайскую еду.

Родители, кажется, почти пришли в норму; папа каждый день ходит в офис, а мама надевает платья почти каждый день. Тоска по-прежнему еще есть в доме, но она ощущается как-то легче, с меньшей вероятностью, что она разрушит стены и окна.

Может быть, это все для моего же блага; может быть, мои родители думают, что это их вина, что я сошла с ума, потому что они были так погружены в свои собственные потери, что забыли уделять внимание мне. Это такое облегчение, что мои родители вернулись, несмотря на все остальное.

В среду, во второй половине дня мой отец вежливо стучит в мою дверь, принося порыв холодного воздуха вместе с собой в комнату. Я открыла окна, чтобы позволить сухому

Калифорнийскому воздуху заполнить мою комнату, несмотря на жару в этот день. Остальной дом закрыт и заполнен искусственным охлаждённым воздухом.

— Эй, папа, — говорю я, протягивая новый список перед собой; не могу остановиться делать список школьных принадлежностей, последние вещи, которые осталось сделать. — Думаешь, мама поедет в "Кровати, ванные и другое" сегодня?

Он смотрит на список, как будто это бред, и смотрит на меня так, будто я говорю по-гречески.

— Давай, у меня осталось всего лишь несколько недель, чтобы запасть, — это только у меня и возникла идея проверить дату в это утро. Технически, это шесть недель, поскольку учеба в Стэнфорде начинается в середине сентября.

— Венди, — говорит он мягко. Я сижу за столом, и он подходит ко мне до тех пор, пока не становится надо мной. Мой отец невысокий мужчина, но тем не менее я съеживаюсь под его тенью. — Я понимаю, что эта вещь затерялась в твоей памяти, но ты, наверное, помнишь...

— Помню что?

— Нам звонили из Монтаны. Несколько дней назад.

— Что в Монтане?

— Центр.

Медленно я опускаюсь на свою кровать. Они по-прежнему посылают меня туда? Я, в самом деле, думала, что они забыли об этом сейчас. Я уже в норме. Даже Нана вернулась спать в кровать со мной, прижимаясь рядом и покрывая поцелуями.

— Монтана?

Он кивает.

— Пап, я в порядке. Это было только один раз. Конечно, вы ребята, видите, что теперь?

Отец качает головой.

— Они рассказали нам, что это лучшее место.

— Кто вам рассказал?

— Мы сделали много исследований для тебя, милая. Мы хотели найти лучшее возможное для тебя место.

Какие исследования они могли сделать? Они даже никогда не слышали о пыли, так откуда они знают, что это лучшее место для реабилитации? Если только они не думают, что употребление наркотиков — всего лишь одна из моих галлюцинаций, они, конечно, так и думают. Они должны думать, что я другая, то, что они слышали и видели, скрывает правду.

— Лучшее место для меня здесь, — говорю я, начиная потеть. — Если хочешь, я поговорю с терапевтом здесь.

Он смотрит в окно, грустный, но с твердым выражением лица.

— Посмотри на меня, пап, — говорю я, пытаюсь, чтобы мой голос не дрожал. — Посмотри, насколько лучше мне стало.

Отец покачал головой.

— Твои галлюцинации по-прежнему тебя преследуют. Ночью, тебе снились...

— Сколько ты знаешь?

— Ты кричала во сне. Имя, место. Я не знаю.

— Какое имя? — я думаю Джон или Майкл.

— Пит. Каждую ночь ты зовешь кого-то по имени Пит. Венди, кто такой Пит?

Качаю головой.

— Я не помню, — говорю в конце. Это точно не ложь.

Мои глаза с трепетом открываются в середине ночи. Его аромат — соленой воды, океана и пива, и голубые глаза заполняют мою комнату. Я, должно быть, сплю. Но они говорили, что я звала Пита во сне, а не его. Окна всё ещё открыты, в комнате сейчас прохладно после нескольких часов без солнечного света. Единственный звук — постукивание по стеклу; я смотрю в окна, ожидая не увидеть ничего, кроме ночных огней сияющего города, но вместо этого мальчик скребёт стекло, как кошка просящая впустить её внутрь. Мальчик высокий и мускулистый надавливает на окно и, открывая его ещё больше, забирается в комнату.

Нана застывает рядом со мной на кровати. Я ожидала, что она будет лаять, рычать, может быть, даже набросится на незваного гостя. Но ей, должно быть, нравится его запах, потому что она спрыгивает с кровати и встречает его одним из своих огромных поцелуев. Я не собираюсь делать то же самое. Не с человеком, чьи наркотики держали меня в состоянии болезни в течении недели, который убедил моих родителей в безумной идее — отправить меня подальше, и из-за него моих братьев выгнали из дома Пита — дома, о котором я всё ещё думаю, как о безопасном месте, даже после всего случившегося.

Я встаю с постели и пробегая мимо него к окну: ищу лестницу, канат, кучу простыней, связанных вместе. Как его занесло сюда? Наш дом стоит на склоне крутого холма и сделан из стекла. Здесь точно не за что удержаться.

Когда он говорит, его голос хриплый, словно от напряженных лет глотания песка и соленой воды.

— Венди, — это всё, что он говорит. Застенчивость в его голосе трудно совместить с его лазерно-острыми глазами. Или с тем фактом, что он просто лез по стене и забрался в мою комнату.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Ты слышал когда-нибудь о телефоне?

— У меня нет твоего номера.

Я киваю и отступаю от него, спотыкаясь об Нану, и практически падаю на кровать.

— О чём ты хочешь со мной поговорить?

— Помнишь, что ты говорила той ночью?

Я качаю головой, садясь. И тотчас же жалею, что села не за письменный стол, а на кровать. Сидеть на моей кровати, когда Джес находится в комнате, кажется слишком интимным.

— Я многого не помню. Это иногда приходит, появляется вспышками, но я не могу сложить всё воедино.

— Это похоже на тебя. Попробайся разобраться с этим, как с пазлом.

Я опешила.

— Откуда ты знаешь, что это похоже на меня?

— Мы провели некоторое время вместе, Венди.

— Да, хорошо, тогда я точно была не в себе, — я делаю паузу. — Сколько именно?

Я никак не могла выяснить, сколько дней я была под наркотиками, прежде чем оказалась на подъездной дорожке Фионы.

— Около двух дней. Ты так далеко зашла, что не засыпала сразу, — отвечает Джес, и я удивлена, что он не сомневается и не пытается приукрасить.

— Что на счет тебя?

— Меня?

— Ты спал?

Он качает головой:

— Кто-то должен был присматривать за тобой.

— Как же закончилось тем, что я оказалась у дома моей подруги?

— На второе утро ты попросила меня проводить тебя домой. Мы были примерно на полпути туда, когда у тебя началась паника.

— Из-за чего?

— Из-за лжи, которую ты, должно быть, рассказала родителям. Поэтому ты сказала, что должна быть с Фионой. Так что я оставил тебя там с твоей машиной и автостопом вернулся в Кенси.

Я киваю.

Как будто понимая, он добавляет:

— Даже под кайфом от пыли ты волновалась о правде. Никогда не видел такого прежде.

— Мои братья совсем не были заинтересованы в честности? — выплёвывая я осуждающе.

Джес печально качает головой:

— Ты много рассказывала о своих братьях, когда была в моем доме, — говорит он.

— Правда?

Он кивает, всё ещё улыбаясь.

— Ну, может быть, не рассказывала. В основном, ты кричала.

— Это совсем на меня не похоже.

— Ты была не совсем в себе.

Я разозлилась.

— Спасибо тебе. За плату за вход.

Его улыбка исчезает.

— Мне жаль, — говорит он. — Люди, которые приходят на эти вечеринки, обычно знают, что получают.

— Они знают о последствиях? — Хотя я чувствовала себя лучше уже долгое время, моя комната всё ещё наводит на мысль о болезни, как будто стены насыщены этим запахом.

Джес не отвечает. Во всяком случае, он не лжёт.

Наконец, он говорит:

— Думаю, я могу помочь найти твоих братьев.

— Что? — спрашиваю я, садясь прямее.

— Я знал их, — говорит он, проводя руками по волосам и делая большие шаги по комнате — словно зверь в клетке, для которого размер в два шага слишком мал. Его кожа буквально светится от огней, отражающихся от города.

Я сажусь на руки.

— Я знал их, они были постоянными покупателями. Вплоть до нескольких месяцев назад — января, полагаю.

— Января, — повторяю я. Это, когда Мэтт сказал Питу выгнать мальчиков.

— Я, честно говоря, так и не думал о них после, пока ты не пришла на мою вечеринку,

выкрикивая их имена и что-то о "Ведьмином Дереве".

— Белла сказала, что когда они уходили, они сказали ей о том, что направляются туда.

Джес кивает:

— Оно сломалось в начале этой зимы. Зимняя волна — самая большая из них — поднималась и опускалась здесь, на побережье.

— Таким образом, ты говоришь мне, что их там не было? Они бы давно ушли?

Джес качает головой.

— Обычно, да. Но большая северо-западная зыбь нарастает у побережья штата Орегон. Раньше этого никогда не было, не в это время года. Там собираются сёрферы со всего мира.

Мой пульс учащается.

— В том числе и мои братья?

Джес пожимает плечами:

— Не могу этого обещать. Но они могут быть там. И я... — он замолкает, перестает шагать и смотрит на меня. — Я знаю больше, чем просто о лучших местах для сёрфинга на побережье, Венди. Я знаю правильные места, чтобы найти...

Я заканчиваю предложение за него:

— Правильные места, чтобы найти детей, которые могли бы искать другие вещи.

По крайней мере, он, похоже, не гордится тем, что такой эксперт в этом.

— Волна снова не будет разбиваться до зимы, если разбивается весь год, — говорит он. — Ни одна из этих больших волн. Это я точно могу сказать. Я не знаю, когда тебе выпадет другой такой шанс.

Между нами воцарилось молчание, пока я обдумывала его слова.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я, наконец.

Джес моргает; когда его глаза закрылись, комната, кажется, стала темнее.

— Я рассказал тебе. Потому что думаю, что могу помочь.

— Да, но почему тебя заботит помощь мне?

Джес медлит, прежде чем отвечает:

— Я могу сказать, что ты не собираешься сдаваться, пока не найдешь их, — говорит он, наконец.

— Как ты можешь сказать? Просто потому, что ты провёл несколько дней со мной, когда я была вдребезги пьяна, не значит, что ты меня знаешь.

Джес кивает:

— Когда ты рассказывала о них, у тебя на лице был тот же взгляд, как когда ты решала брать следующую волну.

Я качаю головой.

— Откуда ты знаешь, как я выглядела, когда брала волну?

Он замолкает, затем выглядит почти робко, когда отвечает:

— Я наблюдал за тобой. Утром. Когда ты вышла, чтобы заниматься сёрфингом самостоятельно.

— Ты наблюдал за мной?

— На всякий случай. Знаешь, ты была новичком, а вокруг никого не было. Я просто хотел убедиться, что ты в порядке.

Мне следует чувствовать себя оскорблённой. Парень шпионил за мной каждое утро, когда я думала, что была одна. Каждый раз, когда я брала свою доску в то время как Пит, Белла и другие ребята спали. Но нет — вместо этого я даже рада, что он был там. Пс

крайней мере, он не пытался меня остановить, не спускался вниз на пляж и не говорил, что мне не следует заниматься сёрфингом одной, не следует пытаться брать большие волны, что я должна ждать только наиболее спокойные. И я рада, что он знает обо мне что-то, чего не знает никто: у меня была смелость брать волну за волной самостоятельно.

Вдруг, Джес говорит:

— Я сожалею о твоих братьях, Венди. Когда я продавал им пыль... Я имею в виду, я никогда не хотел, чтобы они пропали без вести.

— В отличие от тех детей, которым ты продаешь пыль, и которые потом возвращаются домой к своим матерям? — спрашиваю я.

Кое-что в его приходе сюда меня поощрило. Мне следует его бояться. Но я не боюсь. И, к моему удивлению, он краснеет под моим взглядом.

— Идем со мной, — говорит он, наконец. — Позволь помочь твоим братьям. Позволь помочь тебе.

Я открываю рот, чтобы спросить о других ребятах, которых нужно спасти от пыли, но он говорит прежде, чем я что-либо произношу.

— Пожалуйста, — шепчет он.

Нана не сильно лаяла, когда я последовала с Джесом из окна, взобравшись к нему на спину, и сползла вниз по склону стеклянного дома. Не успела я моргнуть, как уже залезла в грузовик, который он мыл в тот день нашей с ним встречи. Сейчас грузовая платформа была заполнена досками для сёрфинга, водными лыжами и резиновыми тросами.

На самом деле, я не могла сказать "нет" на его предложение. Остаться дома, означало ехать в Монтану, закрытую от океана, находящуюся за миллион миль от пляжа Кенсингтон и, возможно, от моих братьев. Да, этот парень — наркоторговец; кто знает, сколько денег он получает от продажи пыли ничего не подозревающим детям; получая их зависимость, они губят их жизни — если не убивают. Я много думаю об этом, судя по виду этого грузовика, досок в грузовой платформе за нами. Но он предложил помощь, а я не собираюсь отказываться.

Сидя настолько далеко от Джеса, насколько это вообще возможно, моё тело прижимается к пассажирской двери, я закрываю глаза и позволяю нахлынуть воспоминаниям — воспоминаниям, которые, на этот раз я уверена, не сны: подбородок Пита на моей пояснице, как мы гребём, пытаюсь взять волну. Доска с липким воском подо мной, как я подтягиваюсь вверх, чтобы встать. Океан опускает нас вниз, и мы скользим вместе с доской на гребень волны. И чувство полёта, невесомости и беззаботности — нет никого на планете, кроме меня и Пита, никого другого, кто знает, на что это похоже. Я открываю глаза. Джес едет быстро, слева от нас океан, и я слышу волны, просыпаясь в середине ночи.

Реальность никогда не была такой кристально чистой.

Мы ехали около пятнадцати минут, когда Джес начал говорить:

— Итак, во всяком случае, расскажи мне о своих братьях.

Я качаю головой, всё ещё полная решимости собрать улики.

— В отличие от меня, ты видел их совсем недавно. Поэтому ты расскажи мне о них.

Он меня игнорирует.

— Ты, должно быть, действительно их любишь, поэтому ищешь, не покладая рук.

— Я их старшая сестра. Дело не в том, как сильно я их люблю. Просто...

— Просто это твоя работа, — заканчивает Джес за меня, и я киваю.

— У тебя есть родные братья или сестры? — спрашиваю я.

Я пытаюсь представить его с семьей, но не могу, я вижу его только в том образе, в каком он сейчас — наркоторговец, сёрфер, преследующий свою следующую волну.

— Не совсем, — отвечает он. — Расскажи мне о взрослении Джона и Майкла.

Когда я молчу, он добавляет:

— Это долгая поездка в середине ночи, Венди. Думаю, это поможет мне не уснуть.

Прекрасно. Я могу просто притворяться, что разговариваю с кем-то ещё.

— Они всегда казались в два раза больше меня, хотя я и была старшей. — Я замолкаю, улыбаясь. — Джон всегда разговаривал со мной таким способом, что заставлял чувствовать себя ребёнком в семье.

Джес смеется; его смех искренний, и, кажется, машина вибрирует.

— Он действительно был похож на хулигана, — продолжаю я, немного смеясь про себя. — Они оба были. Видел бы ты их на пляже. Они бы взяли любую волну, какую только захотели, волны, которые были в два раза больше этих детей. Однажды Майкл даже вышел на бой с одним сёрфером — вроде, взрослым сёрфером — утверждая, что один из них оборвал по пути его волну. Я думала, что он собирается ударить парня в лицо, если бы, конечно, он мог до него достать.

— Что произошло?

Я пожимаю плечами.

— По правде говоря, не знаю. К концу дня он занимался сёрфингом рядом с ним, поднимая указатели от него влево и вправо. Может, это был их совместный план.

— Похоже, они были довольно смелыми.

Я качаю головой.

— Не совсем. Я имею в виду, да, они были смелыми на пляже. Но дома — это другой случай.

— Чего они так боялись?

Я закрываю глаза, вспоминая.

— Они боялись темноты. Однажды мы играли в прятки — двое против меня — они спрятались в шкафу и оказались запертыми изнутри. Шкаф — это единственное место в доме, где становится действительно темным-темно.

— Сколько им было?

— Четыре? Пять? — я удивлена, что не могу вспомнить точно. Я помню звук их воплей и как дразнила их через дверь, что отказываюсь играть.

Я помню, как потянулась к ручке, крича, что нашла их и помню, что как бы сильно не

крутила ручку, дверь просто не открывалась. Я помню, как плакали родители, когда пришли и вытащили их. Позже, когда отец их освободил, сняв дверь с петель, они, в первую очередь, ругали меня за то, что попали в ловушку. В ту ночь мама впервые рассказала нам, что огни города были нашим собственным ночным светом. Даже если они и были на меня в обиде, Джон и Майкл спали тогда в моей комнате.

— Что ещё? — спрашивает Джес.

— Хмм? — я чувствую сонливость. Не подумала бы, что буду в состоянии спать — не рядом с этим незнакомцем, не с адреналином, который пробегает по венам с той минуты, как его нога ступила в мою комнату. Но мой голос чувствуется мягким во рту; я перемещаюсь на сидении, опираясь щекой на кожаный подголовник.

— Что они ещё боялись? — напоминает Джес.

— Элементарных вещей. Землетрясений. Огня. Один раз я высмеяла их за это; им было одиннадцать. Как они могли быть такими смелыми в воде и так бояться земли?

— Звучит словно то, что их пугало, не существовало в воде.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я. Такое чувство, что мои веки весят тысячу фунтов.

— Ты не волнуешься о землетрясении и огне, когда находишься в воде.

— Что насчёт темноты? Там темно.

— Да, но они всегда занимались сёрфингом, когда светило солнце, не так ли?

Я киваю, вспоминая, как Пит говорил, что в воде он чувствует себя, как дома больше, чем на суше.

— Я думаю, да.

— Сколько им было, когда они начали заниматься сёрфингом?

— Девять.

— Счастливчики.

— Сколько было тебе?

Джес не отвечает, поэтому я пытаюсь задать другой вопрос.

— Как ты учился? Мои родители записали мальчиков на занятия, но они учились довольно быстро.

Джес отводит глаза от дороги, чтобы взглянуть на меня.

— Почему ты так много хочешь знать обо мне?

— Почему нет? Как ты сказал — это длинная поездка в середине ночи. Ты тоже не должен дать мне уснуть.

Джес смеётся.

— Просто, на самом деле, я не думал о своём прошлом уже очень долго. Иногда я думаю, что не помню свою жизнь до того, как начал заниматься сёрфингом.

Я киваю; могу сказать, что Джон и Майкл сказали бы то же самое. Бог мой, они ненавидели уроки, на которые родители их записали. Ненавидели методику обучения на сухом песке, когда они жаждали нырнуть в океан. Тем не менее, они не могли отрицать, что узнали много нового, и что это пригодилось им позже. Уроки были дорогими; может быть, семья Джеса не могла себе такое позволить. Может быть, поэтому он стал дилером. Может быть, когда он отправился в Кенсингтон, когда встретил Пита, когда между ними началась война. Может быть, эти "может быть" заполнили мою голову, и все эти вопросы... Я слишком устала, чтобы спрашивать.

Веки становятся настолько тяжёлыми, что невозможно держать их открытыми. Я

пытаюсь некоторое время — моргаю одним открытым глазом и затем другим, но в итоге, сон одолевает меня.

Я просыпаюсь в пустой машине. Я на стоянке. Я отстегиваю ремень безопасности, оборачиваюсь и вижу мигающий знак, который гласит "ВАКАНСИЯ". Мотель. Достак телефон из кармана: 4:14 утра. Мы были в дороге три часа. Невозможно, чтобы мы могли добраться до "Ведьминого Дерева" всего лишь за три часа. Смотрю вверх телефона; Джес идет из вестибюля мотеля к машине. Когда он замечает, что я смотрю на него, то улыбается.

— Доброе утро, — говорит он, открывая для меня дверь. — Идём.

— Куда? — я хочу сказать, что никуда с ним не пойду, но как он может в это поверить, видя, как далеко я уже ушла с ним?

— Я снял нам комнату. Ты уснула пару часов назад, и я не могу бодрствовать так долго.

— Разве ты не привык иногда не спать всю ночь? — спрашиваю я, думая о тех ночах, когда он был со мной, в то время, как вылезая из грузовика.

Джес поднимает мой рюкзак с вещами со спины и перекладывает на плечо, так легко, словно он наполнен воздухом. Он не отвечает мне, просто идет в сторону мотеля. В этом здании только два этажа, и Джес уже идёт вдоль первого, мимо затемнённых окон. Интересно, свет выключен потому, что люди внутри спят, или потому, что комнаты пустые. Наша машина практически единственная на стоянке, и я уверена, что мы находимся в неизвестно каком месте, хотя в это время трудно сказать.

Я иду следом за Джесом вверх по лестнице на второй этаж, глубоко дыша. Где бы мы ни были, мы рядом с океаном. Я чувствую запах водорослей, чувствую солёный воздух на коже. Открытый коридор едва освещён, но я вижу песок по всему полу. И слышу шум океана, волны ударяются о берег всего в двух шагах от мотеля.

— Где мы? — говорю я в спину Джеса.

Он отвечает, не поворачиваясь:

— На полпути к Ведьминому дереву.

— Ведьмино дерево, — бормочу я. — Кто назвал волну "Ведмино дерево"?

— Там мертвое кипарисовое дерево на Пескадеро Пойнт, — говорит Джес, всё ещё не смотря на меня. — Ты сможешь увидеть его из воды. Заколдованное дерево.

— Ну, кто же захочет заниматься сёрфингом под заколдованным деревом?

Теперь Джес останавливается и оборачивается.

— Ты хочешь заниматься сёрфингом там, где есть волны, Венди. Это просто. — Он выглядит таким серьёзным, что это заставляет меня покраснеть. Я пытаюсь не разорвать зрительный контакт с ним. — Тебе понравится лучшая из них — Мейврик. Волна рядом с Холф Мун Бэй.

— Почему?

— Согласно легенде, Мейврик была названа в честь собаки.

Я улыбаюсь, вопреки себе.

— Правда?

— Да. В шестидесятые какие-то парни занимались там сёрфингом, и один из них привел свою собаку, которую звали Мейврик. Видимо, собака училась плавать без парней, так что, даже если они и оставляли его на суше, он всё время пытался их поймать. Но условия были для него слишком жесткими, поэтому хозяину пришлось привязать собаку на суше. Они назвали её "Мейверик", и название прижилось.

Глубокий голос Джеса приобретает нежный тембр, когда он рассказывает о собаке,

плавающей и гонящейся за хозяином, и я улыбаюсь, пытаюсь представить, что бы делала Нана, если бы увидела меня, плавающую в море, находящуюся под сорока, пятидесяти, шестидесятифутовыми волнами. Конечно, она бы погналась за мной. Она хочет быть рядом со мной в любом приключении. Я хочу, чтобы она могла быть со мной сейчас. Внезапно, я ужасно скучаю по дому.

Джес продолжает идти.

— Какой породы был Мейверик? — спрашиваю я вдруг.

— Белая немецкая овчарка, — отвечает он.

— Откуда ты знаешь?

Джес пожимает плечами, мышцы на его спине видно даже через футболку.

— Я не помню время, когда не знал эту историю, — говорит он задумчиво.

Джес останавливается перед дверью с номером 30. Когда он вставляет заржавевший ключ в замок, моё сердце начинает колотиться. Я правда собираюсь идти за этим незнакомцем — нет, хуже, чем незнакомцем, потому что я знаю, чем он занимался — в тёмную комнату мотеля, который находится неизвестно где? Даже если он может показать, где найти моих братьев, и предложил помощь? Даже если он ехал всю дорогу в середине ночи в то время, как я спала?

Он удивляет меня, обернувшись перед тем, как открыть дверь.

— Не волнуйся. Я взял комнату с двумя кроватями.

Киваю. Я хотела уже сказать — спасибо, но сразу передумываю; он не заслужил моей благодарности. Пока нет.

Я не жду того, что буду спать спокойно в одной комнате с Джесом, но выходит наоборот. Это первая ночь с тех пор, как я вернулась из Кенсингтона, когда я не просыпаюсь в пропитанных потом простынях. Вместо этого я просыпаюсь спокойно, когда лучи солнца проникают в окно. Я смотрю на телефон — я спала с ним под подушкой, на всякий случай. Вообще-то я точно не уверена в том, что думала, могло произойти. Уже за десять часов утра.

Я поворачиваюсь, ожидая увидеть дремлющего Джеса в кровати на другой стороне комнаты, но его кровать пуста, простыни едва помяты — словно он вовсе там и не спал. К этому времени мои родители уже не будут спать. Они обнаружат, что я пропала. На моем телефоне пять пропущенных вызовов. Возможно, они звонили Фионе. Может быть, звонили в полицию. Может быть, они упрекают себя. Может быть, они слишком обеспокоены, чтобы что-то делать, но расхаживают по дому взад и вперед, гадая, куда я пропала на этот раз. Я не могу позвонить домой — они будут задавать слишком много вопросов, если услышат мой голос с другого конца линии.

Чувствуя вину, шлю родителям e-mail — просто чтобы дать им знать, что я в порядке и скоро вернусь домой. После отправки сообщения, выключаю свой телефон. Я не потрудилась одеться. Я даже обувь не надевала. Скручиваю низ пижамы, в которой спала, в футболку. Снаружи свежий воздух, светит солнце, но воздух кажется тяжёлым, зловещим, словно небо может расколоться в любой момент. Конечно, я понимаю. Как и говорил Джес, надвигается шторм. В конце концов, не будет большой волны без бури.

Я не удивляюсь, когда вижу его грузовик на стоянке точно там, где он оставил его прошлой ночью. Одной из его досок нет. Он на пляже. Думаю, я знала это с того момента, как проснулась. Эти волны плохие, даже я это вижу. Маленькие и порывистые, их края не скручиваются, когда они ударяются о берег. Но Джес покорило большинство из них, поворачиваясь и свистя, резко ударяясь доской, катаясь по краю волны, крутясь, как балерина, и пригнувшись, как тигр.

Он заметил меня, наблюдающую за ним и помахал, позволяя потоку вернуть его к берегу.

— Ты не должен останавливаться, — говорю я, пока он идёт ко мне, устанавливая доску на бедре.

— И тебе доброе утро. — Он вставляет доску в песок.

— Верно, — говорю я, качая головой. — Доброе утро.

— Ты кажешься удивлённой, — говорит он, стряхивая солёную воду с волос. Влажными они выглядят угольно-чёрными.

— Удивлённой?

— Видишь-ли, даже у жалкого наркоторговца, вроде меня, есть хорошие манеры.

Я покраснела, складывая руки на груди. У Джеса есть способность заставить меня чувствовать себя плохим парнем. Может, я им и являюсь; он ничего мне не должен, но всё-таки пришел к моему окну прошлой ночью и привел меня сюда.

— Даже у таких людей, как я, есть родители, знаешь ли. Мои научили меня говорить "спасибо" и "пожалуйста", как и твои.

Я не отвечаю. Трудно поверить, что у него в детстве могло быть всё то же, что и у меня.

— Иди сюда, — говорит Джес, спускаясь на пляж спиной к отелю. — Я хочу показать

тебе кое-что.

Иду следом за ним. Песок липнет к низу пижамных штанов, и ветер проникает через футболку, заставляя дрожать. Пляж очень маленький — всего в нескольких ярдах отсюда вода встречается с горами, холмы усеяны домами. Несомненно, владельцы платят высокие цены за вид — океан с одной стороны, а горы с другой.

Джес останавливается и указывает на большой дом вдалеке, расположенный на высокой горе. По крайней мере, в три раза превышающий размер стеклянного дома. Весь дом Джеса в Кенсингтоне можно вместить внутри этого. Но, в отличие от других домов на холме, в нём нет огромных стеклянных стен, выходящих на океан. Только нормальных размеров окна, выглядывающие из-под испанской черепичной крыши, словно тот, кто строил этот дом, не оценил всего вида.

— Видишь этот дом? — спрашивает Джес.

— Невозможно не увидеть этот дом, — говорю я. — Можешь себе представить, что пришлось срубить все деревья вокруг, чтобы построить его? Знаешь, что им, наверное, пришлось пробить дороги в гору, чтобы просто сюда попасть?

Джес кивает.

— Могу представить, — говорит он. — Я провёл все своё детство воображая об этом.

Я щурюсь в солнечном свете, поднимая руку, чтобы прикрыть глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот где я вырос, — говорит он.

— Вот где ты вырос? — повторяю я, желая, чтобы мой голос не звучал так недоверчиво, но Джес только смеётся.

— О, да, — отвечает он. — И я узнал гораздо больше, чем мои "пожалуйста" и "спасибо". Я узнал как держать вилку для салата и нож для стейка, как есть суп и пить холодный чай каждый день в четыре часа вечера, всё вовремя.

Не могу представить, чтобы Джес жил и секунду своей жизни, делая что-то вовремя.

— Как тебе удалось оттуда... — я останавливаюсь, но Джес по-прежнему отвечает на не заданный вопрос.

— Я узнал о сёрфинге. Невозможно было не открыть сёрфинг. Я мог видеть каждый пляж на мили вокруг от этой горы и каждый день, в любую погоду, они были там. Сёрферы. Парни, у которых не было ничего, кроме одежды на спинах и досок под ногами. Парни, которые получали чертовски больше удовольствия, чем я. И вот, однажды утром, я тайком купил доску на свои карманные деньги и... — Он замер, странная улыбка заплесала на его губах при этом воспоминании.

Этот взгляд я знала хорошо — я видела его на лице Пита и на лицах моих братьев тоже. Это взгляд, говорящий, что ты не понимаешь, что большинство из вас делают на земле, когда можно найти так много веселья в воде.

— Что случилось?

Джес пожал плечами.

— Это ни какая-то особенная история. Я прогуливал школу, чтобы гоняться за волнами. Оснастил багаж на крыше моей машины, привязал пару досок и снял на несколько дней. Я не был тем сыном, какого они хотели — знаешь, круглый отличник, ученик колледжа, что-то в этом роде.

Я киваю, думая о братьях. В то время, когда они убегали в прошлом году, они сводили родителей с ума месяцами. Каждое утро, когда мы с родителями просыпались, то не знали

были ли Джон и Майкл дома или пропадали, удирая на новейший пляж, где волны, говорят, были заряжающими.

Родителям приходилось бояться телефонных звонков по вечерам из школы — предупреждений о том, что если ситуация не изменится, братья будут переведены на год назад, их отстранят, исключат. Я привыкла, что мамины губы складывались в тонкую линию, когда отец читал им лекции о приоритетах. Я привыкла смотреть на лица братьев, как и отец, не имея понятия, что в действительности означает это слово.

— Когда мне было шестнадцать, — продолжает Джес. — Родители сказали, что отправляют меня обратно в школу. Я не помню названия того места, но это где-то, где нет выхода к морю, никакой близости к океану. Они думали, что всё с чем мне нужно разобраться, так это некоторое время побыть на суше. — Он смеётся, но это не шутка. — Поэтому я сбежал. Я не боялся стать бездомным, стать одиночкой — ни с чем, кроме одежды за спиной и доской под ногами. Я боялся жизни без океана прямо за дверью.

Открываю рот, чтобы состричь о таком большом крепком парне, который так испугался, но сжимаю губы вместе прежде, чем вырвется хоть одно слово. Потому что он выглядит таким серьёзным. Он не был большим крепким парнем, не тогда. Он был шестнадцатилетним ребенком. Как мои братья. Как я — и я тоже сбежала.

— Несколько месяцев спустя я наскочил на Пита. Маленький сопляк порвал меня на волне на Хантингтон-Бич. — Он улыбается воспоминаниям. — Я завёлся после него, как летучая мышь из ада. Я это и имею в виду, я был готов выбить малышу зубы, — он качает головой. — Но затем он улыбнулся мне и протянул руку. И прежде, чем узнал это, я обрушился на пол какого-то пустого заброшенного дома, который он нашёл, чтобы пережить ту неделю.

Я улыбаюсь.

— Звучит неплохо, — говорю я.

Джес кивает.

— Так и было. Это было... — он замолкает. — Не высмеивай меня за то, что я скажу, ладно?

Киваю.

— Это было самое счастливое время в моей жизни. Пит и я просто пробирались вверх и вниз по побережью, разговаривали о большой игре, спали на диванах и в палатках на пляже и просто занимались серфингом, понимаешь? На каждой волне, которую мы смогли найти. Наконец, Пит обнаружил Кенсингтон и эти пустые дома, а мы переехали в один из них; просыпались с солнечными лучами и занимались серфингом. Нам было так хорошо. Мы знали, насколько хорошо. Мы говорили, что это только вопрос времени, прежде чем мы будем летать по всему миру и начнём работать с большими волнами, прославимся этим. Ночью мы говорили их имена, как другие люди произносят молитвы: Мейврик, Ведьмино дерево, Джоуз, Пайплайн, Теахупоо.

— Ху-поо? — повторила я. — Что это?

— Это волна в Таити, — объясняет он. — Теахупоо — это Таитянская волна — "Разбивающая скалы".

— Серьёзно? Ты хотел заниматься серфингом на волне, которая называется "Разбивающая скалы"?

— Всё ещё хочу, — говорит Джес.

— Ну, тогда почему вы этого не сделали? — спрашиваю я. — Почему ты и Пит не

выбрались и не завоевали весь мир, как и планировали?

Вместо того, чтобы ответить, Джес идет обратно в сторону мотеля. Я иду следом.

— Ты голодна? Давай возьмём чего-нибудь поесть.

— Я в пижаме, — говорю я. — У меня нет обуви.

— Я тоже. Не волнуйся — в месте, о котором я говорю тебе не нужны ни обувь, ни рубашка, ни обслуживание.

— Видишь ли, — начал Джес двадцать минут спустя, когда мы сидели за расколотый, разваливающимся столе для пикника, который, как мне кажется, был покрашен в белый цвет около пятидесяти лет назад. — Моя жизнь во многом похожа на твою.

— О, у тебя тоже была привычка сбегать с наркоторговцами в поисках пропавших братьев или сестер?

Джес качает головой.

— Позволь перефразировать. Моя жизнь во многом совпадает с твоей прежней. Фантастический дом на холме...

— Мой дом не похож на твой, — перебиваю я. Мой дом милый, и это все, а Джес вырос во дворце.

— Логично, — говорит он, кивая. — Но мы оба выросли в домах с родителями, которые хотели думать, что знают о том, что для нас лучше. Я ходил в школу пять дней в неделю, как и ты. Я должен был пойти в колледж, как и ты. У меня даже была девушка как ты — умная, красивая, непоколебимая словно ад, когда хотела получить что-то, — была ли это очередная волна или её следующий контрольный тест.

— Что с ней случилось?

Джес печально улыбается.

— В итоге она поняла, что я — не то, чего она хочет.

Я удивлена тяжелой боли в его голосе.

— Она разбила тебе сердце?

Джес тяжело пожимает плечами.

— Она поступила правильно, порвав со мной. Она по-прежнему была на верном пути, а я был сбит с толку. В любом случае, у меня были и другие причины для разочарований, — говорит он медленно. — Но ты уже знаешь какие, не так ли?

Я киваю, думая о Фионе. За несколько дней до выпускного она позвонила мне в слезах. Дэкс сказал, что, возможно, им лучше расстаться прежде, чем они пойдут в разные колледжи. Она сказала, что он разбивает ей сердце только подумав об этом, а я сказала всё, что ей нужно было услышать: конечно, он тебя любит. На самом деле, он не хочет с тобой расстаться. Конечно, вы можете быть вместе даже в разных университетах.

Но на самом деле я думала о том, что братья разбила мне сердце в тот момент, когда сбежали. Также они разбила сердца родителям. Я жила в стеклянном доме полном разбитых сердец и ещё даже не влюблялась.

Интересно, осталось ли всё так же. Моё сердце, определенно, чувствует себя лучше, чем когда-либо, долгое время. Может быть, оно снова собирается, становится сильнее, чем ближе я нахожусь к братьям. Или, может быть, это что-то ещё — кто-то ещё. Отрицательно качаю головой, моргая, и решаю сменить тему.

— Ты собирался рассказать мне, почему ты и Пит не путешествуете вокруг мира, как планировали.

Джес кивает, улыбаясь официантке, которая приносит ему чашку кофе и ставит две

тарелки с яичницей перед нами.

— Я не заказывала яичницу, — говорю я.

— Это всё, что у них есть, — отвечает Джес. Я осматриваюсь. Не уверена, что это место можно квалифицировать, как ресторан. Это просто фургон на краю пляжа за мотелем, с тремя потрепанными столами для пикника. Я пробую кусочек яичницы, ожидая приступа тошноты. Но она удивительно хороша, а я умираю с голоду.

— Дело вот в чём, — говорит Джес наконец. — Гидроциклы стоят денег.

— Конечно стоят.

— Гидроциклы, — повторяет Джес, — стоят денег. Билеты на самолёт стоят денег. Доски для серфинга стоят денег, крепления для ног стоят денег и даже буксирный канат стоит денег.

— До меня дошло, — говорю я. — Вы не можете стать крупнейшими серферами мира и покорять лучшие волны бесплатно.

— Точно, — соглашается Джес. Он сидит развалившись, подложив руки под голову и выпрямив ноги перед собой.

Мне нужно двигаться так, чтобы наши ноги не соприкасались. Он снова пожимает плечами и садится прямо, наклоняясь ко мне, облокотившись о стол.

— Я просто пытался заработать нам немного денег.

Я смотрю на свою яичницу.

— Но какой ценой?

— Ты говоришь прямо как Пит. "Оно того не стоит" — вот, что он говорил мне снова и снова. Я сказал ему, что это только временно, пока не накоплю достаточно, чтобы купить нам лыжи и несколько билетов. Но Пит выгнал меня прежде, чем я сделал больше. Разумеется, — добавляет Джес, делая глоток кофе. — Я не ушел далеко. Пит, может, и ненавидел меня, но не только его дом в Кенсингтоне был пустым.

— Итак, он живёт на одной стороне пляжа, а ты на другой.

— И он крадёт достаточно хлама, чтобы быть в состоянии прокормить людей, которые появляются у него в доме время от времени, а я продаю наркотики, чтобы заработать достаточно денег для водопровода, электричества, гидроцикла и всех досок, которые я захочу.

Он улыбается, но не выглядит довольным собой. Он говорит спокойно:

— Если бы не я продавал, Венди, это бы сделал кто-то другой.

Он говорит мне об этом, но его голос звучит так, словно он сам в это не верит.

Качая головой, он продолжает:

— Пит и его компания иногда по-прежнему покоряют большие волны. Местные. Но те, что по всему миру? Он просто не может туда попасть.

— Ты тоже не можешь, очевидно, — возражаю я, и голубые глаза Джеса фиксируются на мне. — Я имею в виду, ты сохранил деньги и купил все принадлежности, но ты всё ещё не там — не путешествуешь по миру и не покоряешь те волны. В любом случае — не то, что ты планировал.

— Нет, — соглашается Джес. — Не то, что планировал, — он упирается лбом в руки и делает глубокий вдох. — Я сделал то, что должен был, — говорит он. Его голос звучит приглушённо и отдалённо. — И, не собираюсь лгать — я сделал бы это снова. — Он смотрит вверх, его взгляд пронзительный, а глаза блестят в солнечном свете.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы вернуться? — спрашиваю я, кивнув головой в

сторону гор — в направлении дома его детства. — Понимаешь, просто, чтобы увидиться с родителями хотя бы на секунду? Дать им знать, что ты в порядке?

Джес кивает, отводя взгляд от меня и посмотрев на горы за нами. Он прижимает руки к столу — всего в нескольких дюймах от моих. Не думаю, что он собирается мне отвечать, но, наконец, он смотрит на меня своими пронзительными голубыми глазами и говорит:

— В порядке ли я?

Я не хотела этого делать, но в ту же секунду взяла его руку в свою, крепко сжимая. Его кожа прохладная, большой палец с мозолью нежно трется о мои кулаки — так нежно, даже нежнее, чем я когда-либо представляла, чтобы кто-нибудь мог или хотел ко мне прикоснуться.

Джес бросал мой вещевой мешок в заднюю часть грузовика, когда повернулся ко мне.

— У меня идея, — говорит он.

— Какая? — спрашиваю я, подходя к пассажирской стороне автомобиля. Он обошел меня там и придержал для меня дверь открытой. Мои волосы еще влажные после утреннего душа; сушка в океаническом воздухе, даже придает им крошечные волны, вместо того, чтобы висеть прямой палкой по спине, как это обычно бывает.

Джес забирается на водительское сиденье.

— Там, не далеко отсюда есть бар. Веселый Роджер. Я проводил там много времени, после того как сбежал. Это место вроде старой школы. Много серферов, много кожи, — он замолкает, затем кивает. — Много полезного.

— Думаешь, кто-то там может знать моих братьев? — спрашиваю я, переходя к сути. Джес всегда колеблется, прежде чем упомянуть наркотики и моих братьев в одном предложении, как будто он ненавидит напоминать мне об этой их части. Это было бы даже мило, если исключить тот факт, что он был тем самым человеком, кто впервые снабдил их наркотиками.

Джес кивнул.

— Но, Венди, послушай, — голос Джеса дрогнул, понизившись на октаву. — Это плохое место.

Я чуть не рассмеялась; Пит использовал точно те же самые слова, чтобы описать сторону Джеса в Кенси, в первую ночь, которую я провела там.

— Джес, без обид, но я уже большая девочка, а ты наркоторговец. Разве мы не вписываемся?

Он ничего не отвечает, просто поворачивает ключи в замке зажигания. Я подпрыгиваю, когда грузовик ревет, оживая.

— Это маловероятно, — говорит он. — Но твои братья могли останавливаться здесь на пути на север по побережью месяцы назад. Ктонибудь может вспомнить...

— Спросим их? — предлагаю я, и Джес кивает. Он выводит машину со стоянки. — Ну, тогда, — говорю я. — Полагаю, мы двигаем в Веселый Роджер.

Темнеет раньше чем обычно; Джес объясняет, что надвигается шторм из Канады, единственное, что прорвет Ведьмино дерево. Он протягивает мне свой телефон и показывает карту погоды, которая отслеживает шторм.

— Посмотришь как волна будет разбиваться где-то завтра утром, — говорит он, разглядывая карту.

— Кто знал, что серферы были такими помешанными на метеорологии? — говорю я, протягивая ему обратно.

Джес смеется.

Даже стоянка у "Веселого Роджера" выглядит опасно. Во-первых, она даже не асфальтированная; это просто грязное поле рядом со стеной хижины. Пляж находится прямо через дорогу, но он выглядит каким-то каменистым, вода не такая синяя, серый песок с грязью и смолой. Машины и мотоциклы припаркованы как попало, поэтому Джесу приходится пропихнуть свой грузовик в угол, в самую дальнюю половину выезда на дорогу за нами.

— Откуда ты вообще узнал, что это место называется Веселый Роджер? — спрашиваю я. — Там даже нет вывески над дверью.

Джес мрачно улыбается.

— Ты просто знаешь об этом, или нет.

— Серферы, — говорю я.

— Не только серферы.

Я киваю, отстегивая ремень безопасности.

— Ты готова к этому?

Я снова киваю, стараясь не выглядеть нервной.

— Ты можешь остаться в машине, если хочешь, — предлагает Джес, но я трясую головой. — Так я и думал, — говорит он.

Я делаю глубокий вдох. Мы забрались так далеко, на другой конец штата. Какое значение имеют еще несколько шагов? Я дрожу пока иду в след за ним через парковку, уходят секунды, чтобы понять, что это не страх, а волнение. Кто знает, — Джон и Майкл находятся в Веселом Роджере прямо сейчас, в нескольких ярдах, с другой стороны паршивой двери, которую я замечаю, когда Джес открывает ее, почти сняв с петель. Они могли бы убить здесь время, прежде чем Ведьмино дерево будет разбиваться утром.

Джес, возможно, подойдет к ним и скажет идти с ним на улицу, на стоянку. Они не будут сомневаться. Они предположат, что Джес был близок к тому, чтобы установить с ними связь. Представляю их удивление, когда они увидят меня, стоящую рядом с ним. Жаль, что меня утешает то, что они пойдут за наркоторговцем куда бы он их не повел, как будто Джес какой-то лидер.

Они так разочаруются, когда Джес ничего не предложит им продать, но больше разочаруются, когда мы вернемся домой, а они уйдут на реабилитацию. Потому что им нужна помощь, а не мне.

Внутри такое тусклое освещение, что глазам приходится привыкать к темноте, даже если снаружи не совсем светло. В баре сидят около полудюжины мужчин и подростков, посасывающих пиво или коктейли, один или два из них выглядят такими тощими, что не смотря на их загар и мускулы, они кажутся больными. Несколько рассохшихся столов усеивают комнату, большинство из них пусты.

— Венди, — шепчет Джес и тянет мою руку; смотрю вниз и с удивлением замечаю, что он держит меня за руку, точно не уверена, когда это произошло. — Я собираюсь пойти в заднюю комнату.

— Что там?

Джес качает головой.

— Просто подожди меня здесь.

Женщина шатается по комнате и почти падает в кресло рядом со столом и, почти сразу теряет сознание. Кроме нее, я единственная девушка в помещении.

— Ладно, — говорю я, доставая чехол от телефона и пролистываю фотографии. — Здесь их фото. Там им двенадцать, но это последние. Их зовут Джон и Майкл, и они близнецы, но неодинаковые. Их рост около 5,8 футов, — такими они были, когда я видела их в последний раз. Майкл, может быть на полтора сантиметра выше и он никогда не дает Джону забыть об этом, хотя технически Джон старше. Он родился на девять секунд раньше Майкла. И...

— Венди, — говорит Джес мягко. — Я знаю их, помнишь?

Киваю. Он еще раз сжимает мою руку, прежде чем уходит.

— Будь осторожна.

— Ты тоже.

Он дает мне ключи от машины.

— Ты можешь вернуться в машину, если нужно.

К моменту, когда Джес скрылся за безымянной дверью, я сомневаюсь, что мне следует вернуться сейчас в машину. Пит хотел бы, чтобы я осталась в машине, для начала. Встряхиваю головой и напоминаю себе, что должна быть одна в поисках братьев. Даже если Джес в задней комнате, я могу опросить окружающих. По крайней мере, я буду слишком занята этим, чтобы бояться.

Я иду напрямик к бару и заказываю себе пиво. Чувствую, это не то место, где у меня будут спрашивать удостоверение личности. Кто-то закуривает рядом со мной. Я поворачиваюсь, и встречаюсь лицом к лицу с самым страшным человеком, которого я когда-либо видела. Он не такой высокий, как Джес, но мускулы выступают из-под его одежды, будто он проводит дни поднимая тяжести на пляже. Он улыбается мне; один из нижних зубов отсутствует.

Я обдумываю упомянуть, что незаконно курить в баре Калифорнии, но вместо этого я спрашиваю, могу ли я сжечь одну из его сигарет. Когда он наклоняется, чтобы поджечь ее для меня, я думаю — что если он скажет, что я никогда не курила сигареты раньше.

— Спасибо, — говорю я, заглывая кашель.

— Нет проблем, — отвечает он и подмигивает.

— Итак, — говорю я, принимая наркотик из сигареты. — Часто сюда приходишь? — я выдыхаю, наблюдая как дым поднимается шлейфом вокруг его лица.

— Да брось, красавица, ты же не собираешься пользоваться таким способом, не так ли?

Он наклоняется так близко, что, когда говорит, я ощущаю его дыхание: сигарет и спиртного, вчерашнего обеда и рвоты прошлой ночи. Я воздерживаюсь от желания отступить.

— Ты немного сладкая, правда? Такая хорошенькая и чистая.

Я качаю головой. Нет никакой подсказки, чтобы поймать его. Я соскальзываю со своего места; сигарета в одной руке, пиво в другой.

— Приятно было познакомиться, — говорю грубо, пока поворачиваюсь, чтобы уйти, с надеждой оглядываюсь на кого-нибудь другого, менее устрашающего, чтобы опросить. Но он встает и идет за мной через комнату.

— Мы точно не встречались? Я уверен, это шанс познакомиться по-ближе.

Я скривилась, бросая сигарету на покрытый опилками пол.

— Я пришла сюда кое с кем, — говорю осторожно.

— Только потому, что ты пришла сюда с кем-то, не означает, что ты уйдешь с ним, — говорит он, снова усмехаясь и демонстрируя свои потерянные зубы. Мне стало интересно, как он их потерял.

Женщина, которая потеряла сознание несколько минут назад, застонала, пока поднимала голову со стола. Я обдумываю идею сесть и предложить ей свое пиво, как предлог, чтобы задать ей вопросы. Но мужчина рядом со мной облизывает губы; он дышит, как будто задыхается. Поэтому я направляюсь к двери, сжимая ключи Джеса так сильно, что это больно. Я, может, хочу еще задать вопросы, но мне нужно уйти от этого подонка как можно дальше.

Вскоре я пробегаю через все это, кидая пиво на пол и запрыгиваю на водительское сиденье грузовика Джеса, проверяю, чтобы убедиться, что двери заперты и окна закрыты. Наконец, находясь в безопасности, я выдыхаю, сильный вкус сигаретного дыма во рту. Стук в окно со стороны пассажирского окна пугает меня и я подпрыгиваю. Не знаю, почему я думала, что он не пойдет за мной на парковку.

— Открывай, — говорит он тихо. — Я не укушу.

Качаю головой. Он снова стучит, так сильно все это время, что весь грузовик трясется. Уверенна, он мог бы оторвать дверь голыми руками. Лезу в сумку. Но затем вспоминаю, что я никого не могу позвать на помощь. Мой телефон у Джеса. Руки дрожат так сильно, что я даже не могу вставить ключ в замок зажигания.

Черт. Черт. Я давлю на сигнал, слегка коснувшись его. Звука хватило, чтобы парень опустил руку. Он усмехается и приседает в двух шагах. Когда он встает, он держит камень, поднимая руку за собой, как будто набирает оборот для броска. Сердцебиение учащается после того, как он выпускает камень, боковое зеркало заднего вида с пассажирской стороны разлетается на тысячу кусочков.

Теперь я опираюсь на гудок, будто моя жизнь зависит от этого. Возможно, так и есть.

Джес выбегает из бара, набросившись прямо на парня. Они падают на землю; я не вижу их со своего места. Вместо этого, я просто смотрю на грязь, взлетающую в воздух снизу. Вдруг, Джес вскакивает и бежит в сторону водительского сиденья. Я отпираю его дверь.

— Шевелись, Венди! — выкрикнул он. — Шевелись!

Я киваю, перебираясь на пассажирское сиденье и вручаю Джесу ключи. Он сует их в замок зажигания, и мы вырываемся с места так быстро, что у меня не было даже шанса оглянуться назад, чтобы посмотреть, в каком состоянии Джес оставил того мужчину лежащего на земле.

— Ты в порядке? — спрашивает Джес.

Открываю рот, чтобы сказать да, но не могу выговорить ни слова. Поднимаю руки к лицу, с удивлением обнаружив слезы, струящиеся по щекам. Я смахиваю их, и делаю глубокий вдох, но не могу глубоко вдохнуть, потому что не могу прекратить дрожать.

— Венди, — говорит Джес, его голос такой глубокий, что он прорывается сквозь мою дрожь. — Венди, посмотри на меня. — Он отводит глаза от дороги, достаточно на долго, чтобы посмотреть мне в глаза. — Ты в порядке. Он не навредил тебе. Я бы никогда не позволил ему это сделать.

Он немного спускает газ; теперь мы вернулись на шоссе, и он замедляется, пока не достигает предельной скорости.

— Я бы никогда не позволил ему это сделать.

Киваю. Я верю ему.

— Ну, ты был прав, — говорю я, после нескольких миль поездки в тишине. Мой пульс пришел в норму, почти в нормальный ритм, а с помощью ткани моего кошелька, я вытерла все слезы. — Веселый Роджер — плохое место.

Джес смеется.

— Я же говорил, — говорит он и я улыбаюсь. — Эй, — мягко говорит он. — У меня есть новости. Там был парень, который признал Майкла и Джона.

— Правда? — спрашиваю я, сердцебиение снова учащается. — Боже мой, мы должны вернуться?

— Вернуться туда? — смеется Джес. — Твой друг, вероятно, все еще ждет нас на парковке. Если он пришел в сознание.

— Но, если кто-то там знал Джона и Майкла...

Джес качает головой.

— Этот парень делил комнату в отеле вместе с твоими братьями несколько месяцев назад — три или четыре.

— После того, как Пит выгнал их, — говорю я, сделав вывод.

— Не будь так жестока к Питу, — говорит Джес. — Я был причиной, по которой он их выгнал.

Я смотрю на него, шокированная тем, что он берет вину на себя. Тогда замечаю, что правая рука Джеса вся в крови над рулем.

— Твоя рука!

Джес пожимает плечами.

— Там на земле было стекло.

Было ли это стекло от разбитого зеркала или просто от дюжины разбитых бутылок от пива, которые валялись по всей парковке Веселого Роджера, я не знаю.

— Нам нужно ее промыть.

— Поверь, — говорит Джес. — Было и похуже.

Я не хочу представлять, что это значит. Я вижу признаки, чтобы оказать помощь и говорю:

— Останови там.

Джес продолжает вести машину вперед.

— Сейчас! — говорю я твердо и, на этот раз, к моему удивлению, он слушает. Туман сгущается, пока мы сворачиваем вдоль выезда.

— Теперь моя очередь говорить тебе оставаться в машине, — говорю я, спрыгивая со своего сиденья.

Я бегу в магазин рядом с бензозаправочной станцией. Когда я вернулась, неся воду, бинты и чашку льда, Джес сидит на борту грузовика, его длинные ноги свисают и раскачиваются взад-вперед, как у маленького ребенка.

— Мне казалось, что я сказала тебе оставаться в машине, — ворчу я. Я запрыгиваю на грузовик рядом с ним и вытягиваю полотенце между парой досок для серфинга, засыпая туда лед. В дополнение к его окровавленной руке, некрасивый синяк расцветает над левой скулой. Я прижимаю лед к его лицу и он наклоняется к моему прикосновению, прежде чем положить свою левую руку поверх моей.

— Извини, — говорю я, сбрасываю свою руку и открываю пакет марли. Я тяну его правую руку на мои колени, вычищая его порез так осторожно, как это возможно.

— За что? Ты не ударила меня.

— Мы пошли в то место из-за меня. И что? Очередной тупик. Мы действительно не узнали больше, чем знали раньше.

— Это была моя идея, — говорит Джес, съезживаясь пока я вычищаю гравий из раны. Порез длинный и тонкий, горизонтальный через его ладонь. По крайней мере, я могу сказать, что он не глубокий.

— Ты сможешь заниматься серфингом завтра?

— Понадобится больше чем пара ушибов и синяков, чтобы удержаться над водой.

Я улыбаюсь, кивая.

Туман превращается в мелкий морозящий дождь, пропитывающий нашу одежду и грузовик. Я дрожу, но не хочу двигаться.

— Мы сейчас недалеко от Ведьминого Древа, — говорит он. — Серферы со всего мира будут там завтра. Ни один не захочет пропустить эту волну.

— Так что, если мои братья все еще где-то здесь, они тоже не захотят пропустить это.

Джес качает головой, опуская лед в грузовик за собой.

— Венди, — говорит он, — Я не имею в виду...

— Знаю, — говорю я, но у меня в горле медленно растет ком. Язык, будто сделан из цемента.

Порез Джеса теперь чист и кровотечение почти остановилось; я заклеила его руку пластырем, протянув его через ладонь. Когда я закончила, Джес поднял его неповрежденную левую руку к моему лицу. Я закрыла глаза и представила как эти руки проталкивают его сквозь воду, когда он гребет по волнам прибоя.

— Они могут быть там, — говорит он. Он звучит так уверенно, так определенно. Я открываю глаза; его лицо всего в нескольких дюймах от моего. Его голубые глаза прозрачнее, чем вода. Его дыхание холодит мою кожу. Он начинает опускать руку от моего лица, но я накрываю ее своей рукой, прижимая ее ближе. Его пальцы теплые и сильные, такие же сильные как и весь он.

Прежде чем он может отступить, я наклоняюсь и целую его. Сначала мягко, как будто это мой первый поцелуй, и я не совсем понимаю его механику. Какую-то долю секунды он не целует меня в ответ, и я думаю, может быть он и не собирается. Только мысль об этом заставляет скрутиться желудок в спазме, заставляет меня хотеть его больше, заставляет меня хотеть прижаться ближе, прижать свои губы к его сильнее. И только когда я думаю, что не вынесу этого больше, он целует меня в ответ.

Он поднимает раненую руку с моих коленей, так что его ладони оказываются по обе стороны моего лица, обхватывая мои щеки. Пластырь кажется грубым рядом с моей кожей; я чувствую запах его крови и пота, несвежего пива, что должно быть впиталось в его одежду на барной парковке. Я пропускаю пальцы сквозь его темные волосы, аккуратно смахивая крошечные кусочки гравия от земли.

Поцелуй, кажется, длится вечность, и все же, заканчивается слишком скоро. Джес отстраняется первым.

— Мы должны идти, — говорит он, спрыгивая на землю. На его лице такое выражение, в тумане и дожде, и в облачном свете льющемся вниз с уличного фонаря над нами, которое я видела прежде. Выражение, понимаю я сейчас, которое только для меня.

— Эй, — говорю я, осмелев. — В тот день на пляже в Кенсингтоне. На самом деле, ты пришел на сторону пляжа Пита не из-за волн, не так ли? Ты был там из-за меня?

Джес улыбается.

— А ты как думаешь? — говорит он.

Он спускает меня с грузовика и берет меня за руку, ведет меня назад на пассажирскую сторону, открывая для меня дверь. Когда он заходит с другой стороны, я перемещаюсь через сиденье, чтобы прислониться к нему и прислоняю голову на его плечо. Когда он выезжает на шоссе, он обнимает меня и я засыпаю, слушая стук дождя по крыше грузовика.

Я просыпаюсь через пару часов, на автостоянке другого отеля, почти похожим на тот, из которого мы уехали этим утром. Разница лишь в том, что парковка заполнена и мигает знак МЕСТ со словом НЕТ перед ним. Дождь увеличился с моросящего до ливня, и Джес бежит из вестибюля отеля к машине.

— Выходи, — говорит он, открывая мою дверь. Он снимает свою толстовку и держит над головой, чтобы я не промокла, другой рукой обнимает меня, держа близко к себе. Он такой теплый, интересно, что это было бы, заползти внутрь него.

— Здесь говорится, что мест нет, — говорю я, указывая на знак над нами.

Джес качает головой.

— Милая, я забронировал номер несколько дней назад. В ту же секунду, когда услышал об этих волнах.

Я становлюсь на цыпочки и снова его целую, на этот раз быстро. Когда я отстраняюсь, он говорит:

— Я снова взял для нас отдельные кровати.

— Тебе не нужно было это делать, — отвечаю я, обернув руки вокруг его талии, пока мы идем к нашему номеру. Я не шучу. Я хочу оставаться рядом с ним так долго, как это возможно.

Длинное тело Джеса скрутилось вокруг меня, когда мы наконец заснули. Я сосредоточилась на тяжести его руки, лежащей на моей груди, тепле его коленей сжимающих мои икры. Я упираюсь спиной к его груди, чувствуя как сгибаются его мускулы, когда он подтягивает меня в свои объятия.

Вскоре, дыхание Джеса замедляется и его мышцы расслабляются. Он спит, а я проснулась. Хотя я ненавижу оставлять какое-то пространство между нами, я откатываюсь. Ему нужен отдых на завтра; я не хочу его будить только потому, что мне нужно. И не уверена, что хочу говорить с ним о причинах моего беспокойства. Как я оказалась здесь, лежащей в постели с парнем, даже фамилии которого я не знаю? Я даже не знаю названия города, в котором находится этот отель. Он наркоторговец, он может применять насилие, может быть жестоким. Он причина того, что Пит вышвырнул моих братьев в январе, причина того, что я все еще не приблизилась к тому, чтобы найти их, как и в день окончания школы.

И все же, слушая разбивающиеся волны через открытое окно, я знаю, что я все ближе. Я поднимаюсь и соскальзываю с кровати. Мы выбрали кровать ближе к окну; Джес бросил рюкзак с вещами на вторую кровать, а в остальном, она абсолютно нетронута.

Я никогда не делала ничего подобного. Боже мой, до прошлой ночи, я никогда не была в отеле вроде этого. В комнате всего одна лампа — на тумбочке между кроватями, и когда Джес пытался включить ее раньше, лампа слабо мерцала. Я даже не хочу думать о том, когда в последний раз убиралась ванная комната; вокруг сливного отверстия кольцо песка. И каждая поверхность в комнате покрыта пылью, так что кажется, что никто не останавливался здесь месяцами. Как, я полагаю, и было. Это место, вероятно, заполняется только во время больших волн, а по словам Джеса этого не было с января.

Когда мои братья были здесь. Может быть, они останавливались в этом самом отеле. Должно было быть слишком холодно, чтобы ночевать на пляже. Может быть они убедили кого-то из друзей позволить им разместиться на полу в их комнате, или может быть, они использовали последние из их накоплений, чтобы оплатить собственную комнату.

Нет; они бы уже давно потратили деньги, которые взяли, когда ушли из дома.

Я оглянулась на Джеса; он лег на спину и тихо похрапывает. Этот утешительный звук напоминает о том, что я не одна. С его доходами от торговли наркотиками, он мог позволить себе остаться в любом месте. Он мог бы зарегистрировать нам пяти-звездный отель. Тот факт, что он выбрал это место, заставляет его нравиться мне еще больше. Сюда прибывают серферы. Мы нигде бы не могли остановиться так близко к воде.

Я беру его свитер и надеваю его, вдыхая его запах; порошка и пота, пива и соли, и чего-то еще, что-то только Джеса. Выскальзываю в дверь, осторожно закрываю ее за собой, так тихо как это возможно. Не хочу, чтобы он шел за мной.

Дождь прекратился, но воздух заволкло туманом. Я едва вижу три фунта перед собой. Я иду босиком через стоянку отеля на пляж, ощущая песок между пальцев. Под ногами холодно, не осталось и следа от дневной жары.

Рев океана нарастает все больше и больше, не только потому, что я приближаюсь к воде, а потому, что волны поднимаются. Ведьмино дерево может не разрушится до завтрашнего утра, но теперь океан подготовлен для нее, как танцор на разминке перед большим

представлением. Полная луна надо мной, тянет приливы и отливы во все стороны.

Я иду, до тех пор пока песок не становится влажным и мокрым под ногами, пока не чувствую бьющиеся об мои пальцы волны. Слышу что-то слева — крик, смех, плач. Не уверена. В отдалении, где раньше была лишь тьма, вижу намек на свет, кто-то разжигает огонь. Смотрю как он нарастает из обычного пламя в пылающий огонь, светящийся и блестящий сквозь туман.

Улыбаюсь, вспоминая огонь на пляже ночью, когда я выпустилась, когда впервые увидела Пита. Я никогда не видела, чтобы кто-то двигался на воде так, как он; он выглядел, как будто это то, что он задумал. Было ли это случайностью, когда Пит оставил Кенсингтон той ночью, спустившись в Ньюпорт, на пляж, где мы с одноклассниками праздновали?

Даже теперь, находясь в ярдах от костра на пляже, я чувствую тепло, просто зная, что он там. Я сильно влюбилась в Пита, а сейчас я быстро влюбляюсь в Джеса.

Как такое возможно? Чувствовать такие сильные эмоции к двум разным людям, к одному за другим? Может, родители и Фиона были правы на счет всего. Может, я сумасшедшая. По крайней мере, немного. Я должна быть немного сумасшедшей, чтобы делать то, что я делаю последние несколько месяцев, не так ли? И мне придется быть хоть немного сумасшедшей, чтобы получить столько удовольствия сколько смогу. Даже несмотря на страх и боль в груди, несмотря на ложь Пита и пыль Джеса, я никогда не чувствовала себя настолько живой.

Другой звук плывет к пляжу от костра. На этот раз, это крик. Кто-то кого-то зовет. Должно быть, группа серферов, готовится к завтрашнему дню. Может быть, они празднуют приход волн. Я шурю в тумане, пытаюсь разглядеть фигуры людей, сидящих у костра; отсюда, мне видно только тени.

Но затем, одна из теней поворачивается; я вижу профиль, который узнаю. Срываюсь на бег, но костер дальше, чем я думала. Я задыхаюсь, когда еще один силуэт попадает в поле зрения. Между тяжелыми вдохами, я кричу:

— Джон! Майкл! — я рассчитываю, что они обернутся, когда услышат мой голос. — Джон! Майкл! — я хрипло кричу. Кашляю; у меня колит в правом боку. Жаль, что я была сильнее, быстрее, выносливее. Джес или Пит были бы там уже сейчас. Они бы бросились к пляжу за две секунды.

— Пожалуйста! — кричу я и, пока бегу, фигуры рассеиваются. С океана дует ветер и огонь поднимается страшной высоты; на секунду, похоже, что он вот-вот взорвется, и я замираю на месте. Как вдруг, языки пламени начали уменьшаться до тех пор, пока они полностью не исчезли.

— Нет! — кричу я, заставляя себя бежать быстрее, дышать усерднее — что угодно, лишь бы добраться туда, прежде чем у братьев появится шанс снова исчезнуть. — Пожалуйста! — говорю еще раз, но к тому времени я достаточно близко, чтобы чувствовать запах дыма от теперь гаснущего огня, все уши.

Ветер задувает волосы прямо в лицо, ослепляя меня. Я уворачиваюсь от него, желая его отогнать. Я опять зову братьев по именам, но ветер далеко разносит мой голос, прежде чем слова далеко унесутся.

Я вся вспотела в толстовке Джеса, но я никогда не была такой холодной. Даже слезы, которые текут по щекам, чувствуются льдом. Я так устала гоняться за призраками. Я просто хочу найти братьев и держать их, чувствовать их в своих руках, осязаемых и неоспоримых.

Медленно, восстанавливая дыхание, иду обратно откуда пришла. Тусклый свет от

вестибюля отеля едва видим здесь, но этого достаточно, чтобы найти дорогу обратно. Я смотрю в небо, пока иду, ожидая луч надежды.

И загадываю желание на вторую звезду, которую вижу.

В четыре утра Джес будит меня, осторожно тряся. Моя одежда всё ещё влажная из-за полуночной пробежки сквозь туман, но если Джес и заметил это, он ничего не сказал.

— Нам пора идти, — говорит он, целуя моё плечо. — Ведьма зовёт нас.

Взрыв адреналина заставляет меня подпрыгнуть с кровати. Волна разбивается.

На пути к гавани туман настолько густой, что Джес едет со скоростью улитки, осторожно объезжая выбоины на дороге. Я не вижу ничего на расстоянии шести футов вокруг нас (прим. пер. около 2-ух метров) — неужели люди в самом деле собираются заниматься серфингом в этом густом тумане? Джес объясняет, что мы едем в гавань, чтобы арендовать лодку на день.

— Зачем нам нужна лодка?

— "Ведмино Дерево" разбивается не на берегу, нужно взять лодку, чтобы добраться туда.

— Как может волна разбиваться посреди океана?

— Волны образуются из-за изменений рельефа океанского дна. Рифы — одно из таких изменений. Волна южнее Сан Диего, называемая Кортес, разбивается над затонувшим островом. Мне нужно найти партнера, чтобы буксировать меня, — продолжает он. Джес объясняет, что единственный способ оседлать волну, подобную Ведминому Дереву, это буксировать к ней на гидроцикле, вроде того, что сзади в грузовике. — Но я совершенно уверен, что найти партнера будет не проблема как только мы достигнем гавани и предложим кому-нибудь бесплатную прогулку.

Я киваю, интересуясь, сколько стоит нанять лодку и капитана на день, и сколько стоит гидроцикл.

— У тебя на лице такое безобразие, — говорю я. Его синяк за ночь превратился из фиолетового в жёлтый.

Джес смеётся, морщась.

— Если моё лицо будет так часто видоизменяться, ты меня больше не захочешь, так?

— Раньше ты был слишком красив, — отвечаю я. — Теперь ты немного похож на одного из нас.

Джес снова смеётся, перемещая свою правую руку на моё колено. Его ладонь всё ещё покрывает пластырь. Порез будет жечь, когда солёная вода просочится под повязку, но я знаю, что его это не заботит. Как он сказал — понадобится больше, чем несколько ссадин и синяков, чтобы удержать его вне воды.

Я почти рассказала ему, что видела на пляже прошлой ночью; я хотела поговорить о костре и видении Джона и Майкла. Я должна быть более взволнована: я видела их, они здесь, Джес был прав. Естественно, они будут в гавани сегодня, надеясь прокатиться на "Ведмином Дереве". Но я держала свой рот закрытым. Я не совсем уверена, что вообще что-то видела прошлой ночью. Может быть, это был кто-то другой. Может быть, это был просто сон наяву. Я прижимаю ладони к глазам, как если бы от того, что потру их достаточно сильно, я буду в состоянии отличить сон от реальности, отличить призрака от человека.

— Все в порядке? — спрашивает Джес, поглядывая на меня, в то время как тянет грузовик на многолюдную песчаную стоянку возле доков. Даже привязанные к земле, лодки покачиваются и переворачиваются, шумно натываясь на пирс. Я никогда не видела океан

таким порывистым, похожим на горнолыжный склон, покрытый буграми.

— Прекрасно, — отвечаю я, отстегивая ремень безопасности. Но мои руки трясутся.

Перед тем, как открыть дверь, Джес наклоняется и успокаивает меня, прижимаясь своей щекой с синяком к моей гладкой щеке.

На пирсе холодно; солнце в нескольких часах от восхода и, судя по тому что облачно, я не уверена что оно полностью покажется сегодня на весь день. Ветер хлещет меня по лицу моими же волосами, и я борюсь с желанием завязать их обратно в хвост. Несмотря на ранний час, это место заполнено; половина собравшихся уже в своих гидрокостюмах поддерживают доски для серфинга. Съёмочная группа разбирается с оборудованием, надеясь на снимки лучшего события дня. Воздух, кажется, заряжен мощью летнего шторма — напоминающий, что этого просто не должно быть в такое время года. Джес говорил, что обычно шторм появляется за несколько дней до больших волн, но не думаю, что эту бурю беспокоит то, как обычно всё происходит. Интересно, как далеко ехали все эти серферы.

Как сказал Джес, серфинг на этих волнах в августе — событие, которое бывает лишь раз в жизни. Но я не чувствую, что сейчас начало августа. Холодно. Пока Джес направляет лодку, я пробиваюсь через толпу, ища Джона и Майкла. Концентрируюсь, чтобы услышать звук их голосов сквозь завывание ветра, волн, болтовню людей, которые здесь собрались. Никто, кажется, не против, что я врезаюсь в них — они все сосредоточены на воде, — но все равно, мне хотелось быть маленькой как Белла. Она бы легко смогла протиснуться между этими людьми, как мышь, исчезающая в своей норе.

Вдруг, звучит оглушающий звук из мегафона:

— Гавань закрыта. Повторяю, ни одна лодка не запустится из гавани сегодня.

Он пытается объяснить, что условия настолько плохие, и видимость настолько ограничена, что береговая охрана закрыла пляжи на несколько миль вокруг, но практически невозможно ничего услышать, потому что толпа взрывается рядом криков. Я проталкиваюсь сквозь них, в то время как серферы поднимают руки и доски в знак протеста. Никто сегодня не будет заниматься серфингом на Ведьмином дереве, после всего, через что они прошли. Толпа быстро рассеивается — каждый пробирается, чтобы проложить путь к следующей волне.

— Подождите! — говорю я и выкрикиваю имена братьев. Но мой голос уносит ветер.

Слышу, как кто-то говорит, что они направляются на побережье Мэйверика, кто-то ещё говорит, что они собираются к "Убийце" — волна в Мексике; волнение, несомненно, создаст тяжёлые волны на юге за пару дней. И там легче обойти береговую охрану.

— Подождите! — кричу я снова, догоняя серферов на автостоянке.

Чувствую тепло руки Джеса, проскальзывающую в мою.

— Вперёд, — говорит он, кивая в сторону своего грузовика. — Давай вернёмся в мотель.

Качаю головой:

— Куда мы пойдём дальше? — спрашиваю я отчаянно, но позволяю ему вывести меня к машине. Как такая большая толпа могла исчезнуть так быстро? Я отчаянно смотрю на немногих серферов, которые уходят, пытаюсь найти знакомое лицо. И затем, я вижу одно. Не то, что я искала, но последнее лицо, которое я ожидала увидеть.

— Пит, — говорю я тихо.

Каким-то образом — над ветром и волнами — он слышит меня. Мой живот скручивает; я выпускаю руку Джеса и останавливаюсь. Джес останавливается и поворачивается,

смотрит, на кого я уставилась. Я растираю руки друг о друга, будто пытаюсь согреться, но, на самом деле, пытаюсь оттереть прикосновение Джеса. Почему я не хочу, чтобы Пит видел меня, держащую Джеса за руку? Когда я видела его в последний раз, то сказала ему, что не хочу никогда видеть его снова. Так почему же мне не всё равно, знает ли он, что я с Джесом — а я с Джесом?

Белла появляется из-за Пита, сморщившись сначала на меня, потом на Джеса. Она, кажется, не удивлена увидеть нас здесь. Пит, наоборот, выглядит совершенно поражённым. Чувствую, что горячо покраснела.

— Что ты делаешь? — кричит Пит. Его слова обращены ко мне, но он смотрит на Джеса.

— Я ищу Джона и Майкла, — кричу в ответ, но голос звучит слабо, пронзительно, нерешительно.

Пит пересекает стоянку, пока не останавливается так близко, что я могла бы протянуть руку и прикоснуться к нему. Белла идет за ним, наряду с несколькими лицами, которые я узнаю — включая Хью и Мэтта.

— Я ищу своих братьев, — повторяю я.

Даже если это правда, мои слова похожи на ложь. Пит делает шаг ближе — не ко мне, а к Джесу.

— Не используй её, чтобы отомстить мне, — говорит он холодно.

Поднимается ветер, заметая песок в мои глаза, ослепляя меня.

— Что? — кричу я.

Слышу голос Джеса:

— Я не... — но Пит его обрывает.

— Не то чтобы я удивлен, — говорит он. — Это в твоём стиле. И ты никогда не смог бы смириться с тем, что Белла выбрала меня.

Пытаюсь открыть глаза, но тело отказывается. Из-за песка слёзы текут из глаз.

— Однажды она вернулась в здравый ум, хотя выбор был очевиден. Скажи мне, Джес, тебе и Венди пришлось подсунуть наркотики?

Встряхиваю головой. Вспоминаю лицо Джеса прошлой ночью — когда он наклонялся, чтобы поцеловать меня. Большие мускулы его торса, когда он снимал толстовку через голову. Изгиб его спины, когда он дотянулся до выключателя света, погружая комнату в темноту. Его руки на моей коже, его лицо рядом с моим.

— Пит, — говорю я, заставляя глаза открыться. Его лицо расплывчатое передо мной, словно импрессионистская картина. — О чём ты говоришь?

— Он тебе не рассказал, Венди? Белла — бывший любимый распылить Джеса, — он говорит слово "любимый", словно это что-то грязное. — До тех пор, пока она не поумнела и не оставила его. Я дал ей место для проживания после того, как он обобрал её до нитки. И он никогда не забывал мне этого.

— Я не понимаю.

— Боже мой, Венди, разве это не очевидно? — кричит Белла. — Я была с Джесом, пока Пит не освободил меня, вразумил, научил серфингу. А сейчас Джес использует тебя, чтобы отомстить Питу — Она поворачивается от меня к Джесу. — Око за око, верно, дорогой?

Наконец Джес говорит:

— Это не так, Венди, — негромко произносит он. — Вовсе нет.

Пит стоит так близко к нему, что Джес даже не может повернуться ко мне лицом.

— Правда? — говорит Пит. — Тогда расскажи мне как. Когда будет достаточно? Ты должен связываться со всеми, о ком я забочусь?

Делаю шаг назад, подальше от них двоих. Ничего из того, что они говорят, не имеет смысла, и всё же они говорят совершенно ясно. Слезы смывают песок из глаз, и я в состоянии видеть ясно, когда Пит поднимает кулак и с грохотом обрушивает его на лицо Джеса — прямо под синяк, который там уже есть.

Слышу, как Джес кричит от боли и смотрю, как он пытается отбросить Пита; он не наносит ни одного удара, только держит его за руки, чтобы защититься. Он выше Пита, но выглядит совершенно беззащитным.

Я отворачиваюсь от драки и пускаюсь в бег, пока между нами не остаётся слишком много густого тумана, чтобы я не могла их видеть.

Я бегу по тропинке к краю стоянки — вверх на скалы, которые выходят на океан. Вероятно, в более приятные дни это то место: куда родители приводят своих детей поиграть, где молодые пары выводят своих собак на прогулку, может быть, даже где назначают романтические свидания с видом на океан.

Но сегодня у океана нет ничего романтического — там, где волны сердито разбиваются о скалы. Струи поднимаются достаточно высоко, чтобы попасть в меня, намочив мой хвост и кожу. Я дрожу. Я почти забыла, что именно по этой причине все сюда и пришли — из-за этих волн. Волны привели сюда Пита и Беллу. Они не пришли, чтобы найти меня или Джона и Майкла; они пришли из-за серфинга. Возможно, это всё, что Джес тоже хотел сделать.

Может быть, я была весьма приятным спутником, чтобы взять меня с собой в поездку. Или, может быть, он использовал меня, чтобы отомстить Питу за то, что он забрал у него Беллу — точно как Пит и сказал. Но тогда зачем он предложил посетить бар вчера? Почему он подверг себя опасности только ради того, чтобы спросить о моих братьях? Я сажусь, несмотря на то, что камни очень острые и холодные, и кладу руки на голову.

Даже если я буду держать курс на Мейверик или до Убийц, продолжая поиски братьев в одиночку, я по-прежнему буду гоняться за простыми слухами, шёпотом, надеждой. Я не нашла улики, только тупик. Безнадёжный детектив на бесконечной охоте.

Тепло чьего-то тела рядом со мной заставляет поднять взгляд.

Пит.

— Эй, — говорит он, присаживаясь рядом со мной.

— Я удивлена, что у тебя есть желание со мной сидеть. Понимаешь, после моего объединения с твоим заклятым врагом и всё такое.

Пит смеётся моему выбору слов, как будто он и Джес — два супергероя, сражающиеся за мировое господство.

— Это я виноват в том, что ты была с ним, Венди. Если бы я был честен с тобой с самого начала...

— Тогда почему не был? — перебиваю я. — Правда. Я больше не сержусь.

— Нет?

Качаю головой. Я слишком устала быть рассерженной.

— Я только хочу это понять.

— Я сказал тебе. Я хотел быть с тобой больше времени. — Он выглядит таким убедительным, таким очаровательным, как маленький ребенок, просящий у матери ещё один кусочек торта, другую конфету, больше времени на детской площадке, ещё несколько минут на пляже.

— Ты думал, что если я узнаю о том, что ты не смог бы помочь мне найти братьев, я сразу бы потеряла всякий интерес к тебе?

Если бы он только знал. Дело в том, что меня тянуло к нему с того самого первого раза, когда я увидела его на пляже, хотя сейчас и кажется, что это было миллион лет назад. Когда я пошла с ним в Кенсингтон на следующий день, это было только потому, что я искала братьев, конечно. А ещё потому, что просто этого хотела. Потому что хотела узнать, где он был главным.

— Нет, — отвечает он. — Но я ужасно себя чувствовал, зная, что они были твоими

братьями и пропали. И я чувствовал ответственность. Я знал, что если ты узнаешь о том, что это я выгнал их, ты никогда меня не простишь.

Он не смотрит на меня, когда говорит это, но смотрит на бушующее море. Слежу за его взглядом. Что это значит — быть привитым к океану, как это было сказано, что тебе не будет позволено быть на суше? Все эти серферы на гавани сегодня — что они сделают с этой скрытой энергией сейчас, когда береговая охрана закрыла пляж?

Как странно думать о океане как о чем-то, что может быть закрыто для бизнеса, запертым и охраняемым. Действительно ли есть такое место, чтобы выбросить всю свою энергию, когда у тебя отняли все шансы, и все потому что то, что ты хочешь — слишком опасная попытка?

Вернувшись взглядом к Питу, я пожимаю плечами.

— Не то, что ты должен делать с наркоманами? Выгонять их? Жестокая любовь или еще в этом роде? — Полагаю, это то, что мои родители пытались сделать, когда они хотели отправить меня в Монтану.

Мои бедные родители. Они, должно быть, очень волнуются. Я представляю их в стеклянном доме, тихо шагающих вокруг, удивленных, что они сделали не так, как они могли быть не такими внимательными, как родители, чьи трое детей почувствовали потребность сбежать.

И Нана; моя собака, вероятно, скучает по мне больше всех. Внезапно, я так сильно по ней соскучилась, что крутит живот, и по родителям тоже. Они просто пытались помочь мне.

Пит качает головой.

— И выгнал их не ради собственного блага, Венди.

Он делает паузу, глубоко вздохнув.

— Я выгнал их по собственному желанию. Для Беллы. Для Хьюи. Я выгнал их, потому что ненавижу Джеса и я не хочу, чтобы кто-то связанный с ним находился в моем доме.

Пит смотрит на меня, его огненно-карие глаза во мраке.

— Я должен был позволить им остаться. Мне следовало умолять их остаться. Мне следовало помочь им вразумиться, так же как Белле.

— Ты помог Белле, потому что любишь ее.

— Но я должен был помочь ей, потому что это было правильно. Мне следовало помочь твоим братьям, потому что это было бы правильно.

Его голос низкий, виноватый. Он вдруг перестает говорить. Огромная волна ударяется о скалы, поднимая брызги и намочив нас, но никто не двигается.

— Я думала, что найду их здесь, — говорю наконец. — Поэтому я пришла, понимаешь? И сейчас, кто знает, куда они направились? — Я удивлена, что смогла высказать слова, через комок в горле. Когда слезы, наконец, переполняют глаза, Пит встает и тянет меня в свои объятия.

— Венди, — говорит он, и мое имя звучит как-то по-другому. Особенно. В объятиях Пита, я чувствую спокойствие и теплоту. Как будто ничего плохого со мной не случится, не надолго, пока я не позволяю ему проводить меня. — Знаю, ты скучаешь по братьям. И мне очень, очень жаль, что я сыграл такую роль. Мне жаль, что я заставил их уйти, и извини, что лгу.

Киваю, моя влажная щека на его рубашке. Ему должно быть холодно, здесь на ветру и сырости, он лишь в футболке и шортах, но каким-то образом, быть в его объятиях — заставляет чувствовать тепло.

— Я знаю, что ты увидишь их снова, Венди, так или иначе. Они были там. — Он указывает на океан. — Они занимались серфингом где-то там. Я знаю это.

Я киваю. Может быть Пит прав? Может Джону и Майклу суждено провести их жизни в поисках следующего большой поездки, как и Пит и, может быть, как и Джес тоже. Может быть, я должна попробовать, научиться жить с этим. Мне нужно научиться жить с этим, если я собираюсь жить собственной жизнью.

— Венди, — говорит Пит мягко. — Думаешь, ты сможешь быть счастлива, несмотря на то, что они ушли?

— Я не знаю, — отвечаю я честно.

— Я знаю, — говорит Пит твердо. — Ты была счастлива в Кенсингтоне. Со мной. Не так ли?

Я закрываю глаза. Я помню как брала волну, пока парни подбадривали меня с пляжа, как стояла перед костром, чтобы согреться, как сидела на скалах с Питом держащим меня так же, как и сейчас. Я никогда не была там просто в поисках братьев; я проводила дни и ночи в том доме на скалах и на пляже — влюбленная в Пита.

Я никогда не чувствовала себя такой свободной, никогда не чувствовала себя настолько живой. Джес сказал, живущие в Кенсингтоне согласятся со мной, и он не ошибался. Может быть, Пит знал это всегда.

— Да, — говорю я наконец. — Я была счастлива там.

— Тогда возвращайся со мной, — говорит Пит быстро. — Приезжай домой.

Мои глаза все еще закрыты, но я вижу как хожу в доме Джеса; жар и ритм его вечеринки, тепло ковра на полу. Я вижу его голубые глаза, которые заметили меня через всю комнату и манили меня ближе. Я чувствую жар его тела напротив моего, пахнет теплым ароматом его кожи. Я не принадлежу ни к пропитанному наркотиками дому Джеса; и не думаю, что принадлежу к заброшенному дому Пита с Беллой, и ребятами.

Но Пит прав. Время идти домой.

— Я не могу, — говорю я мягко, освобождаясь из его объятий. Ветер выпускает воду, продувая мою одежду ровно напротив моего тела, до тех пор, пока он не чувствует, что я могла бы обратиться в бегство. — Мне жаль.

Я уклоняюсь от его карих глаз, его теплых рук и начинаю идти обратно к дороге. Так или иначе, я собираюсь вернуться в Ньюпорт, к стеклянному дому на холме, к моим родителям и моей собаке, к жизни, которую я оставила позади. К жизни, которая ждет меня. Но, как только я ухожу, я слышу голос Пита, несущийся по ветру.

— Белла, другие ребята и я собираемся побыть здесь несколько дней, — говорит он. — Так что, если ты передумаешь, Венди, я буду ждать.

Мой рюкзак кажется тяжелым, когда я поднимаю его возле второй кровати в комнате мотеля. Трудно поверить, что я была так счастлива здесь в объятьях Джеса всего несколько часов назад. Парень у стойки регистрации рассказал мне, что в мили вниз по дороге есть автобусная остановка, где я могу поймать попутку до побережья всего за сорок долларов. Когда этот автобус уедет, я должна быть на нем. Как только буду ближе к дому, позвоню Фионе. Позвоню родителям. Я пойду на терапию, если они этого хотят, я пойду на реабилитацию. Я буду делать все, что они скажут, чтобы вернуться домой, чтобы вернуть жизнь в нужное русло, пойду в Стенфорд, как планировала всю свою жизнь. Я устала гоняться за призраками.

— Не уходи, — говорит чей-то низкий голос позади меня, пораженная, я оборачиваюсь. Я не слышал как Джес вошел. Или он был здесь все это время?

— Я еду домой, — говорю я, качая головой и направляясь к двери. Джес блокирует мой путь. — Пожалуйста, не надо, — говорю я мягко. — Я просто хочу уйти.

— Позволь мне объяснить... — начинает он, но я прерываю его.

— Меня не волнует, привел ли ты меня сюда, чтобы отомстить Питу и Белле. Может быть, меня должно это волновать, но это правда не так. — Я все еще слишком устала, чтобы злиться, и я повторяю. — Я просто хочу вернуться домой.

— Я могу отвезти тебя.

— Нет, спасибо. — говорю я, но он по прежнему блокирует мой путь. Я могла бы протиснуться мимо него, оттолкнуть его с моего пути, но, честно говоря, я не хочу быть так близко к нему. Я не хочу, вдыхать его запах и чувствовать тепло его кожи рядом с моей.

— Я привез тебя сюда не для того, чтобы мстить Питу, — говорит Джес тихо. Он делает шаг в сторону, но к моему большому удивлению, я не выбегаю за дверь.

Вместо этого я спрашиваю.

— Тогда зачем?

— В тот день, когда ты пришла в Кенсингтон, в тот день, когда мы впервые познакомились...

— Технически, мы не познакомились, — перебиваю я. — Не помню, чтобы ты говорил "Привет, я Джес, — местный наркоторговец, приятно познакомиться!".

Он качает головой.

— Я знаю, — соглашается он. — Хорошо. Однажды, на моей подъездной дорожке появился кто-то, кто не искал "пыль". Кто-то, кто понятия не имел, что это был мой дом — дом, где всегда можно было достать наркотики.

Опускаю рюкзак с вещами на пол и сажусь на край кровати. Джес продолжает.

— И, глядя как ты занимаешься серфингом одна, каждое утро. Ты была бесстрашна.

Я качаю головой. Я не чувствую бесстрашия. Мне было страшно, но я просто так сильно хотела взять эти волны. Точно также я хотела найти братьев — так сильно, больше, чем что-либо еще. Это желание было больше страха: пойти на вечеринку Джеса и принять пыль, лазанье из окна и поездка на побережье с опасным незнакомцем, пойти в "Веселый Роджер".

Джес продолжает:

— И когда ты появилась на моей вечеринке, зная кем я был и чем занимался, — я хотел почувствовать то, что чувствовал, когда ты пришла первый раз, когда ты думала, что я просто

какой-то серфер, живущий на пляже. Потому что это было все, чего я когда-либо хотел. Ты была так зла на меня, Боже, я не знал, что кто-то на пыли может быть таким злым.

— Я действительно не помню, — говорю я, пожимая плечами.

— Ну, я помню. Я был абсолютно трезвый в ту ночь и помню каждое слово, что ты сказала. Ты тогда меня ненавидела. Это чувство, как удар в под дых.

— Поэтому ты залез в мой дом, когда услышал, что Ведьмино дерево будет разбиваться, чтобы попытаться быть моим рыцарем в серебряных доспехах?

Джес качает головой.

— Нет. Больше похоже наоборот. Я думал, если помогу найти этой девушке ее братьев, — это будет первый шаг.

— Первый шаг к чему?

— Первый шаг к переходу, оставить свою старую жизнь позади. Видишь ли, Венди, я начал продавать наркотики, чтобы заработать достаточно денег, чтобы купить гидроцикл, билеты на самолет, новые доски для серфинга и воск. Когда я взялся за это, я хранил каждый цент. Я думал, что что дело только на несколько месяцев и тогда я буду двигаться дальше по жизни. Но, честно говоря, я заработал достаточно количество денег, и довольно давно. Но не перестал заниматься делом.

— Почему?

Он качает головой.

— Может быть, я забыл, что на самом деле хотел сделать в жизни. Я не знаю.

— Да, так и есть.

Джес делает глубокий вдох и с грустью говорит:

— Пит не пойдет со мной, не теперь.

Я ничего не говорю, поэтому он продолжает.

— Венди, именно это я имел в виду, когда сказал, что хочу помочь тебе найти братьев. У меня есть деньги. Каждый раз, следуя за прогнозами, мы будем там. Все время, пока не найдем Джона и Майкла. Венди, — говорит он, подходя ко мне, присев на пол передо мной и взяв мою руку в свою. — Я не хочу просто помочь тебе. Я хочу быть с тобой. Я хочу начать новую главу своей жизни с тобой. Ты пойдешь со мной?

Его голубые глаза полны надежды; он действительно верит, что найти моих братьев — его первый шаг, чтобы оставить старую жизнь позади, и я вижу как сильно он этого хочет. На секунду, я тоже позволяю себе этого хотеть. Это может быть фантастически: собраться и отправиться в Гавайи, Таити, Португалию, Мексику — отслеживая волны, как сыщики, позволяя погоде определять наш путь. Дать Джесу взять на себя инициативу и держать меня за руку, таскать мою сумку и открывать каждую дверь для меня, где бы мы ни были.

Но, как далеко мы заедем? Как много будет дней, как этот? Сколько будет неудач, пока мое сердце не разобьется на такое количество кусочков, что их просто нельзя будет соединить вместе? Я качаю головой. Пит хочет чтобы я была с ним в Кенсингтоне, хочет строить со мной жизнь в доме на скалах. Джесу я нужна как раз по противоположной причине — он хочет покинуть Кенсингтон со мной на его стороне.

Внезапно, я поняла почему Пит не рассказал мне правду о моих братьях. Не только потому, что думал, что я возненавижу его за то, что он вышвырнул их, но и потому, что хотел защитить меня от знания, что они были наркоманами. С самого первого дня в Кенсингтоне, когда он предложил мне позволить ему взять инициативу на себя, позволить уйти моим тревогам, он хотел дать мне то, что, как он думал, сделает меня счастливой.

Но, Джес верил в то, что я достаточно сильна, чтобы погрузиться в поиски вместе с ним. Он хотел разделить свои приключения со мной, хотел, чтобы мы вместе покорили мир. Вместе мы хотели найти моих братьев не важно, как сильно они будут зависеть от наркотиков, когда мы их найдем.

Не уверена, что я такая сильная как думает Джес — бесстрашная.

— Я должна идти домой, — говорю наконец. — Я не могу постоянно наткаться на тупики. Не думаю, что переживу еще больше всего этого.

Я встаю и поднимаю свою сумку, и все это время Джес не пытается удержать меня от ухода. Я сосредоточенно задерживаю взгляд вниз; я не хочу видеть, как он смотрит на меня, пока я ухожу.

Автобусная остановка не многолюдна. На самом деле, она совершенно пуста. Это даже не настоящая автобусная остановка; не такая потрепанная, испорченная погодой скамейка на одной стороне дороги. Но тот парень из отеля сказал идти сюда. Он сказал, что расписание автобусов может быть непредсказуемым, но он обязательно прибудет сюда сегодня. Все, что я должна делать — ждать.

Я сбрасываю сумку и практически падаю на скамейку. Сейчас даже еще нет семи часов утра; дома, Фиона и родители только начинают свой день. Странно, потому что, кажется, что это самый длинный день в моей жизни, а мне еще предстоит такой длинный путь.

Я застегиваю толстовку и натягиваю капюшон на голову. Это толстовка Стенфорда, которую я купила, когда в прошлом году была в кампусе, прежде чем узнала примут ли меня. Я хранило ее в шкафу и не одевала, пока не получила письмо о поступлении.

Солнце еще спрятано за облаками, и воздух туманный и обещает дождь. Хотя сейчас я немного дальше от воды, дует еще сильный и быстрый ветер. Береговая охрана была права на счет закрытия пляжа, решаю я; нет другого пути, каждый должен быть на воде в день, как сегодня.

Вжимаю пальцы в древесину скамьи. Она пронизана резьбой: везде инициалы сердец, грубые, неаккуратные доски для серфинга. У кого-то было время, чтобы вырезать сложную волну на широкой доске. Закрываю глаза и пробегаю пальцами вдоль пика и низа волны, представляя, что я на доске, лечу над ней, мои волосы развиваются сзади, моя позиция более укреплена, чем было в реальной жизни, мое сердце скачет, пока волна скручивается над головой.

— Ой! — вскрикиваю я, поднеся палец ко рту.

Открываю глаза вижу, что из пальца идет кровь; должно быть, я задела обломок в доске. Наклоняюсь, изучая скамейку, как будто будет разница, если я выясню какой именно кусок дерева меня поранил. Вот когда я вижу это, вырезные символы на скамейке рядом со мной: ДД и МД, как будто они сидели рядом со мной.

Я вдруг встаю, мой пульс учащается. Они сидели на этом самом месте, где сижу я, в ожидании автобуса, как я, вдыхая тот воздух, которым дышу я. Подсказка. Все лето, что я думала было тупиком — Кенсингтон, "Веселый Роджер", эта лавочка — это все было рядом из подсказок. И каждая приводила меня на шаг ближе.

Может быть, Джес прав, нам просто нужно постоянно следить за погодой, следовать за волнами, собирая эти подсказки. Я была права с самого начала: мои братья отправили меня на какую-то очень тщательно разработанную охоту на мусор (прим. американская игра) игру в прятки, как та в которую мы играли, когда были маленькими. Ну, тогда, я иду искать, кто не спрятался, я не виновата.

Когда я оставляю скамейку позади и начинаю бежать обратно, по тому же пути, мой рюкзак легкий, как перышко. Грузовик Джеса все еще стоит на стоянке; он пока никуда не ушел. Я стучу в дверь комнаты мотеля, так сильно, что потом мои кулаки будут болеть и будут в синяках.

Мне все равно. Я как Джес: потребуется больше, чем несколько ссадин и ушибов, чтобы теперь удержать меня на воде.

Он открывает дверь и я прыгаю в его объятия, как персонаж из какого-то романтического фильма. Утыкаюсь лицом ему в шею и позволяю ему поднять меня с пола, сумку с вещами и все. Это чувство, когда он такой сильный, что готов нести меня через много миль.

Я задерживаю его, настолько, чтобы поцеловать его и, когда он целует меня в ответ, — я думаю, что никогда ничего не пробовала настолько вкусного.

— Да, — говорю я наконец, крепко его обнимая.

— Да? — повторяет Джес. Это звучит, как будто он не может поверить, что я действительно здесь, прямо сейчас, в его объятиях, не говоря уже о том, чтобы действительно поехать с ним.

Я целую его снова, и тогда говорю.

— Да.

Я не думаю, что я когда-либо вмещала столько смысла в одно слово: Да, я поеду с тобой. Да, я буду наблюдать, как ты катаешься на каждой волне, которую может предложить океан. Да, ты можешь держать меня за руку и открывать двери машины, и везти вперед. Да, вместе мы сможем найти моих братьев.

Да, я тоже хочу быть с тобой.

Не знаю точно, когда заснула, но прежде чем узнаю, Джес трясет меня, чтобы разбудить уже второй раз сегодня.

— Просыпайся, Дарлинг, — говорит он. Мне нравится, как мое имя звучит его низким голосом. — Я займусь серфингом на Ведьмином дереве сегодня.

— Что? — спрашиваю я неуверенно. — Береговая охрана открыла гавань?

Джес качает головой.

— Я нашел капитана, который возьмет меня.

Я улыбаюсь, пока стираю сон из глаз.

— Я думала, ты покончил с жизнью вне закона.

— Это волна один-раз-в-жизни, Венди. Я ее не пропущу.

Удивленная, я киваю.

— Как насчет буксирного партнера? — спрашиваю я, вспоминая Джет Ски, ожидающий в грузовике Джеса.

Джес стонет.

— Знаю. Я не сомневался, что буду в состоянии найти оставших тусовщиков вокруг гавани, но все ушли.

Качаю головой, вспоминая, что говорил Пит несколько часов назад.

— Не все.

Рано днем мы находимся на маленьком пароходке, направляясь к морю. Джес спросил, хочу ли я остаться на берегу, но я ответила, ни в коем случае.

— Я не собираюсь отговаривать тебя от поездки. Но я хочу, чтобы ты знала, что это опасно.

— Когда я сказала "да", я именно это имела в виду, — возразила я. — Я иду с тобой. Я не буду стоять в стороне.

Джес кивает, усмехнувшись.

— Да, не будешь, — согласился он.

Однажды, Белла увидела, чего я добиваюсь, она тоже добивалась ближайшего. Она даже купила доску только для этой поездки, хотя Пит заставил ее поклясться, если погодные условия будут слишком суровые, как только мы доберемся туда. Она согласилась, но по блеску в ее глазах я могу сказать, — так же, как и по блеску в глазах Пита, когда Джес попросил стать его партнером-буксиром на день — ей очень не хватало этой волны.

Джес направляет водный мотоцикл поперек лодки; видимость настолько плохая, что каждые несколько минут он полностью исчезает в тумане, даже если находится не дальше, чем на несколько ярдов. Лодка резко мчится вперед; мы так сильно скачем, что у меня стучат зубы. Я замерзла в свой толстовке и джинсах, промокла. Белла, Пит и Джес надели гидрокостюмы и неопреновые жилеты для плавания.

Вдали от побережья может и была середина лета, но здесь, было холодно, как в декабре. Казалось, что шторм, результатом которого зимой были эти волны, заблудился. Джес кричит нам с гидроцикла; он близок к тому, чтобы перевернуться, и капитан вынужден замедлить ход, пока Джес пытается выровняться.

Нашу маленькую лодку швыряет из стороны в сторону, пока мы ждем. Когда я впервые увидела ее, подпрыгивающую ударяясь о гавань, она не выглядела намного больше, чем

лодки с прикрепленным к корпусу двигателем. Как только мы оказались на борту, я увидела, что по сути, это была рыбацкая лодка. Она пахнет тухлой рыбой и пометом птиц. Здесь есть небольшое место, где капитан может жить. Неудивительно, что он был готов принять оплату Джеса; гавань закрыта для рыбаков, Джес его единственный шанс заработать деньги сегодня.

Он показывает пальцы вверх и капитан срывается с места. Я не могу помочь, интересно только, чего в мире стоит вся эта беда? С все еще такими же плохими погодными условиями, это занимает два часа, чтобы только выйти на волну. Мы уже рискуем жизнью, хотя никто еще даже не пытался заниматься серфингом. Вдруг капитан снижает скорость двигателя — не то, чтобы лодка по-прежнему молчала. Мы еще раскачиваемся взад и вперед, дрейфующие в море. Джес останавливается рядом и предлагает Питу первую поездку.

— Мы на месте? — спрашиваю я. Как они могут даже сказать, что мы в нужном месте?

Пит широко улыбается, пока он прыгает в воду близко к лодке. Джес бросает ему буксирный трос, Пит засовывает ноги в штрипки и они срываются с места.

— Просто подожди, — говорит Белла. Я удивлена видеть ее рядом со мной. Она так широко улыбается, что ее щеки должны болеть. Я никогда не видела ее такой... счастливой.

Джес тянет Питу, который стоит на доске, как будто это водные лыжи. Она по крайней мере на три фута меньше, чем та, которой он пользуется в Кенсингтоне, — с резиновыми креплениями для ног, чтобы держать их в правильно месте. Сначала, я не признаю поднимающейся волны справа от лодки; она выглядит меньше вначале волны и больше, как чудовищный кит, который поднимается на поверхность. Затем она растет из комочка в холм, из холма в гору, из горы в стену.

Джес останавливает гидроцикл и Пит встает, разведя ноги, на доску. Даже, несмотря на то, что они повернуты ко мне спиной, я знаю, что они изучают поворот волны, решая, куда она впадает, когда Пит должен опустить трос и в каком направлении, в каком именно направлении Джес должен будет повернуть гидроцикл, чтобы не попасться, когда волна ударит вниз.

Кажется, прошло несколько часов к тому времени, когда волна наконец-то начинает сворачиваться под себя и снова обрушивается в воду. Брызги доходят до нас даже здесь; я такая мокрая, как если бы нырнула в океан. Я облизываю губы и чувствую вкус соли. Пока волна начинает заново нарастать, Джес перезапускает гидроцикл, умело потянув Пита за собой. Ведьмино дерево не красивая волна; вода зеленая и мутная, не кристально-чистая, как вода на Гавайях или светло-голубая, как на нижнем побережье. Когда волна растет, она становится прерывистой, а не гладкой и стеклообразной, как волны в Кенсингтоне.

Волна поднимается и я жду ее гребень, жду, когда Пит отпустит буксирный трос. Но Джес продолжает держать его, и волна нарастает даже больше, чем предыдущая. Солнце наконец-то, наконец-то пробивается через тучи. И сразу воздух становится кристально чистый. Эта волна даже не похожа на те волны, которые я видела раньше. Они даже ни капли не похожи на те, которые появляются на берегу пляжа Ньюпорт. Не помню, чтобы видела волны, поднимающиеся выше, чем на десять футов; это волна вырастает больше чем на двадцать, тридцать, пятьдесят — это совершенно разные вещи.

Когда Пит, наконец, отпускает трос и прыгает в волну, похоже, что он в свободном падении напротив скалы. Это выглядит как безумие. Это выглядит как сумасшествие. Но еще это выглядит грациозно. Не думаю, что смогу отвернуться, даже если захочу; это как будто магнитом, притягивает мой взгляд все ближе и ближе к волне. Пит сделал это; так было и с Джесом и, возможно, с моими братьями тоже.

Пит переходит на разлетающиеся в сторону волны, а Джес возвращается обратно, чтобы забрать его из воды. Даже отсюда, даже сквозь шум разбивающихся волн и ветер, я слышу как они кричат. Джес берет следующую волну. Он летит вниз лицом, вода под ним почти черная, за исключением белой линии пены, которая остается из-за его доски. Он широко держит руки, его левая рука прямо напротив волны за ним, как будто она твердая, как стена. Но тогда я думаю, что это именно это и есть, — стена из воды.

Небоскреб прямо здесь, посередине моря. Его черные волосы блестят на солнце, и его поездка, кажется, длится часами, пока волна продолжает нарастать перед нами. Пит отплывает на гидроцикле от этого места; он следит за тем, чтобы вытащить Джеса из тумана, когда его поездка закончится.

— Может быть, они супергерои, — говорю я.

— Что? — спрашивает Белла.

Качаю головой.

— Просто подумала раньше. Что они, как два супергероя, которые борются за мировое господство.

Белла смеется, удивляя меня.

— Да, и посмотри, что она могут сделать, когда объединяют силы, — говорит она в то время, пока волна скручивается над головой Джеса, обрушившись в океан с оглушительным грохотом.

Волна снова начинает нарастать, и мне интересно, кто будет следующим кататься. Лодку сильно качает из стороны в сторону. Мои родители провели свой медовый месяц на яхте в южной части Тихого океана; отец рассказывал однажды, что спал в открытом океане, волны разбивались о борт судна, это было похоже на сон в огромной колыбели.

Память заставляет сильно расхохотаться. Находиться на этой лодке, как будто быть в пасти огромного животного, одного из тех, которые взбивают свою жертву, оглушая ее прежде, чем убивает ее. Я смотрю как волны поднимаются и снова падают, как будто я ее владею, пока это чувство не появляется из глубины моей души, пока не могу вспомнить, как бы ни старалась, — каково это, стоять на твердой земле.

Рядом со мной, Белла поднимает свою доску.

— Моя очередь, — говорит он, махая ребятам, чтобы они вернулись к лодке для нее.

— Удачи, — кричу я, когда она прыгает за борт.

Джес обнимает меня, пока мы смотрим как Пит буксирует Беллу в сторону от лодки.

— Ты должно быть, замерзла, — говорит он, потирая мои руки вверх и вниз своими огромными ручищами.

Качаю головой. Больше всего меня удивляет, что мне тепло; я вся вспотела. Адреналин расплзается по всему телу. Я представляю, как много волн таких, как эта здесь будет, сколько раз я буду наблюдать, как Джес занимается серфингом на последнем монстре, которого может предложить океан.

— Я не могу ждать, — говорю вслух, Джес целует меня в макушку, понимая о чем я говорю.

Пока Пит тянет Беллу в волны, солнце прячется за облаками и начинается дождь. Но даже отсюда я вижу, что Белла не собирается останавливаться.

— Эта девушка разрушает, — говорит Джес, с ноткой гордости в голосе. — Я могу по пальцам пересчитать количество девушек в мире, которые достаточно сильные, чтобы взять эту волну.

— Эй! — я тычу его локтем в ребро. — Не наезжай на девушку серфера.

Джес серьезно качает головой.

— Я не собирался, — он натягивает капюшон толстовки мне на голову. — Как раз наоборот.

На секунду Белла отпускает буксирный трос, небо открыто; то, что было дождем, стало ливнем. Я полагаю, дождь на самом деле не имеет значения; вы все уже так промокли. Но без солнца, практически ничего не видно.

Я должна сконцентрироваться, чтобы увидеть белые мелированные волосы Беллы на поверхности воды. Если верхушка волны не была с белой пеной, я бы не увидела момент, когда вода изменилась, свалившись на нее с такой силой и скоростью, что это меня потрясло, как будто волна — это живое существо обычного вида двигалось на Беллу на поверхности.

Белла переворачивается с доски вверх ногами. Пит пытается повернуть гидроцикл, но почему-то волна еще собирается внизу. Пит не может ехать прямо в центр, где Белла сейчас плавала. Джес и я молча наблюдаем не отводя взгляд от того места, где белокурая голова Беллы появляется и снова исчезает.

Поверхность воды полностью покрылась белой пеной и Пит ведет гидроцикл в опасной близости. Джес объясняет, что гидроцикл просто не может доехать до тумана; в таких условиях, с пеной, двигатель не получает достаточное количество воды, чтобы продвинуться вперед.

— Он остановится, если не будет осторожен, — говорит Джес с каменным выражением лица. Но мы оба знаем: ничто не поможет ему добраться до Беллы.

— Стой! — говорю я отчаянно, но слишком поздно, он уже сделал это, поплыл в сторону волны. Океан такой шумный сейчас, что я не думаю, чтобы он смог услышать меня вообще.

Джес направляется туда, где Пит ждет на гидроцикле, только за пределами зоны воздействия волны. Он взбирается, пока Пит бросается с него и начинает плыть к Белле. Медленно, осторожно, Джес направляет гидроцикл следом. Кажется, проходят часы, прежде

чем Пит добрался до Беллы и пытается вытащить ее из тумана на гидроцикл. Джес отрывается от воды в сторону лодки, оставив Пита сзади, чтобы попытаться проплыть оттуда сюда.

— Сюда! — кричит Джес; он едва останавливает гидроцикл, когда поднимает Беллу в мою сторону. Я хватаю ее за подмышки и тяну на палубу. Она тихо стонет. Джес поворачивает обратно за Питом и вместе они карабкаются на лодку, оставив гидроцикл позади.

— Вперед! — кричит Пит на капитана.

— Что с гидроциклом? — спрашиваю, тупо глядя на море. Доска Беллы тоже осталась где-то там.

— Забудь, — говорит Джес, опустившись на колени рядом с Беллой. И тогда я вижу, что палуба залита кровью. На правой ноге Беллы разрезан гидрокостюм, и оттуда течет кровь.

— Боже мой, — шепчу я.

— Должно быть, она порезалась об плавник доски. — сказал Джес.

Он и Пит работают вместе, они обвязывают полотенце вокруг ее ноги, чтобы остановить кровотечение. Сейчас я замерзла; я не могу перестать дрожать. Мотор ревет и выплевывает воду, пока лодка отрывается от воды, капитан проводит путь через зыбь, отчаянно пытаясь привести нас обратно к берегу. Но прошло десять, двадцать, уже тридцать минут, а мы едва двигаемся. Я все еще слышу шум Ведьминого дерева за нами.

Меньше, но все равно большие волны поднимаются перед нами. Такое ощущение, как будто мы попали в ловушку между горами. Джес опускает меня обратно на палубу рядом с ним и обнимает меня. Пит перемещает ноги Беллы к себе на колени, плотно прижимая ее рану. Я думаю, что если бы он смог обернуть все свое тело вокруг нее, он бы так и сделал.

— Что мы делаем? — шепчу Джесу. Белла выглядит маленькой и бледной, а лужа крови под ее ногой продолжает расти; хватка Пита и пропитанные полотенца, мы связаны вокруг нее и нет никакой разницы. Джес качает головой.

Белла стонет; сначала тихо, потом громче.

— Точно такой. Точно такой.

— Шшш, Белла, — шепчет Пит. — Подожди еще немного.

Но Белла качает головой и пытается сесть. Ее глаза с трепетом открываются, и она смотрит прямо на меня.

— Точно такой, — кажется, что это стоит каждой капли ее сил, чтобы разговаривать. Есть что-то, что она пытается сказать и я достаточно знаю Беллу, чтобы быть уверенной, — если она решится что-то сделать, она это сделает, даже если ей нужно приложить усилия, чтобы дышать.

И с удивлением я понимаю, что это то, что нас объединяет, — то выражение на наших лицах, когда мы решаемся что-то сделать, выражение, которое признал Джес, когда смотрел, как я сама занималась серфингом.

Тогда я спрашиваю:

— Что точно такой, Белла?

— Океан. Такой же, как и в тот день.

— Какой день?

Серые глаза Беллы не потеряли стального взгляда; он смыкается на мне, пока она говорит.

— День, когда твои братья пропали.

Я чувствую себя, как воздушный шар, который только что вскрыли; из меня вышел весь воздух и я не уверена, что смогу когда-либо еще вдохнуть.

— Я была там, — говорит она, борясь с каждым словом. — Шесть месяцев назад. Я была там. Здесь. Они были на пыли, — ее взгляд перемещается от меня к Джесу.

— Они занимались серфингом под пылью? — недоверчиво спрашивает Пит. — Даже в Кенси невозможно серфить под наркотиками.

Белла слабо кивает.

— Я пыталась их остановить, — шепчет она; я почти не слышу ее из-за ветра и дождя.

— Клянусь, я пыталась. Но они не желали слушать.

— Она плачет; или, может быть, это дождь на ее лице. Не могу сказать, является ли вода на моем лице изнутри, как раньше.

— Я уже говорила тебе, — добавляет она. — Прежде чем ты ушла из нашего дома, я уже говорила тебе, но я просто не смогла. — Она качает головой. — Просто не смогла, — повторяет она, ее невысказанное извинение плавает в тумане между нами.

Я чуть не рассмеялась из-за мыслей этой девушки, этот "мотор", который не колебался, прежде чем плескаться в океане, — не в состоянии мне что-то рассказать.

— Я их видела, — говорит она отчаянно. — Я продолжала смотреть на них каждую секунду, пока...

Невысказанные слова остались висеть в воздухе; она смотрела на них каждую секунду, пока больше не смогла. Пока они исчезали. Качаю головой, вспоминая людей, которых видела на пляже прошлой ночью, голоса, которые слышала. Они должны были быть призраками. Осторожно, упираясь о мокрую палубу, а затем ухватившись за край доски, я встаю. Лодка шныряет в стороны и качает; капитан кричит на меня со своего места управления лодкой.

— Сядь, Венди, — говорит Джес, дотягиваясь до меня. — Это не безопасно.

Я качаю головой, осторожно пятаюсь от него. Я должна вцепиться в край лодки, чтобы не упасть, пока океан швыряет нас вокруг, как дикий мустанг. Капитан продолжает кричать, указывая на что-то позади меня. Я начинаю поворачиваться; волна вдвое больше любой, какую я когда-либо видела, кажется зданием передо мной.

Мои братья мертвы. Джес и я можем обыскать каждую волну в мире, мы можем следить за каждым накатом ветровых волн: мы никогда не найдем их. Они исчезли полгода назад, как все и говорили. Я ошибалась, что смогу их найти и вернуть домой, ошибалась сильнее, чем кто-либо, когда-либо, и в чем-либо. Сильнее, чем Джес, когда продал им наркотики, сильнее, чем Пит, который лгал мне, сильнее, чем Белла, которая скрывала правду.

Я свободна.

Первое, что я чувствую — это холод. Я думала, что мне было холодно на лодке, но это что-то другое. Этот холод потрясает меня, пройдясь по всем моим костям, так ослепляя меня, что я даже больше не могу смотреть на лодку. Только интересно, как сильно меня швырнула волна. На секунду, прежде чем я падаю в воду, — это чувство полета.

Вода не мягкая от удара. Она тяжелая как лед на коже. Инстинкт подсказывает бороться, оставаться на поверхности воды, борясь с волнами, которые тянут меня вниз снова и снова. Я отчаянно машу руками; только не могу найти выход на поверхность. Может быть, я плаваю глубоко, когда думаю, что нахожусь на поверхности. Открываю рот, чтобы вдохнуть кислорода, искренне удивляясь, что нахожусь под водой и вместо воздуха, рот наполняется жидкостью.

Интересно, как долго я удержу дыхание. Я всегда слышала, что в подобных ситуациях, вы обнаруживаете, что можете выжить без кислорода дольше, чем кажется. Белла, Пит и Джес, все плавали в этой воде передо мной и выжили; но у них были плавательные жилеты, а все, что есть у меня, это толстовка, которая, кажется, весит тысячу фунтов.

Как долго братья боролись в воде? Как долго они были в состоянии сдерживать дыхание? Они были вместе, или волны их разъединили друг от друга? Смотрели ли остальные, беспомощные, как человек, который был так близко к свету, исчез под водой в последний раз? Они сейчас где-то здесь, плавают подо мной и ждут, когда я к ним присоединюсь?

Вдруг я хочу плыть ниже, ниже, ниже, в глубины ледяной воды ниже меня. Там остался единственный путь, где я найду братьев, даже если не приведу их домой, как планировала. Но я присоединюсь к ним. Вскидываю руки над головой, пытаюсь окунуться глубже. Затем кто-то хватает меня и поднимает вверх.

— Не оставляй меня, — говорит Джес низким голосом. Должно быть, он прыгнул вслед за мной; конечно он прыгнул вслед за мной.

Он держит меня крепче, чем удерживал когда-либо раньше.

— Не оставляй меня, — снова говорит он, но я не могу обнять его, не могу вцепиться пальцами. Может, они замерзли от холода или, может быть, просто не хотят. Возможно, мое тело уже позаботилось об этом; оно готово отпустить.

Моя голова опять скользит на поверхности и Джес пытается вытянуть меня вверх.

Представляю, как мои легкие наполняются водой каждый раз, когда я ухожу под нее, только каждый раз немного больше. Кто знал, что возможно тонуть так медленно?

Каждый раз, когда я всплываю, я слышу голос Джеса.

— Мне жаль.

— Я люблю тебя.

— Я потрачу остаток...

Затем я больше ничего не слышу.

Я проснулась ненадолго, но пока не открывала глаза. Не уверена, что снова захочу открыть их когда-нибудь. Пытаюсь заставить себя уснуть, но здесь так шумно, что я удивляюсь, как могла спать вообще. Здесь звуковой сигнал какой-то машины рядом с моей головой, которая, кажется, измеряет мой пульс, звук шагов, эхо смеха, и откуда-то неподалеку срочный вызов медсестры.

Я в больнице. Это очевидно. Чувствую как иголка вонзается в мою левую руку. Все тело болит, и шея кажется такой жесткой, что я не могу повернуть голову; позже я узнаю, что у меня сломана ключица, наряду с несколькими ребрами.

Это мои легкие, которые не дают мне уйти, — я пытаюсь сделать глубокий вдох, но вместо этого начинаю мучительно кашлять. Такое чувство, что в легких все еще есть вода. Интересно, как близко я подошла к утоплению. Слышу торопливые шаги, медсестра идет, чтобы проверить меня.

Я открываю глаза.

— Ну здравствуй, соня, — медсестра говорит слишком веселым голосом. Ее одежда розовая с маленькими медведями Тедди, бегущими по середине. Возможно, я в детском отделении.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но не могла прекратить кашлять. Медсестра вручила мне пластиковую чашку с водой, но я затрясла головой. Вода была последним, в чем я нуждалась. Мне нужен кто-то, кто просунет руки в мое горло и отожмет мои пропитанные водой легкие. Но это, очевидно, не вариант, так что я тянусь к чашке. Тогда я обнаруживаю, что мои руки удерживаются.

Слабо, но все же. Осуждающе смотрю на медсестру, пот бисером катится на затылке, несмотря на то, что в комнате прохладно.

— Я перевяжу тебя, — вежливо говорит медсестра, расстегивая повязку вокруг моей руки. Она наблюдает как я пью. Я медленно опустошаю стакан, боясь, что как только я закончу, она снова меня перевяжет.

Но вместо этого она говорит, что собирается пригласить моих родителей. По ее тону понятно, что она вернется через минуту, поэтому не стоит пытаться что-либо сделать. И мне кажется, что это какой-то тест, чтобы увидеть, что я буду делать во время освобождения. Поэтому я не развязываю свои запястья.

Входят мои родители, шагая в ногу, как солдаты марширующие в бой. Они не бросились меня обнимать; вместо этого они стоят в ногах моей кровати, как будто боятся, что если дотронутся до меня, я сломаюсь.

— Где я именно? — я не потрудилась сказать "привет".

Вода — это последнее, что я помню. Руки Джеса вокруг меня. Должно быть, он как-то поднял меня на лодку; вероятно, они доставили ее обратно на гавань и бросились к нам в больницу. Наверное, я проглотила слишком много воды и потеряла сознание.

— Ты в больнице, — сказала мама.

Я взглянула на свою левую руку, все еще крепко связанную. Не думаю, что я в детском крыле, в конце концов.

— В какой больнице?

Мама смотрит на медсестру и кусает губы.

— Мам?

Медсестра начинает говорить, но когда она это делает, ответ уже ясен: я в психбольнице. Она называет это "психиатрическим отделением", но мы обе знаем, что это только эвфемизм.

Я пытаюсь сесть, свободная больничная пижама, которую я ношу, шуршит, как будто сделана из бумаги.

— Почему я привязана?

— Ты все время пыталась сбежать, — выбалтывает мама, затем смотрит на медсестру. Медсестра подходит и садится на край моей кровати, берет мою руку в свою. Я сдерживаюсь, чтобы не посмотреть угрожающе на родителей, — это их работа, а ни кого-то чужого — сидеть рядом со мной и утешать.

— Ты была без сознания несколько дней. Мы думаем, у тебя были кошмары. Ты помнишь, что видела?

Отрицательно качаю головой.

— Ты называла фамилии, имена, настаивала на том, чтобы вернуться и убедиться, что они в порядке. Ты все время пыталась встать. Нам, в конце концов, пришлось тебя связать, чтобы помочь тебе остаться на месте.

Она смеется, когда говорит последние слова, как будто пытается сделать так, чтобы это выглядело мило. Как будто я была ребенком, который падает с кровати, а они не хотели, чтобы я навредила себе.

— Ты помнишь, чьи имена называла?

Отрицательно качаю головой, хотя догадываюсь. Белла наверное тоже где-то в этой больнице, ее ноги завернутые в бинты, пересекают швы. Возможно, Джес ждет снаружи, возможно, они не впустили его, потому что он не член семьи.

— Я могу их увидеть? — спрашиваю наконец.

— Увидеть кого?

— Беллу, — говорю, морщась от боли, вспоминая ее кровавую рану в ноге. — Я пойду в ее палату, если она не может двигаться. И Пита с Джесом.

Медсестра качает головой по сторонам, так же, как делает Нана, когда не знает о чем я говорю. Очевидно, имена для нее не имеют никакого значения, кроме тех, которые я кричала ночью.

— Ну же, — вымаливаю я. — Люди, которые привезли меня сюда. Которые были на лодке со мной.

— На какой лодке, Венди?

— Лодка. Единственная лодка, которая была настолько глупа, что вышла в воду.

Родители отчаянно смотрят на медсестру, как будто не верят, что у нее есть ответы на все вопросы. Я стреляю глазами, уставившись на нее. Медсестры носят таблички с именами, но у нее такой нет. Не думаю, что она просто забыла ее дома.

Я сажусь, сохраняя затянутой завязку вокруг левого запястья, мышцы в спине ноют в знак протеста.

— Как вас зовут?

— Мэри.

— Вы медсестра?

Она качает головой.

— Нет. Я твой врач, Венди. Твой терапевт.

Киваю, полагаю, что знала об этом.

— Венди, продолжает Мэри, ее голос удручающе спокойный, идеально монотонно отрешенный. — Ты была найдена на песке, возле Галечного пляжа, ты пыталась плавать в шторм, но море было слишком бурным.

Качаю головой.

— Это не то, что случилось, — я начинаю говорить.

Но Мэри продолжает:

— Ты была найдена на том пляже, где полицейские нашли доски для серфинга твоих братьев. Ты искала Джона и Майкла?

— Да, — говорю слишком быстро. — Я имею в виду, нет. Я имею в виду, когда я пошла туда, я думала, что возможно могла бы найти их.

Родители обмениваются взглядами. Каждый раз, когда я смотрю на них, они кажутся более пораженными, чем в прошлый раз.

— Но я знаю, они тонули там. Теперь я понимаю.

Мэри понижает ее безумно спокойный голос, как будто мы делимся секретом.

— Ты думаешь, ты могла бы присоединиться к ним?

Открываю рот, чтобы сказать "нет", но закрываю, прежде чем оттуда вылетят хоть какие-то слова. Потому что я помню, как дрожала в холодной воде, надеясь, что, возможно, найду их, если только позволю себе утонуть.

— Венди, — говорит Мэри. — мы не должны проходить все сегодня. Ты проснулась, ты связанна, и ты не пытаешь сбежать. — Она наклоняется и развязывает ремни, но моя левая рука остается отдыхать на кровати. — Так лучше, не так ли? — говорит она, как будто сделала мне огромное одолжение.

— Подождите, — говорю я отчаянно. Почему-то она держит под контролем этот разговор, сменив тему на меня. Я пытаюсь вернуться на место. — Белла, Пит, Джес, капитан — где они? Лодка вернулась в гавань, не так ли?

Мэри смотрит на меня растерянно, почти не моргая, пока слова выскакивают из моего рта. Я пытаюсь объяснить: я пошла с друзьями в тот день, наблюдать их серфинг. Погода была плохая. Белла получила травму. Я попала за борт.

Мое сердце бешено колотится в груди. Мэри только твердо качает головой.

— Ни одна лодка не была допущена к воде в тот день. Береговая охрана закрыла все нижние гавани.

— Я знаю. Мы не пошли туда. — Может, мне просто нужно звучать раскаивающейся. Может, они злились на меня из-за того риска, на который я пошла.

Но затем меня осеняет, только что очередная волна разбила рб мою голову.

— Вы сказали, что меня нашли на пляже? Никто меня сюда не привозил? — Мэри кивает, улыбаясь, довольная, что я начала понимать. Но я знаю, что она единственная, кто ничего не понимает.

Меня должно быть как-то унесло далеко от лодки и Джеса, Беллы и Пита. Поток принес меня к берегу. Вот почему я звала их во сне, умоляя вернуться и найти их.

Я быстро сажусь, так быстро, что это пугает Мэри, которая пятится от меня, выставив руки перед собой, как будто она думает, что я могу ей навредить. Но вместо этого я встаю. Мои сломанные кости вызывают приступ боли через все мое тело и ноги начинают дрожать, как будто мышцы забыли, как поддерживать меня. Только интересно, как долго я лежала в постели.

— Где моя одежда? — спрашиваю я, смотря не на Мэри, а на родителей. — Давайте, — умоляю я. — Мы должны идти. Они даже еще не искали их. Они могут быть живы.

Конечно, мои родители сразу начнут действовать, когда они поймут: пропала лодка с четырьмя людьми. Отправить береговую охрану, поисково-спасательные службы, Национальную гвардию, — кого вызывают в таких ситуациях, как эта. Но родители избегают моего взгляда, и я не вижу, нажала ли Мэри на красную кнопку, которую она заправила за пояс ее штанов. Позже, я узнаю, что она называется "аварийная кнопка". Сегодня, я только что узнала, что, когда она нажимает на нее, люди, сильнее меня входят в комнату и заставляют меня лечь обратно в кровать.

Сначала я борюсь. Я зову Беллу, — она будет достаточно сильной, чтобы защитить себя от этих ребят, даже если у нее рана на ноге. Я кричу слова: Кенсингтон, Пит, Ведьминс дерево. Я пытаюсь выкрикнуть имя Джеса, но слово застряло в горле, и душит меня. Когда они снова привязывают ремни вокруг моих запястий, — у меня больше нет сил, чтобы бороться.

Наконец я спрашиваю.

— Что вы имеете в виду, говоря о кошмарах?

Мэри не моргает, не разрушает зрительного контакта ни на секунду, перед тем как сказать слово "галлюцинации".

Там, где ремни касаются моего запястья, кожа горит, как в огне.

Это занимает несколько дней, чтобы детально все понять. Меня нашли на пляже, рядом с найденными досками моих братьев месяцы назад, — врачи думают, что я пришла в заблуждение в попытке найти братьев, присоединившись к ним на дно моря.

Я была без сознания, когда они наши меня, зашла в гости и была без сознания несколько дней, вызывая Пита, Беллу, Джеса. Врачи и Мэри думают, что эти имена принадлежат людям, которые существуют только в моем воображении. Мы уже проходили через это, я хочу кричать. Но вместо этого, каждый раз, когда я объясняю, я спокойна, рассказывая свою историю снова и снова, умаляя их вызвать береговую охрану. Я чувствую себя, как подозреваемая в убийстве, будучи на гриле под ярким и жарким огнем, как будто они пытаются поймать меня на лжи, чтобы найти изъян. Что, конечно, они и делают. Они думают, что если они разделят мой рассказ, я пойму, что это просто невозможно.

Они также не могут понять, было ли это лекарственный психоз или горе-индуцированный. Это немного похоже на загадку, что появилось первым курица или яйцо. Я принимала наркотики, потому что была убита горем и тогда придумала этот мир, или я придумала этот мир, потому что была убита горем и принимала наркотики для сохранения иллюзий?

Они говорят, что это маловероятно, что я принимала наркотики только один раз, а я думаю, что я это не так. Они настаивают на том, что вряд ли это был какой-то один препарат, — в моей системе есть еще следы галлюциногенов — коктейль из редких химических веществ, таких непонятных, что они даже не знают их названий.

Их, кажется, не волнует, где я достала наркотики или как они появились, в связи с тем, что они сделали. Они не верят мне, что это был всего лишь один наркотик, из-за всех этих вымышленных людей. Они думают, что я принимала их по-отдельности, неделями и месяцами, на протяжении всего пути до окончания школы, до тех пор, пока все наркотики смешались у меня в голове и воздействовали на психику.

Ни один из них не верит мне про лодку, о поездке на волнах с Питом, Беллой и Джесом, даже про шторм, который всех нас чуть не потопил. Они говорят, что невозможно, чтобы кто-нибудь занимался серфингом в тот день.

Мне стыдно, во-первых, сказать им, что я была влюблена по крайней мере, в одну из них — если не в две — моих иллюзии, но они в этом разобрались. Это их работа, юбить пронизательными, в конце концов. Иногда примерно так я выгляжу, когда говорю о Пите, о том, как перехватывает горло каждый раз, когда я пытаюсь назвать имя Джеса, выдать свой секрет. Они говорят мне, что эти отношения были всего лишь большой иллюзией всего, потому что они были частью, к которой я была больше всего привязана. Эмоционально. Но сейчас, по крайней мере, я не спорю. Потому что все мои травмы, из-за которых я хожу на физиотерапию в другом крыле больницы каждый день, но никто не пытается отрицать, что настоящая причина, почему я здесь — из-за психиатрии.

В конце концов, я могла сделать физическую терапию в амбулатории. Своими нежными голосами — я скоро обнаружила, что Мэри не единственная здесь, кто владеет эти раздражающим монотонным голосом — они рассказали мне, что мои иллюзии были способом смириться со смертью братьев: я так сильно отрицала это, что в подсознании образовалась новая реальность, ясная как день, реальность их смерти, реальность, где я не

только видела, но и чувствовала, как они умерли.

В нашей семье совещание, мама кричит, что это все ее вина. Она позволила ее оставшемуся ребенку ускользнуть. В итоге отец, Мэри-терапевт и я утешаем ее, успокаивая. Я не могу винить маму за то, что она так потрясена, — кто бы мог подумать, что ее паинька Венди, сбежала из дома и сошла с ума из-за наркотиков?

В этот день я объясняю свою времяпровождение в Кенсингтоне, а иллюзия — это видеть улыбку на лице мамы. Когда я говорю это, на самом деле это ничего не значит, это не значит, что я согласна с их теорией о моем безумии. Я лишь говорю слово "иллюзия" потому, что легче использовать тот же язык, что и они.

Но это слово делает маму такой счастливой, что я повторяю его снова в следующий раз, когда вижу ее, и снова. Сначала, слово кажется кислым во рту, но потом горечь исчезает, пока оно не растворяется и становится всем. Я повторяю его столько раз, что привыкаю к нему, не уверена, верю в это или нет, не уверена в том, что верю в эти утверждения. Когда я повторяю это достаточно много, меня отпускают домой.

В первое утро я просыпаюсь в своей комнате дома, я не узнаю ее. Открываю глаза, ожидая, что окажусь на матрасе на полу в доме Пита. Затем, клянусь, я чувствую как Джес обнимает меня, запах моря, чувствую соленый запах на коже. Но вместо захудалого отеля на пляже, я в стеклянном доме на холме. Вместо вида на океан, из окна выходит вид на городские огни, исчезающие под восход солнца.

Я должна умолять, но в один прекрасный день родители, наконец, отвели меня на пляж. Мэри сказала, что все будет хорошо, — она сказала, что это будет полезно для меня. Конечно, не где-то рядом с Кенсингтоном. Нет, на пляж, рядом с моим домом, тот, где мы были у костра после выпускного. Та ночь, которая, кажется, была миллион лет назад.

— Почему ты так сильно хочешь приехать сюда? — спрашивает мама, но я не отвечаю ей, потому что я слишком занята, наблюдая за серферами, которые направляются к воде. Здесь я вижу по крайней мере десятерых, раскиданные за пределами разбивающихся волн, они по-очереди гребут к волнам, которые не поднимаются выше шести футов.

Было время, когда волны, как эта, казались огромными для меня, но сейчас, они кажутся маленькими. Дома, я гуглила серфинг на больших волнах и смотрела видео, там серферы падали с волн мамонтов. Однажды, папа нашел меня под гипнозом видео серферов из Теахупоо. Сначала, он, казалось, был готов позвонить Мэри, рассказать о возвращении болезни, чтобы меня вернули в больницу.

Но через секунду, он сел рядом со мной, так же зачарованный, как и я, тем кадром, где кто-то летел в тоннеле гигантской волны.

— Это означает "дробление черепа", — сказала я, не подумав.

Отец не спрашивал, откуда я это знаю, и не уверена, что могла бы ему рассказать об этом. Вместо этого, он смотрел, как волна обрушивается на океан, как волна сворачивалась по краям так, что даже у самого опытного серфера были проблемы, чтобы выйти из этого тоннеля, и вода не обрушилась на него.

Спустя несколько минут, отец сказал:

— Понимаю, почему она получила это название.

Теперь он нежно меня обнимает. Он, кажется, очарован этими серферами так же, как и я.

Интересно, он думает о Джоне и Майкле, когда они годами занимались серфингом с этого пляжа, прежде чем сбежали в поисках больших и лучших волн.

Если бы родители запретили мне когда-нибудь поднять доску для серфинга, я бы поняла почему. Как они могут быть уверены в том, что я не пропаду, как Джон и Майкл, соблазненная песнями волновых Сирен?

Но, к моему удивлению, отец говорит:

— Хорошо себя чувствуешь, чтобы вернуться на пляж, не так ли?

Киваю.

— Да.

— Нам следует приходить сюда чаще, — говорит он осторожно. На секунду, на лице у мамы отражается паника, но медленно, неожиданно, широкая улыбка появляется у нее на лице.

Думаю, она должна чувствовать то же, что и я. Как и я, она чувствует себя ближе к Джону и Майклу, когда находится около воды.

Я в ожидании чего-то очень хорошего. Я жду, пока послушно хожу в поликлинику на терапии с Мэри каждую неделю, рассказываю о своих чувствах и отвечаю на вопросы, и прохожу пять стадий горя моих братьев, когда проверяю их личные дела. Я жду, когда Фиона начинает смеяться моим шуткам, — что я, наконец, встречаюсь с горе-консультантом, как она советовала мне несколько месяцев назад. Я жду то тех пор, когда могу сказать, что консультирование помогает, — она была права, в конце концов. Я жду, пока родители соглашаются, что я могу поступить в колледж в январе; они все уладили в Стенфорде, теперь я поступлю на один семестр позднее. Я жду, пока мама не позволяет брать ее машину и ездить на терапию одной. Я жду, когда она отправляет меня на поручения: взять дюжину яиц, тюбик зубной пасты, химчистка. Я жду, пока не становится холоднее и дни становятся короче, пока могу говорить о братьях в прошедшем времени, не заикаясь на словах. Жду, когда родители доверятся мне. Только тогда я беру машину — свежий, новый, блестящий внедорожник, который родители купили мне после принятия в колледж, в виде запоздалого подарка на выпускной, так нормально и удивительно — и еду на пляж Кенсингтон.

Я еду туда, потому что я должна увидеть это собственными глазами. Я еду туда, потому что даже сейчас, все это время, я просыпаюсь каждое утро и думаю, что нахожусь где-то еще. Каждое утро, я думаю, что я в Кенсингтоне.

Дорога мне знакома, но это ничего не значит. Мэри и ее коллеги признали: что я, вероятно, пробралась в закрытое общество, которое когда-то называлось пляжем Кенсингтон, пока была в состоянии психического заболевания. Фиона погуглила и сказала мне то, что я уже знаю: что это был популярный прибрежный поселок в 1980-х годах, но его давно забросили. Теперь там никто не живет. Это небезопасно. Единственная причина, почему они не построили дома на нижних скалах, — не стойкое место для тракторов и прицепов на парковке, приходилось одному корпеть над обломками. Само место неустойчивое. Как я.

Сейчас мне интересно, как я нашла это место; мой GPS перестает работать, когда я укорачиваю дорогу вверх по скалам. На самом деле, если верить моему GPS, я сейчас посередине океана.

Я сворачиваю на дорогу, где мог бы быть дом Джеса. Он там, как я помню, но вместо того, чтобы увидеть свежий слой краски, как несколько месяцев назад, дом снаружи — полуразвален, со стен сходит краска и они покрыт щебнем. По всей двери гаража нарисовано граффити и, когда я подхожу к входной двери, я уже готова разбить стекло, чтобы ее открыть, если понадобится, но она не заперта.

Дом пуст. Внутри нет никакой мебели. Только большие граффити на стенах, но совершенно неразборчивые. На одной из стен, кто-то нарисовал серфера преодолевающего волну. Оно выглядит точно так же, как картинка, которую я видела на скамейке, когда ждала автобус. На полу какой-то хлам. Я делаю глубокий вдох, как будто почувствую какие-нибудь следы от запахов, что будет ассоциироваться с Джесом, но это место отчасти пахнет несвежим пивом и потом, возможно, какие-то ребята остановились здесь, когда занимались серфингом на пляже ниже. Или, может быть, они нашли место для вечеринки, совершенно неосведомленные о волнах.

По крайней мере, дом такой же формы, как я его помню, словно зеркальное отражение

дома Пита, на скале в другой стороне Кенсингтона. Я направляюсь в гараж, вспоминая коллекцию досок для серфинга, которые я видела там, когда в первый раз встретилась с Джесом. Может, хотя бы там найдутся какие-нибудь следы от него.

Но здесь ничего нет — только еще одна пустая комната.

Выхожу через переднюю дверь и спускаюсь вниз по заросшей дороге, которая приведет к дому Пита. Когда я его вижу, то срываюсь на бег. Может, кто-то из компании Пита все еще здесь живет; может быть Хьюи или Мэтт ждут по ту сторону двери. Но в доме беспорядок: здесь пахнет плесенью, как если бы волны поднялись над океаном и залили это место. Раздвижные стеклянные двери, которые ведут на задний двор, широко открыты; несколько чаек перелетают из гостиной. Они сделали этот дом своим.

Плитка пола, которая всегда была блистательно белой, где Пит раскладывал одеяла и где мы все ели ужин, который я приготовила, покрыта перьями и пометом. Птицы кричат на меня в знак протеста, пока я иду на задний двор, к одной знакомой здесь вещи: к шуму волн. Скалы опускаются так прямо и резко, что я делаю шаг назад, опасаясь, что я упаду. Камни негладкие и зубовидные. Невозможно было бы построить лестницу в этих скалах. Не могу понять, зачем кому-то этого хотеть.

Потому что ниже меня нет пляжа. Вода доходит прямо до скал. Там нет идеального треугольника белого песка. Грубые и беспокойные волны направляются прямо в стены скал, брызги сталкиваются с камнем. Серфинг на них может быть смертельным.

Это как если бы океан полностью поглотил мои воспоминания.

Я останавливаюсь у подъездной дорожки дома Фионы. Я сказала родителям, что собираюсь заглянуть к ней, когда уходила утром из дома и, конечно, они мне поверили, теперь, когда я снова стала нормальной.

Домой к Фионе со школы на выходные — она уехала в колледж в обычное время, в сентябре, как и многие другие — и спустя несколько месяцев, она в восторге увидит меня лично.

— Ты так хорошо выглядишь, Вен, — визжит она, пока мы приветственно обнимаемся.

Я смеюсь, а Фиона качает головой.

— Нет, я серьезно. Не знаю, с тех пор как этим летом... Я имею в виду, ты выглядела хорошо, даже когда появилась здесь обкуренная.

— Теперь я знаю, ты просто была очень милой.

— Нет, — настаивает Фиона. — Правда.

Я обнимаю свою лучшую подругу и снова ее обнимаю, пока она восхищается моей новой машиной. Я позволила ей покатать нас от ее дома в горы, когда мы поужинали. Я спускаю окно вниз и вдыхаю аромат эвкалиптовых деревьев, выстроенных по ее окрестностям, стирая следы океана.

Мне хочется извиниться перед ней, сказать, что она была права все это время. Но вместо этого, я слушаю ее рассказ о разрыве с Дэксом, о милом парне, который живет на ее этаже в общежитии, о профессоре, которым она увлечена, о женском братстве, в которое она решила вступить.

— Нет, — добавляет она быстро, как будто переживает, что может меня обидеть. — Я никогда не узнаю тех девушек так, как знаю тебя.

Не уверена, знаю ли я себя. Я была так уверена, что мое лето под солнцем было настоящим, так уверена, что Фиона и Мэри, и мои родители ошибались. Я вообразила себя детективом в поисках подсказок, но оказывается, что мой мозг просто построил какую-то

сложную охоту на мусор для меня, этот же способ я использовала для братьев.

Закрываю глаза и вспоминаю день, когда мы с Фионой встретились в детском саду; мы сразу стали подругами, потому что у нас были одинаковые фиолетовые рубашки в полоску. Мы держались за руки в первый день в средней школе, напуганные старшеклассниками, — казалось, все они были на фут выше нас. Помню день, когда Фиона сдала свой тест на вождение и в первый день выпускного года, мы шли бок о бок и хихикали, потому что теперь новички выглядели такими маленькими.

Я до сих пор слышу, как она с гордостью впервые назвала Декса своим бойфрендом и я все еще чувствую, как крепко она меня обнимала, даже когда думала, что я схожу с ума. Как, вроде бы и было. Я улыбаюсь. У меня много воспоминаний, которые были по-настоящему. Бедная Фи была права. Думаю, что она действительно знает меня лучше всех. Она сразу же поняла, что я придумала Кенсингтон, Пита, Беллу, Джеса.

Все эти деньги, которые родители потратили на терапию и докторов, все эти анализы подтвердили, что я создала мир, где могла забыть тоску по братьям, потому что была слишком занята, чтобы влюбиться и быть любимой, пока моя фантазия не привела меня к Ведьминому дереву и все это, наконец, затрещало по швам. Мне нужно увидеть то, что видели братья; я даже вообразила, как кто-то раскрывает их смерть для меня. Фиона не могла рассказать все непринужденно.

Я вытягиваюсь через переднее сиденье, чтобы сжать руку Фионы на моем новом руле. У меня есть лучшая подруга, которая настоящая, которая любит меня, которая пыталась спасти меня, когда я сходила с ума. Мне не нужны Пит и Белла, мне не нужен Джес. У меня есть что-то настоящее, прямо здесь.

— Конечно нет, — отвечаю я наконец. Я замолкаю, растягивая лицо в улыбке. — На самом деле, мне кажется, что ты знаешь меня лучше, чем я сама.

Пока еду домой позже, мне стало интересно, что бы сказала Мэри, если бы узнала, что я сегодня была в Кенсингтоне, если бы узнала, что теперь я видела, что он настоящий. Мэри поспорит — она аргументирует — что у меня есть полное право оплакивать потерю Джеса, Пита, Беллу, Кенсингтон и жизнь, которую я считала настоящей.

Она бы сказала: поскольку они были реальны для меня, теперь, когда они ушли, я должна скорбеть о них. Эта та логика, которую я всегда ненавидела. Не стоит привязываться к тому, что не реально. Или к людям, которых не существует.

Поэтому я не плачу из-за утраты, пока еду вдоль Тихоокеанского побережья, преодолевая мили между Кенсингтоном и мной. Вместо этого, я смеюсь. Я смеюсь, потому что должна была знать, что все это не настоящее; это было так очевидно, теперь, когда я думаю об этом. Я оставила себе такую огромную подсказку, прямо в центре моего бреда:

Не было никакой возможности по-настоящему преодолеть волну, неважно как сильно я этого хотела. К тому времени, как я добралась домой, я решила специализироваться в математике, когда поступлю в Стенфорд. Ничего подобного, только мнимые числа.

За исключением, конечно, имеющихся.

Я иду в свою комнату и закрываю дверь. На следующий день мама отдала обратно мой блокнот, который она забрала у меня несколько месяцев назад, ту, в которой я хранила все свои заметки, когда думала, что живу в доме Пита. Эта давно позабытая на моем рабочем столе ложь, но теперь я открываю ее, пробегая пальцами по своим каракулям. Даже мой почерк не похож на мой — неаккуратный, даже страшно смотреть. Почерк человека, имеющего психическое расстройство. Я с шумом закрываю блокнот и кидаю в мусорную корзину по столу.

Вчера на терапии Мэри спросила у меня, говорила ли я когда-нибудь Джесу, что люблю его. Я не ответила ей. Уже воспоминания — или как я должна называть то, что помню из своих иллюзий — начинают постепенно угасать. Они нечеткие, как картинка, на которую кто-то пролил ведро с водой, границы между каждым изображением размываются, пока не становятся расплывчатыми. Она толкнула меня; я должна была любить его, сказала она, если собиралась сбежать вместе с ним, путешествовать по миру вместе с ним, отдавая всю свою жизнь — школу, семью, друзей — только чтобы быть с ним. Я должна была его любить, снова сказала она. Разве нет?

На самом деле, я никогда ей не рассказывала, что собираюсь сбежать с Джесом. Должно быть, я сказала что-то об этом, когда была в полубессознательном состоянии, бесконечно бормоча, вызывая свой сон. Должно быть, она делала заметки, когда сидела у моей кровати.

Я отказывалась ей отвечать. И, конечно, не сказала ей, что, когда я проснулась в психбольнице несколько месяцев назад, моя первая мысль была о том, что я тоже его люблю. В воде, когда он пытался спасти меня — когда он сказал, что любит меня — у меня никогда не будет возможности сказать ему то же самое; вода обрушилась на меня так быстро, я едва успела открыть рот, чтобы перевести дыхание, не говоря уже о произношении четырех слогов.

Я решила, что на следующей неделе я отвечу Мэри на последний вопрос. Я скажу ей, что не говорила Джесу, что люблю его, потому что нельзя любить кого-то, кто не

существует. Какой бы ни была эта боль в моей груди, это не может описать боль, от его потери, потому что его никогда не было здесь. Эта боль — только пустота.

На следующее утро, когда я делаю себе миску каши, я обнаруживаю, что у нас нет молока. Позже мама пошлет меня в продуктовый магазин. Она больше не думает дважды, прежде чем отправить меня куда-нибудь. Это даже немного раздражает, как быстро она это говорит:

— Венди, дорогая, ты можешь взять это?

Всего несколько недель назад, это не имело никакого значения. Несколько недель назад, я волновалась, когда отправлялась за молоком. Улыбаюсь, пока ем свои сухие хлопья, огромная голова Наны покоится на моих коленях — полагаю, это прогресс. Я даже еще не потрудилась одеться; я все еще одета в пижамные брюки и майку, которые я стащила у Майкла несколько лет назад, еще до их с Джоном исчезновения.

Он носил эту одежду на пляже и она стала такой мягкой и выцвела на солнце, поэтому, когда она попала в стопку моего белья, я ее не вернула. Он дулся и пыхтел, глядя на эту рубашку, но я никогда не признавалась ему, что у меня был весь комплект, спрятанный на дне моего комода, ожидающий, когда я возьму его с собой, когда закончу колледж, как маленький кусочек дома.

По крайней мере, теперь мне не придется его скрывать. Я подбрасываю последний из моих зерновых в тарелке, когда отец заходит и блокирует мне дорогу через переднюю дверь.

— Что ты делаешь дома? — спрашиваю я.

С тех пор, как я вернулась из больницы, он обычно ходил на работу каждый день. Распорядок дня родителей становится все больше и больше похож на тот, который был, прежде чем пропали братья и меня выбросило на берег. Мама встает и одевается каждое утро, выходит на долгую прогулку с Наной по окрестностям. Папа ходит на работу пять дней в неделю, и даже иногда приходит с опозданием, как и делал это раньше.

Он не отвечает на мой вопрос, только зовет маму по-имени. Она почти бежит вприпрыжку из своей спальни к нему, ее волосы еще мокрые после душа. Нана пританцовывает у ее ног и у меня кружится голова, потому что родители сейчас несерьезны.

— Венди, — говорит папа, едва сохраняя невозмутимое выражение лица. — Там на подъездной дорожке посылка для тебя.

Я вздергиваю брови. Они уже купили мне машину и тот подарок не был с таким музыкальным вступлением. Отец и я ходили в дилерский центр вместе — я прошла тестдрайв на нескольких моделях и мы вместе с отцом все просчитали, прежде чем решили, какую машину выбрать. Я сама поехала на ней домой; не было никаких больших открытий, машина не стояла на подъездной дорожке с обвязанным вокруг большим красным бантом. Что там может быть?

Мои босые ноги скрепят по плитке на полу, пока я иду к входной двери. Несколько месяцев назад (миллион лет назад), я бы подумала, что это мои братья ждут меня там. Я бы поверила, что — что-то, какая-то магия вернула их назад в стеклянный дом, где они терпеливо ждали на подъездной дорожке, чтобы удивить меня своим присутствием. Но сегодня, эта идея даже не приходит мне в голову.

Братья умерли, и я, наконец, начала долгий процесс обучения жизни без них.

Яркое солнце светит в глаза, когда я открываю переднюю дверь. Прищуриваюсь, держа ладонь как козырек на лбу. Там, прислоненная к моей машине, украшенная в большой красный бант, доска для серфинга. Делаю несколько робких шагов в ее сторону, как если бы

у нее могли вырасти ноги и она убежала, если я подойду слишком близко и слишком быстро. Я оглядываюсь на родителей, которые улыбаются с порога.

Доска прекрасная! Кремово-белая по бокам, с потертой бледно-зеленой краской, а желтый и розовый протекают по центру. Как ни странно, длина идеальна для моего роста — даже в своих фантазиях я никогда не занималась серфингом на доске с подходящим для меня размером.

Новая доска все еще возвышается надо мной. Отец даже привязал блок воска для доски и она болтается на шнурке от красной ленты. Протягиваю руку и касаюсь ее, чувствую знакомую текстуру стеклоткани, смотрю на острый плавник на дне. Оборачиваюсь к родителям.

— Это для меня?

Они кивают, проходя через дверь рука об руку.

— Это для тебя, — отвечает папа.

— Мы знаем, как сильно ты хочешь научиться серфингу, — говорит мама. — Ты все время говорила об этом на семейном совещании. И тогда, однажды на пляже, мы просто подумали... — она останавливается, жуя губу. — Мы подумали, что, возможно, это именно то, что ты хочешь.

Киваю. Я думаю, что, возможно, я никогда не хотела чего-то так сильно как хочу грести на этой доске и бежать с ней в волны.

— Мы могли бы позже съездить в магазин и установить стеллаж у тебя на крыше, — добавляет папа, указывая на мою машину. — Она тебе понадобится, чтобы ездить в школу с доской.

— В школу? — повторяю я.

Он кивает.

— Я знаю, что Стенфорд не близко к побережью, но в нескольких минутах езды есть много пляжей.

Киваю. Слова, которые он не сказал парят между нами. Пляж, где меня нашли, находится всего в нескольких часах езды от Стенфорда.

— Только будь осторожна, — начинает мама, но папа качает головой, заставив ее молчать.

Я изучаю лица родителей: они улыбаются, но в их глазах я вижу страх.

Мама берет Нану за ошейник, чтобы она не убежала на улицу, но она держится спокойно, чем это необходимо, как будто ей нужно уловить каждое сказанное слово.

Я понимаю, как много означает этот жест, что это знак их доверия, их храбрости, чтобы подтолкнуть меня к воде — туда, куда я хочу, несмотря на все то, что случилось со мной и с братьями.

— Если высота неподходящая, — добавляет мама, — или если тебе не нравится цвет...

Я качаю головой.

— Нет, — говорю я, улыбка расплывается по всему лицу.

Я уже представляю воду под моей прекрасной доской, чувство полета, когда я падаю в волну.

— Она идеальна, — добавляю, притянув маму в объятия. — Она мне нравится.

Январь теплый не по сезону, даже для Южной Калифорнии. Прогнозисты в вечерних новостях не беспокоятся, чтобы замаскировать свое удивление, каждый раз, когда поднимается температура: семьдесят три, семьдесят восемь, семьдесят один и, в день, когда я уезжаю в колледж, семьдесят четыре (прим. пер. — температура по Фаренгейту).

— Пляжная погода, — говорит папа, пока он вмещает матрас в заднее сиденье за мной. Киваю, бросая взгляд на доску для серфинга, плотно закрепленную к стеллажу на крыше моей машины.

Я провела последнюю ночь — когда я должна была собираться или хотя бы просмотреть каталог курсов на компьютере — нанося воск на доску. Я не могла помочь себе. Я хочу, чтобы доска была идеально подготовлена, когда придет время. Мама уже сказала, что когда я буду готова, они собираются взять у меня уроки серфинга на любом пляже, который я выберу.

Они наняли меня частным инструктором. Я чуть не простонала, когда она упомянула об этом — что может быть лучше, чем дорогой частный преподаватель на пляже? — но я понимала, как много это для нее значит. Ее выражение лица говорило, что она согласна отпустить меня в оду, но пожалуйста, пожалуйста, дать ей только одну вещь — это уверенность в том, что я буду как можно осторожна.

Поэтому я подавила свой стон и вместо этого, поблагодарила ее.

На самом деле, я не планирую войти в воду в скором времени, несмотря на тепло не по сезону. Я правда взволнованна начинать занятия, иметь расписание, учиться и писать работу. Это было так давно, что я волнуюсь — может, я забыла как это делается. Папа вздрагивает, когда фотографирует меня. Мне не нужна видеть, чтобы знать, на что это похоже: девушка с прямыми каштановыми волосами и бледной кожей стоит рядом со своей блестящей новой машиной, готовая начать следующую главу ее жизни. Но он протягивает камеру перед собой, чтобы показать мне фото. Я удивлена тем, что вижу — может быть, Фиона не просто была милой в тот день, когда сказала, что я выгляжу хорошо.

Фактически, может быть, я никогда не выглядела так хорошо. как сейчас — с машиной и доской для серфинга рядом со мной. Даже на фото я вижу, что мои глаза светятся из-за них, как всегда было у моих братьев.

По обе стороны от меня пустое место, которое мои братья заняли бы, если были бы здесь сегодня. Возможно, там всегда будет пустое место с обеих сторон от меня, место, где должны стоять мои братья. И теперь я знаю, что я буду жить с этим пустым местом каждый день, всю оставшуюся жизнь.

— О, — говорит папа, просунув руку в карман джинсов. — Чуть не забыл. Это пришло на твою почту.

Он протягивает конверт, адресованный мне. Ни обратного адреса, ни почтового штемпеля, как будто кто-то сунул его в наш почтовый ящик ночью, когда мы спали.

— Спасибо, — говорю я, забирая письмо у него и вскрывая. Я едва сдерживаю вдох, когда вижу, что внутри: фотография с двумя красавчиками — мальчики — высокие и мускулистые, они лениво обнимают друг друга, их доски для серфинга стоят в песке по обе стороны от них. У одного из них карие глаза в окольцованные в ярко-желтый цвет, как солнце, а у другого глаза — синий лед.

Надеюсь, папа не видит, что мои руки трясутся пока я запикиваю конверт и фото в сумку. Пожимаю плечами, как будто это ничего важного, но мое сердце бьется так сильно, что я удивлена, что отец этого не слышит.

Мама выходит из дома, неся бумажный пакет, Нана бежит трусцой рядом с ней.

— Немного закуски в дорогу, — говорит она, протягивая пакет.

— Вы знаете, есть миллион ресторанов между этим местом и Пало Альто? — говорю я, но тем не менее, беру мешок. Наклоняюсь, чтобы поцеловать Нану на прощание и прижимаюсь щекой к ее мягкой шерсти.

— Езжай осторожнее, — говорит мама, крепко меня обнимая. — И позвони нам в ту же минуту, как приедешь.

— Хорошо. Я обещаю.

Она предложила поехать со мной, но я отказалась. Я хочу совершить эту поездку в одиночестве, и теперь, когда картина заставляет чувствовать, как будто моя сумка весит сто фунтов, я знаю почему.

Отец обнимает меня, целуя меня в макушку как, когда я была еще маленьким ребенком. Я машу родителям в открытое окно, когда выезжаю со стоянки, тень доски для серфинга виднеется на полу у их ног.

Каждый раз, когда на светофоре между стеклянным домом и въездом на автостраду, загорается красный свет, я достаю фотографию из сумки и кручу ее в руках, глядя на нее, как будто если буду смотреть на нее достаточно долго, она раскроет ответы на все вопросы. Возможно, в ней какой-то секрет, какая-то записка в углу, скрытая за видом моря.

Но там — ничего. Ни намек, ни подсказки. Я даже не узнаю почерк на конверте. Это может быть любой из них — Джес, Пит, Белла, даже Хью или Мэтт — тот, кто отправил эту фотографию мне.

Пит и Джес такие юные на фото, долговязые подростки — должно быть, ее сделали, когда они вместе занимались серфингом, перед тем, как пыль или Белла, или у меня был шанс встать между ними. И еще, понятно, что Джес старше на два года; он выше Пита, шире его. Забавно, что я никогда не знала, сколько им обоим лет.

Я поворачиваю на контрольный пункт и еду до побережья. Следующий, еще один выезд, который я хорошо знаю. Тот, через который никто не ездит. Одна дорога ведет вверх над водой, где стоят два разрушенных дома на против друг друга. В день, когда я познакомилась с Питом, он рассказал мне о волнах, которые поднимаются до самых скал, разрушая несколько домов.

Шторм, который нарастал на Ведьмином дереве, мог послать разрушающие волны на пляж Кенсингтон, полить дом Пита соленой водой, смыть лестницу в скалах и вообще затопить весь пляж. Может быть, океан поглотил все мои воспоминания, после всего этого. Я могла бы изменить направление прямо сейчас, проверить в приложении на телефоне и узнать, куда движется дальше самая большая зыбь, где сегодня, завтра, на следующей неделе на Земле будут большие волны. Я могла бы развернуться и рвануть в аэропорт, купить билет, сдать свою доску — и исчезнуть. Это был наш план, когда все закончится: путешествовать по миру, вместе в погоне за волнами.

Но я качаю головой, оставив фотографию на коленях. Пит всегда говорил, что как только ты принял решение одолеть волну, ты не можешь передумать. Неважно какая большая или маленькая волна, если ты однажды сделал это, самый верный способ измениться — попытаться изменить направление вместо того, чтобы терпеть крушение.

Сильно нажимаю на газ, ускоряясь на север, продолжив свой путь.

Фотография — это все что мне сейчас нужно. Доказательство того, что Кенсингтон был настоящим. Пит был настоящим. Белла была настоящей.

Джес был настоящим. В моем воображении, я вижу его, как прямо сейчас он на другой стороне мира, преодолевает волну за волной в таком чистом и холодном, как звездный свет океане. Задолго до знакомства со мной, Джес планировал гонять волны по всему миру — с Питом, не со мной. Он остался в Кенсингтоне, потому что ждал, когда Пит пойдет с ним.

Я помню все, точно и ясно.

Я помню Пита: как моя рука идеально подходила его, его всегда теплую кожу, как если бы он всегда купался в солнечных лучах.

Я помню его поцелуи и то, как он пробовал поцеловать меня, и россыпь веснушек на его носу, которые на оттенок темнее, чем веснушки, густо покрывающие его тело. Я помню, как он учил меня стоять на волне, — встав на доску за мной, и позволив мне летать.

Я помню Беллу: ее серые с голубым отливом глаза, ее белокурые волосы, развивающиеся на спине, когда она плыла по волне. Я помню рану на ее ноге, уродливую и красную, и помню, как Пит держал ее, когда она истекала кровью. Я помню, как она смотрела на меня, когда рассказывала правду о моих братьев — с сожалением, не только из-за того, что скрывала от меня правду, но еще потому, что не смогла их спасти.

И я помню Джеса: его запах, чувствовать его, его вкус, вес его тела надо мной, его сильные руки вокруг меня. Я никогда не встречала таких сильный как он, и не думаю, что когда-либо встречу.

Он был достаточно силен, чтобы вытащить меня из воды — каким-то образом, я оказалась на пляже, где меня нашли, даже если все что он делал — толкал меня по правому течению. Он был достаточно силен, чтобы спасти себя, спасти Пита, Беллу. Так или иначе, они вернулись на сушу. И так или иначе, кто-то хотел, чтобы я знала об этом.

Фотография кажется горячей на ноге. Я запикиваю ее обратно в конверт, сложив его глубоко внутри сумки и укрепляю хватку на руле. Когда я возьму его позже, я обнаружу несколько маленьких песчинок, сахарно-белую и желтую пыль, покоившихся на дне моей сумки. Теперь, я держу свой курс на север, как и планировала. Теперь, я буду жить своей жизнью, не зная точно, где могут быть мои друзья. Потому что теперь я знаю, что каждая минута, которую мы провели вместе — реальность.

Наша любовь была настоящей, и каждый день, когда у меня был шанс сказать "я тоже люблю тебя". И этого достаточно.

Но, возможно, сделаю только одну остановку. Это пляжная погода, в конце концов, как сказал папа. Я практически чувствую вес доски на крыше над головой. И, как оказалось, у меня уже есть несколько уроков серфинга от эксперта.

Перестраиваюсь на другую сторону и направляюсь на побережье.

Всего несколько волн и затем я продолжу свой курс.

Пока.

Больше книг на сайте — Knigolub.net